

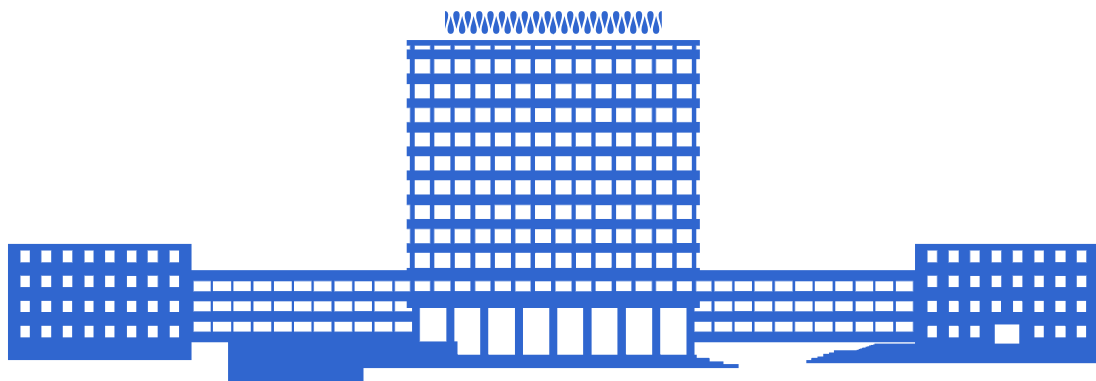
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ



**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 15 Выпуск 3 (45) 2019



ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2019. – Т. 15. – Вып. 3 (45). – 141 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 9 от 29 ноября 2019 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2019
© Авторы, 2019

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 15 Выпуск 3 (45) 2019

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2019

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 15 Issue 3 (45) 2019

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 15, Вып. 3 (45), 2019

Германские языки

<i>Голодов А. Г.</i> Феномен «идеологической синонимии» как приём информационной войны (немецкая массовая пресса о «деле Скрипалей»).....	5
<i>Фатьянова И. В.</i> Типы языковой личности в современном англоязычном политическом дискурсе.....	16
<i>Федуленкова Т. Н., Мальшиева А. С.</i> Структурно-компонентное наполнение субстантивной модели английского делового ФЕ-термина.....	30

Романские языки

<i>Воркачев С. Г.</i> Nem Teme, Quem te Adora, a Própria Morte: дискурс гимнодии содружества португалоязычных стран.....	41
--	----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Басыров Ш. Р.</i> Фразеологические метафоры с семантикой деструкции.....	50
<i>Бессонова О. Л., Есипенко А. И.</i> Эмотивные наименования лица в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе XX столетия.....	66
<i>Ветрова Э. С.</i> Средства выражения вежливости в английском и русском языках.....	80
<i>Гордиенко Е. В.</i> Категория оценки в современном британском и американском медиадискурсе.....	91
<i>Дроздов В. А.</i> Наименования частей тела в ямайском, багамском, белизском и тринидадо-тобагском креолях на англоязычной основе.....	102
<i>Писарева В. В.</i> Диатезы собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках.....	112
<i>Fedulenkova T. N.</i> Isomorphism and Allomorphism of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor.....	126

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 15, Issue 3 (45), 2019

Studies in Germanic Languages

<i>Golodov A. G.</i> Phenomenon of «Ideological Synonymy» as Method of Information War (German Mass Media on the “Scripal Case”).....	5
<i>Fatyanova I. V.</i> Types of Linguistic Personality in Modern English Political Discourse.....	16
<i>Fedulenkova T. N., Malysheva A. S.</i> Structural-Component Contents of the Substance Model of English Business PU-Term.....	30

Studies in Romance Languages

<i>Vorkachev S. G.</i> Nem Teme, Quem te Adora, a Própria Morte: Discourse of the Hymnody of the Portugal Countries Commonwealth.....	41
---	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Basyrov Sh. R.</i> Phraseological Metaphors with the Semantics of Destruction.....	50
<i>Bessonova O. L., Yesipenko A. I.</i> Emotive Designations of Person in the English and Russian Fiction of the XX Century.....	66
<i>Vetrova E. S.</i> Modes of Expressing Politeness in English and Russian Languages.....	80
<i>Gordienko E. V.</i> Evaluation in Modern British and American Media Discourse.....	91
<i>Drozдов V. A.</i> Names of the Parts of the Body in the English-Based Jamaican, Bahamian, Trinidado-Tobagonian and Belizian Creoles.....	102
<i>Pisareva V. V.</i> Diatheses of Self-Reflexive and Possessive-Reflexive Verbs in German and Russian Languages.....	112
<i>Fedulenkova T. N.</i> Isomorphism and Allomorphism of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor.....	126

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112(05)

© 2019 А. Г. Голодов

ФЕНОМЕН «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ» КАК ПРИЁМ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (немецкая массовая пресса о «деле Скрипалей»)

В статье анализируется информационно-психологическая атака на Россию в таблоиде БИЛЬД с использованием «чисто английской темы» – дела с отравлением Скрипалей. Эта тема была использована в качестве фланговой атаки против России для предварительной диффамации ЧМ 2018. В деле «Скрипалей» с самого начала в качестве главного доказательства для западных политиков стала знаменитая фраза: «С вероятностью высшей степени» (анг. highly likely). Это лексическое изобретение английского политического истеблишмента и обслуживающих его СМИ было успешно заимствовано из английской прессы в немецкий БИЛЬД в виде кальки – höchst wahrscheinlich (вариант: mit sehr hoher Wahrscheinlichkeit), где также выступило в роли основного «доказательного аргумента». С «высокой степенью вероятности» можно утверждать, что информационная война породила феномен «идеологической синонимии», т. е. использование соответствующих выражений с пропагандистской целью в значении, которое им абсолютно не свойственно. Таким образом, значение «предположения» может трансформироваться в «абсолютную уверенность», за счёт чего происходит идеологическая трансформация, порождающая «идеологическую синонимию».

Ключевые слова: информационная война, немецкая массовая пресса, дело с отравлением Скрипалей, идеологическая синонимия.

© 2019 A. G. Golodov

PHENOMENON OF «IDEOLOGICAL SYNONYMY» AS A METHOD OF INFORMATION WAR (German Mass Media on «the Skripals Case»)

The article focuses on the analysis of psychological information attack on Russia forged by BILD tabloid that resorted to «pure English topic» – the case of the Skripals poisoning. The case was used as flank attack against Russia to preliminarily defame the 2018 World Championship. The famous expression «highly likely» has become the crucial evidence of the guilt for western politicians. This lexical inventions of British political establishment with the support of its loyal mass media was successfully derived from the British press to the German BILD as «hochst warshienlich» or «mit sehr hoher Wahrscheinlichkeit» as a variant, it being used as a crucial evidence of the guilt as well. One can «highly likely» assert that information war has given rise to the phenomenon of «ideological synonymy», i.e. the usage of corresponding expressions in nonpeculiar meaning aimed at propaganda «possibility», that may be transformed into «assurance» causing ideological transformation resulting in «ideological synonymy».

Key words: information war, German mass media, the Skripals case, ideological synonymy.

Антироссийская пропаганда занимает особое место в массово-бульварной газете BILD, которая фактически возглавляет русофобскую пропаганду в немецком медийном пространстве. Если таблоид BILD занимает лидирующее место среди других СМИ в отношении антироссийской пропаганды, то немецкие СМИ ещё в 2014 году заняли первое место в рейтинге недружелюбия по отношению к России. Авторы исследования отмечают, что «Германия занимала первое место в аналогичном рейтинге в 2013 году» [Голодов, 2015: 22]. Однако с тех пор антироссийская направленность немецких СМИ не уменьшилась.

Для противодействия мощному информационно-пропагандистскому наступлению объединённого Запада против России необходим тщательный анализ методов его ведения и динамика их развития. Задачей исследований конкретных методов пропагандистской войны, которую в данном случае ведёт флагман немецких массовых СМИ против России, является также и попытка поиска некоторых способов ведения аргументированной контрпропаганды, хотя «аргументы и факты» перестали быть основными инструментами в работе западных СМИ.

Информационные бездоказательные вбросы (фактически это эвфемизм, заменяющий реальное жёсткое слово «клевета»), которыми они переполнены в последние несколько лет, позволяют это утверждать. Главное – вбросить факт, а критерием его правдоподобности для объединённого Запада стали следующие:

- 1) кто вбросил факт;
- 2) в поддержку кого (или против кого) направлена публикация.

Если публикация соответствует западному мейнстриму, то истиной признаётся самая невероятная чушь, как, например, преднамеренная бомбардировка российскими ВКС больниц и других гражданских объектов в Сирии или применение Россией боевого отравляющего вещества против Скрипалей в Англии. Этот список сегодня можно продолжать бесконечно. Контраргументы и их реальные доказательства «свободной» западной прессой абсолютно не воспринимаются.

Ещё перед ЧМ 2018 в качестве основного оружия наступления на Россию авторы таблоида БИЛЬД позаимствовали профильную «английскую тему» – войну в Сирии, связав её с отравлениями в Англии (Литвиненко – 2014 г. и Скрипалей 2018 г.), хотя в обоих случаях не было доказано даже косвенное участие России в этих эпизодах, также как и не было доказано применение химического оружия войсками Асада против террористов или оппозиционеров.

Оба недоказанных обвинения таблоид объединил и сделал остриём атаки против России, используя их для «предварительной диффамации» предстоящего ЧМ 2018. Так называемое «дело Скрипалей», которое стало поводом для самых нелепых и голословных обвинений в адрес России, занимает существенное место в этой фланговой атаке на Россию перед ЧМ 2018.

Сергей Скрипаль – полковник Главного разведывательного управления Генштаба России в отставке. Работал в ГРУ до 1999 года, потом в МИДе. В 2004 году был задержан ФСБ, после чего признался, что работал на британскую разведку, которой был завербован в 1995 году.

В 2006 году его приговорили к 13 годам в колонии строгого режима. В 2010 году его обменяли на российских агентов, пойманных в США. Он был освобождён и уехал вместе с семьёй в Англию.

4 марта 2018 года в британском городе Солсбери произошло отравление Сергея Скрипаля и его дочери, которая прилетела из Москвы, чтобы навестить отца. Британские эксперты определили, что при отравлении использовалось боевое отравляющее вещество класса «Новичок», но при этом не смогли установить место его производства.

Правительство Великобритании обвинило Россию в покушении на Скрипалей, не приводя никаких конкретных доказательств. Разразился дипломатический конфликт, в результате которого из США и многих стран Запада были высланы российские дипломаты, на что Россия ответила зеркально.

Фактически расследование этого отравления в Великобритании зависло и никаких доказательств «российского следа» до сих пор обнаружено не было. Тем не менее, время от времени вина России упоминается в западных СМИ как факт и скандал разгорается с новой силой. Причём это происходит, как правило, в тот момент, когда у англичан возникают (или обостряются) внутривнутриполитические противоречия.

Уже сами названия статей таблоида, посвящённых «делу Скрипалей», демонстрируют общую тональность всей пропаганды объединённого запада в целом:

1. *Giftanschlag in Großbritannien. May gibt Russland die Schuld!* ‘Покушение с помощью отравляющего вещества в Великобритании. Мэй обвиняет Россию!’.

2. *Gift-Attentat. Westen schmiedet Allianz gegen Putin.* ‘Запад создаёт альянс против Путина’.

3. *Rufen die Briten NATO zu Hilfe? Bündnispartner besprechen Reaktionen auf Russen-Gift-Attentat.* ‘Призовут британцы НАТО на помощь? Партнёры по альянсу обсуждают реакцию на российское покушение с помощью отравляющего вещества’.

4. *Jetzt müssen Putins Freunde um ihre Villen zittern!* ‘Теперь друзья Путина должны дрожать за свои виллы!’.

5. *Gewinnt am Ende Putin den Gift-Krieg?* ‘Выиграет в конечном итоге Путин войну с отравлением?’.

6. *Weckruf und Warnung.* ‘Сигнал побудки и предупреждение’.

В статьях, посвящённой данной теме, в качестве аргументации используется лексика, выражающая *бездоказательные предположения* в виде *вбросов*:

В самом начале статьи *«Giftanschlag in Großbritannien. May gibt Russland die Schuld!»* [BILD, 13.03.2018: 2] ‘**«Покушение с помощью отравляющего вещества в Великобритании. Мэй обвиняет Россию!»**’ премьер-министр Великобритании Тереза Мэй (61) обвинила Россию в том, что она с «высокой степени вероятности» (highly likely) виновна в атаке нервно-паралитическим отравляющим веществом на российского бывшего двойного агента Сергея Скрипаля (61) и его дочь Юлию (33).

В речи перед парламентом она сказала в понедельник вечером, Россия или сама стоит за покушением, или допустила, что яд «Новичок» ... попал в чужие руки» (Großbritanniens Premierministerin Theresa May (61) hat Russland vorgeworfen, mit **«hoher Wahrscheinlichkeit»** schuld an der Nervengift-Attacke auf den russischen Ex-Doppelagenten Sergej Skripal (66) und seine Tochter Yulia (33) zu sein. In einer Rede vor dem Parlament sagte sie am Montagsabend, entweder stecke Russland selbst hinter dem Angriff oder es habe zugelassen, dass das Gift Nowytschok (dt. Neuling) in fremde Hände gerät.

А в конце статьи уже упоминается факт расследования «покушения на Скрипалей» спецподразделениями, которое пока так и не привело ни к каким конкретным выводам, позволяющим выдвинуть обоснованные обвинения (Eine britische Anti-Terroreinheit (250 Polizisten) ermittelt mit Hochdruck. 200 Zeugen wurden bisher befragt, 240 Beweismittel sichergestellt).

Но это «уточнение» приводится в самом конце статьи как абсолютно второстепенная информация. Главное – *информационный вброс* был сделан, а дальнейшее объяснение уже как-то и не важно.

Кроме того, Мэй утверждает: *«Sicher ist, dass Mr. Skripal und seine Tochter mit einem militärischen Nervengas vergiftet wurde, das in Russland produziert worden ist»* ‘«Достоверно, что мистер Скрипаль и его дочь были отравлены боевым отравляющим веществом, которое было произведено в России»’.

Спустя год после отравления ни одна серьёзная экспертиза до сих пор не смогла

определить, в какой конкретной стране был произведён «Новичок», а госпоже Мэй и авторам таблоида это было «достоверно известно» сразу же после отравления.

Для западных политиков словосочетания, выражающие предположение – «достоверно ...» (*sicher ist*) и «в высшей степени вероятно» (*höchst wahrscheinlich*) стали уже синонимами. Они применяются без приведения фактов и должны восприниматься всеми как истина. Важно не *что* говорится, а *кто* говорит. «Антропонимический фактор» исключает необходимость в любой доказательной базе.

В данном случае речь можно вести о *методе «дискредитирующего предположения» или «произвольного вброса недоказанного факта»*, которое подаётся как доказанный факт. Можно утверждать, что в результате информационной войны появился такой лингвистический феномен как «*идеологическая синонимия*», суть которой заключается в использовании соответствующих лексем с пропагандистской целью в значении, которое им абсолютно не свойственно. В данном эпизоде значение «*предположения*» трансформируется в «*абсолютную уверенность*». Следовательно, происходит своего рода трансформация, в результате которой получаем следующий вариант синонимии: *höchst wahrscheinlich (highly likely) = sicher, bestimmt*.

Не случайно в приведённом выше тексте выражения «*достоверно ...*» (*sicher ist*) и «*в высшей степени вероятно*» (*höchst wahrscheinlich*) употребляются фактически как синонимы, что подтверждает факт существования «*идеологической синонимии*».

После этих абсолютно не подкреплённых никакими фактами вбросов госпожа премьер-министр выдвинула русским ультиматум: До вечера во вторник они должны объяснить происшествие перед организацией за запрещение химического оружия (OPCW).

Всё это наводит на мысль, что с этими господами следует разговаривать на их языке, например, выдвинуть какой-либо встречный ультиматум, может быть, даже такой же нелепый, на который дать нормальный ответ практически невозможно. Метод оправданий в ответ на вбросы и беспочвенные обвинения плохо работает и лишь провоцирует противную сторону на дальнейшие подобные действия.

В другой статье: «*Gewinnt am Ende Putin den Gift-Krieg? Immer neue Führten, Gerüchte, Indizien im Giftkrieg zwischen Russland und der EU ...*» [BILD, 14.03.2018, S. 2] ‘«**Выиграет в конечном итоге Путин войну с отравлением? Всё новые следы, слухи, косвенные улики в войне с отравляющими веществами между Россией и ЕС ...**»’ вновь встречается «классическая аргументация» западных СМИ, когда речь идёт о доказательствах обвинений против России.

Вопрос: «Welche Beweise gibt es gegen Moskau?» ‘«Какие доказательства есть против Москвы?»’.

Ответ: «*Die britische Regierung betont: Geheimdienstliche Quellen legten Moskau «mit sehr hoher Wahrscheinlichkeit» als Täter nahe*» ‘«Правительство Великобритании подчёркивает: источники, связанные со спецслужбами, «с большой степенью вероятности» подразумевают Москву в качестве преступника»’.

При этом никаких конкретных фактов не приводится, а причина такой секретности объясняется очень просто: «Как это принято в шпионских кругах, источники не названы» (Doch die Quellen bleiben – in Spionagekreisen üblich – unbenannt).

Как обычно, главный «доказательный аргумент», приводимый таблоидом в деле Скрипалей – словосочетание «с большой степенью вероятности» (*mit sehr hoher Wahrscheinlichkeit*), т. е. лексика предположений.

Тем не менее, для примерно 25 западных стран подозрение оказалось достаточно сильным, чтобы выслать намного больше ста российских дипломатов. (*Für etwa 25 westliche Länder war der Verdacht hart genug, um weit über hundert russische Diplomaten auszuweisen*).

Далее таблоид подчёркивает, что именно этот факт Кремль использует, чтобы с возмущением представить себя в качестве жертвы. (*Dass die Briten ihre Beweise aus Geheimdienst-Quellen nicht mit der Öffentlichkeit teilen (können), nutzt der Kreml aus, um sich empört als unschuldiges Opfer darzustellen*).

Интересна концовка статьи, где даже авторы таблоида были вынуждены признать, что британское правительство допустило явный промах, поскольку министр Борис Джонсон заявил, сославшись на военную лабораторию, что последняя однозначно определила Москву в качестве преступника (*Außenminister Boris Johnson tönte auf Twitter, das zuständige Militärlabor habe eindeutig Moskau als Täter ausgemacht, musste dann zurückrudern*).

Почти сразу же выяснилось, что лаборатория этого не утверждала. Так кто же «вводит общественность в замешательство»?

БИЛЬД ставит вопрос: «Hilft Russland den aktuellen Fall aufzuklären?» ‘«Помогает Россия расследовать актуальное дело?»’.

И даёт на этот вопрос следующий ответ: «Напротив: Москва отрицает всякую вину, распространяет противоречивые заявления и сеет замешательство. Например, что Россия никогда не разрабатывала яд и никогда им не владела. Или: Резервы отравляющего

вещества давно уничтожены. Или: Также и другие страны имеют «Новичок» в арсенале. **В дезинформации, то есть целенаправленном приведении в замешательство общественности, у Москвы многолетний опыт ...»** (*Nein! Im Gegenteil: Moskau weist jede Schuld von sich, verbreitet widersprüchliche Erklärungen und sät Verwirrung: Etwa dass Russland das Gift nie erfunden oder besessen habe. Oder: Die Giftreserven seien längst zerstört. Oder: Auch andere Länder hätten Novitschok im Arsenal. In Desinformation, also der gezielten Verwirrung der Öffentlichkeit, hat Moskau jahrzehntelange Erfahrung ...*).

Здесь уместно было бы ещё раз напомнить авторам таблоида о пробырке с непонятным порошком (якобы химическим оружием С. Хуссейна), которой государственный секретарь США генерал Колин Пауэл тряс перед ООН, в результате чего был уничтожен Ирак.

А в чём признался и за что даже вынужден был извиняться бывший британский премьер Т. Блэр через несколько лет после отставки? Ведь это по его поручению «британские Джеймс Бонды» выдали абсолютно ложную информацию об иракском оружии массового уничтожения.

«Damit hat sich Großbritannien für die russische Propaganda angreifbar gemacht», sagt Russland-Experte Stefan Meister von der DGAP. ‘«Этим самым Великобритания сделала себя уязвимой для российской пропаганды», говорит эксперт по России Штефан Майстер из Немецкого общества по внешней политике (DGAP)»’.

Самую большую досаду таблоид испытывает от того, что британские власти в очередной раз попались на вранье или, мягко говоря, на утверждении, которое базируется на недостоверной информации.

В качестве метода информационной атаки в статье по анализируемой тематике **«Westen schmiedet Allianz gegen Putin. Gift-Attentat»** [BILD, 16.03.2018: 1] **‘Запад создаёт альянс против Путина. Покушение с помощью отравляющего вещества’** используется метод *пропагандистского вброса*, в котором делается попытка замаскировать полное отсутствие доказательств с помощью *«пафосно-демагогической лексики»*: «США, Великобритания, Франция и Германия в совместном комментарии заявили, что «шокированы» ...»; Генеральный секретарь НАТО Йенс Штольтенберг обвинил Россию после покушения ... в желании дестабилизировать Запад; речь идёт о покушении на суверенитет Объединённого Королевства и нарушении международного права, говорится в заявлении главы правительства.

В кучу собрано всё: и желание дестабилизировать Запад, и нарушение международного права. Естественно, что при этом подчёркивается «сплочённость»

Запада, который делает заявление в «совместном коммюнике», не имея при этом никаких данных расследования.

Всякие попытки оправдания в таком случае просто бесполезны, поскольку у объединённого Запада просто нет цели провести объективное расследование и найти истину. Цель другая – очередная попытка дискредитации России за счёт «*молниеносного пропагандистского вброса*».

Абсолютно нелепым выглядит утверждение, что это отравление является «российским предупреждением собственным агентам. Россия хотела недвусмысленно показать, что она будет мстить тем, кто подумывает о том, чтобы оказать сопротивление российскому государству» [BILD, 16.03.2018: 1].

Общеизвестный факт – Скрипаль был выдан Британии в результате обмена, а «отомстить» ему у России была возможность во время его заключения. Логика британской «теории» на грани полного идиотизма – отправить Скрипалю в страну НАТО, чтобы потом там его «достать и ликвидировать» самым нелепым образом ...

В статье «*Weckruf und Warnung*» [BILD, 14.03.2018: 2] ‘Сигнал побудки и предупреждение’ наглядно демонстрируется цель всей вакханалии вокруг «дела Скрипалей»: «Путин перешёл всякие границы – и географически, и морально» (*Es ist Wladimir Putin persönlich, der keine Grenzen mehr zu kennen scheint – weder geografisch noch moralisch*).

У НАТО и объединённого Запада своя собственная «география» – они «признают границы», но очень творчески, что, например, в 1999 году можно было наблюдать при бомбардировках Сербии (развале Югославии) и отторжении от Сербии Косово.

Весь смысл Европы, по мнению британского истеблишмента, состоит в том, чтобы сплотить всех сомневающихся в рамках НАТО вокруг пресловутой пятой статьи (*Wenn Europa einen Sinn haben soll, müssen jetzt alle zu den Briten stehen. Ein Angriff auf einen ist ein Angriff auf alle* ‘Если Европа едина, то все должны быть на стороне британцев. Нападение на одних – это нападение на всех’).

Wer das als «Kriegsrhetorik» kritisiert, sollte sich vor Augen führen, wer diesen Angriff führt. Nicht Großbritannien, nicht die Nato. Und schon gar nicht die Frauen und Kinder im zerbombten Syrien [BILD, 14.03.2018: 2]. ‘Тот, кто это критикует как «милитаристскую риторику», должен себе чётко представить, кто ведёт эту атаку – не Великобритания, не НАТО. И уже явно не женщины и дети в разбомбленной Сирии’.

Очередной случай применения метода «*комбинированного вброса*» – абсолютно

бездоказательное обвинение по Сирии параллельно с таким же огульным по делу Скрипалей. И ни слова о том, что творят и уже натворили в Сирии члены коалиции, возглавляемые США, которые находятся там в нарушение всех международных прав, о которых так трогательно заботится Запад.

В заключение следует отметить следующее:

1. Спустя год после отравления ни одна серьёзная экспертиза до сих пор не смогла определить, в какой конкретной стране был произведён «Новичок», а госпоже Мэй это было «достоверно известно» сразу же после отравления.

2. В «деле Скрипалей» с самого начала в качестве главного доказательства для западных политиков стала знаменитая фраза: «*C вероятностью высшей степени*» (англ. *highly likely*).

3. Это лексическое изобретение английского политического истеблишмента и обслуживающих его СМИ было успешно заимствовано из английской прессы в немецкий БИЛЬД в виде кальки – *höchst wahrscheinlich* (вариант: *mit sehr hoher Wahrscheinlichkeit*), где также выступило в роли основного «доказательного аргумента». При этом никаких конкретных фактов не приводится, а причина такой секретности западными СМИ объясняется очень просто: «Как это принято в шпионских кругах, источники не названы».

4. Важно не *что* говорится, а *кто* говорит. Если это говорит Т. Мэй или другой представитель западного истеблишмента, то это уже само по себе должно восприниматься как истина. «Антропонимический фактор» исключает необходимость в любой доказательной базе.

5. С «высокой степенью вероятности» можно утверждать, что информационная война породила феномен «*идеологической синонимии*», т. е. использование соответствующих выражений с пропагандистской целью в значении, которое им абсолютно не свойственно. Таким образом, значение «*предположения*» может трансформироваться в «*абсолютную уверенность*», за счёт чего происходит идеологическая трансформация, порождающая «идеологическую синонимию».

6. В «деле Скрипалей» немецкие СМИ использовали также вид вброса, в котором делается попытка замаскировать полное отсутствие доказательств с помощью «пафосно-демагогической лексики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А. Д. Очерки политической лингвистики. Москва: Изд. «Флинта», 2018. 138 с.
2. Воронова О. Е. Современные информационные войны: типология и технологии: монография. Рязань, 2018. 187 с.
3. Голодов А. Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы): монография. Рязань: РГУ, 2015. 195 с.
4. Голодов А. Г. Антропологическая контаминация как политический маркер времени (на материале немецкого языка) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. Омск, 2018. № 2. С. 69-73.
5. Голодов А. Г. «Футбольный фланг» информационной войны (на материале немецкой массовой прессы) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2018. Т. 14. Вып. 2-3 (40-41). С. 5-18.
6. Голодов А. Г. Роль западных СМИ в информационно-психологической войне // РУССКИЙ МИР И ДОНБАСС. Пленарные доклады международной научно-практической конференции. Донецк: ДонНУ, 2018. С. 53-62.
7. Голодов А. Г. О роли и методах массово-бульварной прессы Федеративной республики Германии в информационной войне // *Иностранные языки в высшей школе: научный журнал*. Рязань, 2016. Вып. 36(1). С. 126-133.
8. Голодов А. Г. Динамика информационной войны (на материале массовой немецкой прессы) // *Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли*. Абакан, 2016. С. 40-43.
9. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Изд. «Флинта», изд. «Наука», 2012. 295 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2005. 832 с.
11. Golodov A. G. *Anthropologische Diffamierung und diskreditierende Lexik als verbale Methoden des Informationskrieges* // *Иностранные языки в высшей школе: научный журнал*. Рязань 2017. Вып. 3 (42). С. 13-20.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BILD, 13.03.2018. S. 2.
2. BILD, 14.03.2018. S. 2.
3. BILD, 16.03.2018. S. 1.

REFERENCES

1. Vasilev, A. D. (2018). *Ocherki politicheskoy lingvistiki* [Essays on Political Linguistics]. Moskva: Izd. Flinta. 138 p. (In Russ.).
2. Voronova, O. E. (2018). *Sovremennyye informatsionnyye voyny: tipologiya i tekhnologii* [Modern Information Wars: Typology and Technologies]: monografiya. Ryazan. 187 p. (In Russ.).
3. Golodov, A. G. (2015). *Yazyk informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoy massovoy pressy)* [The Language of Information War (on the Material of German Mass Media)]: monografiya. Ryazan, RGU. 195 p. (In Russ.).
4. Golodov, A. G. (2018). *Antropologicheskaya kontaminatsiya kak politicheskiy marker vremeni (na materiale nemetskogo yazyka)* [Anthropological Contamination as Political Time Marker (on the Material of German Language)]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost*. Omsk. No 2. Pp. 69-73. (In Russ.).
5. Golodov, A. G. (2018). «Futbolnyy flang» informatsionnoy voyny (na materiale nemetskoy massovoy pressy) [«Football Flank» of Information War (on the Material of German Mass Media)]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 14.

Vyp. 2-3 (40-41). Pp. 5-18. (In Russ.).

6. Golodov, A. G. (2018). Rol zapadnykh SMI v informatsionno-psikhologicheskoy voyne [The Role of Eastern Mass Media in Psychological Information War]. In *RUSSKIY MIR I DONBASS. Plenarnye doklady mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Donetsk: DonNU. Pp. 53-62. (In Russ.).

7. Golodov, A. G. (2016). *O roli i metodakh massovo-bulvarnoy pressy Federativnoy respubliki Germanii v informatsionnoy voyne* [About Roles and Methods of Mass-Tabloids Press of Federal Republic of Germany in Information War]. In *Inostrannye yazyki v vysshey shkole: nauchnyy zhurnal*. Ryazan. Vyp. 36(1). Pp. 126-133. (In Russ.).

8. Golodov, A. G. (2016). *Dinamika informatsionnoy voyny (na materiale massovoy nemetskoj pressy)* [Dynamics of Information War (on the Material of German Mass Media)]. In *Aktualnye problemy izucheniya yazyka, literatury i zhurnalistiki: kontaminatsiya i konvergentsiya gumanitarnoy mysli*. Abakan. Pp. 40-43. (In Russ.).

9. Piyasova, S. V., Amiri L. P. (2012). *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy* [Language Game in Mass Media Communication Space and Advertising]. M.: Izd. Flinta, izd. Nauka. (In Russ.).

10. Kara-Murza, S. G. (2005). *Manipulyatsiya soznaniem* [Mind Control]. M.: EKSMO-Press. (In Russ.).

11. Golodov, A. G. (2017). *Anthropologische Diffamierung und diskreditierende Lexik als verbale Methoden des Informationskrieges* [Anthropological Deformation and Discrediting Lexis as Verbal Methods of Information War]. In *Inostrannye yazyki v vysshey shkole: nauchnyy zhurnal*. Ryazan. Vyp. 3 (42). Pp. 13-20.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. BILD, 13.03.2018. S. 2.
2. BILD, 14.03.2018. S. 2.
3. BILD, 16.03.2018. S. 1.

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» 390000, Рязань, ул. Свободы, 46

Golodov Aleksandr G. – Doctor of Philology, Professor of Department of Germanic Languages and Methods of Teaching Them (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University Named after S. Yesenin» 46 Svobody, Ryazan, 390000

Поступила в редакцию 02 мая 2019 г.

ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются современные подходы к исследованию языковой личности как субъекта политического дискурса, рассматриваются различные типы языковой личности наряду с ее универсальными и индивидуальными признаками.

Ключевые слова: политический дискурс, политический язык, языковая личность, коммуникативная личность, речевая деятельность, речевое поведение, речевой портрет.

© 2019 I. V. Fatyanova

TYPES OF LINGUISTIC PERSONALITY IN MODERN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

The article analyzes modern approaches to the study of the linguistic personality as a subject of political discourse. Various types of linguistic personality with its universal and individual characteristics are foregrounded and examined.

Key words: political discourse, political language, linguistic personality, communicative personality, speech activity, speech behaviour.

Внимание к феномену «языковой личности» дает возможность исследователям осознать не только важность проблемы описания самой языковой структуры, но и значимость заданий всестороннего изучения этого феномена, чем и обусловлена актуальность данной работы.

Целью статьи является рассмотрение основных подходов к определению понятия «языковая личность» в современном англоязычном политическом дискурсе и анализ когнитивно-дискурсивной характеристики типов языковой личности.

В связи с интенсивным развитием политических технологий, возрастающей ролью СМИ, тенденцией театрализации политической деятельности внимание общества к теории и практике политической коммуникации возрастает [Бессонова, Долгополова, 2017: 12].

Современные лингвистические исследования приобретают многоаспектный характер, ориентируясь не столько на человека, сколько на весь комплекс гуманитарных знаний, которые позволяют пояснить и описать собственно лингвистический феномен. Таким образом, создаются единые принципы и механизмы анализа в самой лингвистике и культурологии, политологии и психологии, социологии и других смежных науках (Н. Д. Арутюнова, О. Л. Бессонова, В. И. Карасик, Е. И. Шейгал, П. Серию, Р. Барт, Т. Ван Дейк и др.).

Языковая личность выступает интегральным объектом изучения разнообразных направлений науки о языке, таких как когнитивная лингвистика, социо- и психолингвистика, прагма- и этнолингвистика, политическая лингвистика (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов, А. П. Бабушкин, А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, С. Г. Воркачев, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Т. Ю. Ма, В. А. Маслова, Р. И. Павиленис, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. Г. Почепцов, Е. А. Селиванова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, И. С. Шевченко, П. Серио, Дж. Лакофф, М. Джонсон).

Социальная значимость такой сферы человеческой деятельности как политика, делает ее объектом многочисленных лингвистических исследований. Политический дискурс и язык изучаются на материале различных языков и с разных позиций, в русле различных направлений (Р. М. Блакар, Д. Болинджер, Т. Ван Дейк, В. З. Демьянков, П. Б. Паршин, А. А. Романов, Е. И. Шейгал, К. L. Nacker и др.). В исследованиях, посвященных изучению политического дискурса и политической коммуникации, приоритетное место отводится непосредственно человеку, наделенному властью, личности в политике.

Одним из первых к изучению языковой личности обратился Й. Вайсберг, который утверждал, что существует очевидная взаимосвязь и взаимозависимость всей человеческой жизни и родного языка, а также взаимосвязь родного языка и духовного формирования человека. Сам по себе язык является неотъемлемым компонентом сознания, его инструментом и посредником между человеком и картиной мира, отображаемой в языковых формах. Это связь человека с картиной мира, которая содержится в языке, на котором он говорит, с представлениями, образами и понятиями, зашифрованными в языке. Каждый человек обязан изучать способ понимания языка и мира в представлениях, в понимании сущности вещей как духовных, так и материальных. Язык конкретного человека не существует сам по себе, он формируется под влиянием других людей, которые принадлежат к одному языковому сообществу, имеют общую языковую и концептуальную картины мира [Канчер, 2000: 311-318].

Ю. М. Караулов под термином «языковая личность» понимает «совокупность свойств и характеристик человека, которые обуславливают создание им речевых произведений (текстов)», которые различаются по степени структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отображения действительности, определенной языковой направленностью [Караулов, 1987].

Введение языковой личности в центр коммуникативных исследований послужило прогрессивным шагом на пути изучения деятельности человека, что обусловило ее

широкую популярность (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ф. С. Бацевич, А. Д. Белова, В. В. Богданов, Г. И. Богин, Й. Брокмайер, Р. Харре, Х. Вайнрих, Т. Г. Винокур, О. П. Воробьева, Д. Гордон, Дж. Лакофф, И. Н. Горелов, К. Ф. Седов, В. З. Демьянков, О. Л. Каменская, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Г. С. Каспарова, Г. Г. Кларк, Т. Б. Карлсон, М. С. Козырева, А. А. Леонтьев, М. Л. Макаров, Г. Г. Матвеева, В. В. Наумов, Е. А. Нечипорович, Е. В. Осетрова, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, А. А. Пушкин, А. А. Романов, Е. А. Селиванова, Е. В. Сидоров, И. П. Сусов, С. А. Сухих, С. Г. Тер-Минасова, В. П. Тимофеев, Е. В. Харченко, A. Adler, D. Hartmann, H. J. Heringer и др.). Эту тенденцию можно объяснить тем, что в глобальной коммуникации и свободном доступе к информации возможности человека резко расширились, очевидность эволюционного роста личности вызвала перемены в ее значимости как объекта исследования в разных научных дисциплинах. Как приоритетный объект понятие «личность» изучается в психологии, философии, культурологии, языкознании, литературе и др. науках. В свою очередь, личность, которая говорит, становится ключом исследования всех аспектов языка, его внутренней структуры, условий его существования.

Язык принадлежит, прежде всего, личности, которая понимает себя и свое место в мире, свою роль в практической деятельности и речевом общении, свое отношение к принципам и конвенциям ведения дискурса, творчески использует их в своих предметных и речевых действиях, как замечает И. П. Сусов. Автор также подчеркивает, что в личности диалектично взаимообусловлены социальное и индивидуальное, врожденное и приобретенное, объективное и субъективное [Сусов, 1986].

В современной науке наблюдается поворот к детальному изучению аспектов проявления человеческой личности в речевой деятельности индивидов. В этом контексте возникает новый ракурс в изучении взаимодействия адресата и адресанта, а именно – столкновение их личностных интересов при общении и влиянии их личностей на процесс общения. Призыв изучать человека в языке и язык в человеке поддерживается общей тенденцией гуманизации научного знания «очеловечивания» науки [Караулов, 1987: 19]. Вызывают интерес попытки глобального, собственно, междисциплинарного подхода к интерпретации сущности языка как специфического человеческого феномена, с помощью которого можно понять природу личности, ее место в социуме и этносе, ее интеллектуальный и творческий потенциал, то есть осмыслить для себя, что такое человек [Караулов, 1987: 108].

Социальная сущность языка состоит в том, что он существует, прежде всего, в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно, носителем

культуры в языке является языковой коллектив и индивидум. Коллектив как этнос, индивидум являются отправными точками на условной шкале языкового сознания [Карасик, 2002].

Непосредственным носителем языкового сознания является языковая личность, то есть человек, который существует в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Это определение допускает двойную интерпретацию: статическую и динамическую. В первом случае имеется в виду личность как субъект социальных отношений, которая имеет свой неповторимый набор личностных характеристик. Во втором случае предусматривается, что на определенном этапе индивид еще не является личностью, то есть не характеризуется специфическими, социально обусловленными качествами.

Особые параметры политического дискурса позволяют исследовать языковую личность политика как динамичный синкретический феномен [Цуцьева, 2012: 105]. Деятельность когнитивно-речевого субъекта политики нацелена прежде всего на реализацию функции воздействия, которая доминирует над познавательной и направлена на достижение основной цели политической коммуникации – борьбе за власть. Политик выступает одновременно в двух ипостасях: как когнитивно-речевой субъект собственного дискурса и как субъект институционального дискурса. В результате политик как языковая личность реализует себя в дискурсивных действиях, трансформируясь в дискурсивную личность, которая проявляет свои индивидуальные признаки: этнические, гендерные, возрастные, профессиональные, эмоциональные и др. [Цуцьева, 2012: 105-106]. Дискурсивная личность политика – это интерактивная личность, обладающая «коммуникативным паспортом» [Стернин, 1989], т. е. системой индивидуальных дискурсивных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформированных в процессах интеракции. Исследуя языковые средства и речевые стратегии языковой личности как субъекта политического дискурса в логике дискурс-анализа, их можно рассматривать в качестве способа реализации системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценности [Солощук, 2008]. Языковая личность политика представляет собой дискурсивно-текстовый феномен, в котором через разные тексты с различной степенью интенсивности проявляются как надиндивидуальные, так и индивидуальные черты [Цуцьева, 2012: 106].

В последнее время в лингвистике появляются определенные попытки анатомизации понятия «языковая личность». Понимая под «языковой личностью», прежде всего,

человека как носителя языка, рассматриваемого со стороны его способности к речевой деятельности, то есть комплекс психофизических способностей индивида, которые позволяют ему говорить, создавать и воспринимать речевые произведения. Выделяют личность речевую [Богин, 2004: 16], коммуникативную, под которой понимают совокупность особенностей вербального поведения человека, который использует язык как средство общения [Сухих, 1989: 82], личность словарную, этносемантическую.

Кроме того, коммуникативная личность – это содержание, центр и единство коммуникативных актов, направленных на другие коммуникативные личности, коммуникативный деятель.

В свою очередь, можно заметить, что понятие «языковая личность» создает проекцию в сферу языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого отображаются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных качеств человека, которые обуславливают его качественную определенность (В. И. Беликов, Л. П. Крысин, Р. Т. Белл, Н. Белнап, Т. Стил, Э. Берн, М. А. Богомолова, И. А. Бодуэн де Куртене, А. Вежбицкая, Т. Г. Винокур, О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина, В. фон Гумбольд, В. А. Гуреев, П. В. Зернецкий, Б. А. Зильберт, В. И. Карасик, Е. В. Клюев, Г. В. Колшанский, В. В. Красных, А. А. Леонтьев, Н. Б. Мечковская, Г. Г. Почепцов, Л. М. Салмина, К. Ф. Седов, И. А. Стернин и др.).

Соответственно, «языковая личность» – это закрепленный в основном в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя языка, определенный «семантический фоторобот», который обычно создается на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отображенных в словаре, личность – словарная, этносемантическая.

Принимая во внимание многогранность понятие «языковая личность», логичным будет выделение в содержании языковой личности таких компонентов, как ценностный, культурологический и личностный [Карасик, 2002].

Выходя, практически, из того же самого принципа комплексности и многогранности языковой личности, большинство лингвистов считают, что языковая личность характеризуется многоуровневой структурой. Так, например, Г. И. Богин продемонстрировал модель языковой личности в роли структуры, которая включает в себя определенный перечень уровней развитой языковой личности. Автор предлагает такие уровни, как: 1) правильности; 2) интериоризации, на котором прослеживается замедление в процессе информации, «то есть плохая скорость», связанная с недостаточно интериоризированным

планом речевого акта, с недостаточной целостностью представления о следующем отдельном высказывании; 3) насыщенности информации; 4) адекватного выбора; 5) адекватного синтеза [Богин, 2004].

Г. И. Богин утверждает, что развитие языковой личности происходит от уровня до уровня, то есть «языковая личность, овладевая на 1) уровне принятыми в обществе наиболее часто употребляемыми способами прямой номинации, переходит к 2) уровню интериоризации речи, которая открывает путь к 3) лексико-грамматическому знанию и, далее, к 4) своеобразной свободе в выборе способов выражения из множества своеобразных субституентов» [Богин, 2004: 247-249].

Ю. М. Караулов выделяет нулевой (вербально-семантический), когнитивный (тезаурусный) и мотивационный уровни в структуре личности. Автор трактует это положение, исходя из таких составляющих как: 1) уровень кода (лексикон, запас слов и знаков других кодов, умение их использовать, в том числе ошибки, то есть вербальный опыт); 2) когнитивный уровень (личностная картина мира, система ценностей, любимые выражения, то есть социальный и познавательный опыт); 3) прагматико-мотивационный уровень (намерения говорящего, коммуникативные способности, то есть ситуативный опыт). В соответствии с уровнями выделяют параметры коммуникативной личности: функциональный, когнитивный и мотивационный [Караулов, 1987]. Мотивационный параметр определяется коммуникативными потребностями и занимает центральное место в структуре коммуникативной личности.

На основании коммуникативной потребности формируется коммуникативная установка, которая осознается коммуникативной личностью на протяжении определенного промежутка речевой деятельности (варьируются способы коммуникации и тактика). Когнитивный параметр включает в себя большое количество характеристик, которые формируются в процессе накопления познавательного опыта индивида, его внутреннего мира: знание коммуникативных ходов, умение совершать интроспекцию и ауторефлексию, то есть самонаблюдение и самоосознание, метакоммуникативные навыки, способность адекватной оценки когнитивного и коммуникативного границ партнера-коммуниканта, стереотипы и верования, мифы и предрассудки. Успешность коммуникации, влияние на собеседника в значительной мере зависит от совместимости когнитивных характеристик коммуникантов. Функциональный параметр включает три характеристики, определяющие коммуникативную компетентность индивида: практическое владение вербальными и невербальными способами для совершения коммуникативных функций; умение варьировать коммуникативными способами в

процессе коммуникации в зависимости от условий общения; построение дискурса согласно нормам кода и правилам этикета. Когнитивный параметр в этой модели выступает объединяющим началом между познавательным опытом и компетенциями коммуникативной личности, ее коммуникативными способностями и конкретной коммуникативной ситуацией. Таким образом, определяющими параметрами для коммуникативной личности являются: мотивационный, когнитивный и функциональный [Караулов, 1987].

Используя эти параметры, В. П. Коннецкая строит собственную двуступенчатую модель коммуникативной личности. Исходные параметры выделяются и Р. Димбли, и Г. Бертоном [Dimbleby, Burton, 1998]: потребности, комплекс знания – верования – стереотипы – предположения – ценности – (предыдущий) опыт, обратная связь в процессе коммуникации (восприятие собеседника и его сообщений, самопрезентация, выбор и взаимооценка ролей, эмоциональное состояние) [Коннецкая, 1997].

Принимая во внимание проведенный анализ научной литературы, можно сделать вывод, что структура языковой личности представляет собой иерархическую систему, то есть когнитивный уровень выступает наиболее поздним образованием, которое надстраивается над вербально-семантическим, качественно изменяя его, включая лексические единицы в качестве строительных элементов. Со временем на основе тезаурусного уровня развивается высший уровень – мотивационный, интегрируя составляющие предыдущих уровней и становясь определяющим для речевого поведения личности.

Личность, наделенная властью, рассматривается учеными с точки зрения 1) имиджа политика, 2) его идиостиля, 3) речевого поведения, 4) языковой личности политика.

Имидж – стереотип человека, который закрепился в массовом сознании и предназначен в концентрированной форме отображать сущность человека или партии [Почепцов, 1987]. Считают, что имидж политика является частью его профессионального успеха. Отсюда следует, что чем точнее будет построен имидж, тем эффективнее будет коммуникация с электоратом, а это значит, что будет достигнута главная цель – завоевание и удержание симпатии населения.

На данный момент существует большое количество книг о том, как создать имидж политика, руководителя, бизнесмена (Т. Н. Астафурова, В. В. Богданов, А. А. Бойко, Р. Н. Ботавина, Л. Ю. Веретенкина, Е. М. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер, Н. Н. Германова, М. Д. Городникова, Г. Г. Почепцов, А. А. Романов, Н. И. Формановская, А. М. Цуладзе, А. П. Чудинов и др.). Однако в них практически не освещен анализ вербальных составляющих имиджа, хотя, в большинстве случаев имидж политического лидера создается

благодаря языковым и речевым способам, стратегиям и тактикам, поскольку речевое поведение лидера непосредственно оценивается адресатом, который наблюдает за политиком благодаря средствам массовой коммуникации и слушает его на митингах.

Под имиджем понимаем образ – представление, целенаправленно созданное, которое обогащает представление о человеке дополнительными ценностями (человеческими, моральными), которые содействуют его более эмоциональному восприятию. Имидж политического лидера – это представление о политике, которое сложилось у населения вследствие долговременного влияния на него, которое характеризуется высокой стойкостью и неприятием перемен [Цуладзе, 2000: 41-42]. В политической коммуникации имидж является результатом осознанной работы: лидер демонстрирует не свои настоящие способности, а созданный и культивируемый образ, который активно навязывается аудитории.

На данный момент в зависимости от того или иного критерия предлагается целый ряд типологий языковой и коммуникативной личности, выделяются такие доминанты как 1) характерные для типологии языковых личностей; 2) характерные для типологии коммуникативных личностей; 3) синкретичные (исходя из которых нельзя однозначно сказать, языковая или коммуникативная личность будут рассматриваться) [Цуциева, 2012].

Первую группу представляет типология языковой личности В. И. Карасика, в которой автор выделяет эгоцентрический и социоцентрический типы на основе индивидуальности или коллективности используемых языковых средств [Карасик, 2002: 142].

О. Б. Сиротинина классифицирует языковые личности по наличию у них определенного типа внутринациональной речевой культуры, представляя такие типы, как: элитарные, среднелитературные, литературно-разговорные; фамильярно-разговорные; просторечные; народно-речевые [Сиротинина, 1997: 7].

В. П. Нерознак и И. И. Халеева говорят о двух типах языковой личности: стандартной, отражающей усредненную норму литературно-обработанного языка, и нестандартной языковой личности, которая характеризуется отклонением от общепринятых в межличностной и межкультурной коммуникации норм [Нерознак, 2005: 589].

В зависимости от сфер словесности Ю. В. Рождественский выделяет типы языковой личности, акцентируя внимание на том факте, что для всех видов устной словесности создатель речи совпадает с языковой личностью, т. е. является индивидуальным речедеятелем, а в письменной словесности языковая личность может быть коллегиальной, кооперативной, коллегиально-кооперативной и коллективной [Рождественский, 1997].

Вторую группу, для которой характерно выделение доминант, актуальных для коммуникативной личности, представляет типология В. Б. Кашкина. Автор выделяет типы

коммуникативной личности на основании использования коммуникативного потенциала, а именно: 1) доминантный коммуникант, стремящийся завладеть инициативой; 2) мобильный коммуникант, легко входящий в разговор, владеющий темой, не теряющийся в незнакомой ситуации общения; 3) ригидный коммуникант, испытывающий трудности на контактоустанавливающей фазе общения, далее, в процессе общения, четок и логичен; 4) интровертный коммуникант, не стремящийся завладеть инициативой, скованный в неожиданной ситуации общения [Кашкин, 2000].

В. П. Конецкая, в зависимости от коммуникативного стиля, выделяет 1) доминантный, драматический, 2) аргументативный, 3) впечатляющий, 4) спокойный (уравновешенный), 5) открытый и 6) другие типы коммуникативной личности [Конечкая, 1997].

К третьей группе синкретических доминант относится типология И. Н. Горелова и К. Ф. Седова, согласно которой выделяются типы языковой личности в зависимости от степени конфликтности и способности к кооперации в речевом поведении: 1) конфликтный; 2) центрированный (игнорирование собеседника, стремление к самовыражению, «уход в себя»); 3) кооперативный тип [Горелов, 1998].

В зависимости от того, какую речевую стратегию выбирает языковая личность, авторы выделяют 1) инвективный тип (аффективная разрядка в форме брани), 2) куртуазный (этикетные формы взаимодействия, аффект в форме плача), 3) рационально-эвристический (рассудочность, здравомыслие, смех как аффективная реакция) [Горелов, 1998].

Некоторые исследователи, в частности, О. Л. Арискина и Е. А. Дрянгина, утверждают, что подобные основания подойдут и для классификации коммуникативной личности, так как оба понятия предстают «как динамические категории, сигнификативный компонент которых еще до конца не определился» [Арискина, Дрянгина, 2011: 18].

Для Г. Д. Беловой важным является тезис о том, что в процессе порождения дискурса, так же, как и в процессе контроля за ним, особенно важную роль играет язык. Язык, сам по себе власти не имеет, приобретает ее только тогда, когда регулярно употребляется в соответствующем направлении людьми, наделенными властью [Белова, 2003].

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы П. Г. Крючкова исследует авторитарный дискурс на материале современного английского языка, описывая коммуникативные признаки и смыслообразующие компоненты авторитарных текстов на материале речей современных политических деятелей [Крючкова, 2003].

Речевое поведение вырабатывается на протяжении всей жизни человека, оно связано с особенностями воспитания, местом рождения и обучения, окружением, в котором

человек привык развиваться, с его собственными данными ему как личности и представителю определенной социальной группы качествами [Формановская, 1989]. Поэтому речевое поведение представляет собой сложное явление: с одной стороны, оно – неповторимое и уникальное, как и отдельно взятая личность, с другой стороны, речевое поведение – социально содержит элемент стереотипности, характерный для определенной социальной группы, в нашем случае – социальной группы, занятой в сфере политики.

В большинстве работ понятие речевого поведения расширяется за счет прибавления к нему другого – «языковая личность» (М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. Б. Кашкин). Авторы сходятся на том, что языковая личность реализуется в коммуникативных стратегиях и тактиках, выбирая при этом определенные языковые способы. Таким образом, в политической коммуникации важным является тот факт, что наряду с общими характеристиками для политической коммуникации определенной страны существуют и отличительные черты, которые отображают индивидуальные вербальные и невербальные предпочтения в речевом поведении определенного политика.

Владение стратегиями и тактиками речевой коммуникации зависит от коммуникативной компетенции того, кто говорит, его психологического состояния – степени комбинаторности мышления и владения своим эмоциональным состоянием, способностью варьировать свое речевое поведение, изменять речевые тактики в зависимости от возраста, пола коммуникантов, ориентации в психологической, когнитивной и других сферах адресата. Кооперативное политическое общение является конвенциональным, плодотворным и конструктивным, поскольку основывается на поддержке коммуникантами определенных принципов. О. Н. Паршина утверждает, что в зависимости от особенностей и типа языковой личности, политики используют коммуникативные стратегии и тактики по-разному. Из всего возможного потенциала стратегий и тактик политик выбирает те речевые способы, которые формируют его политический речевой стиль и имидж в целом. [Паршина, 2006].

Таким образом, можем сделать выводы о том, что:

1. Политический дискурс рассматривается как форма социального взаимодействия, обусловленного конкретными ценностями и социальными нормами, условностями и социальной практикой, которая находится под влиянием определенных институциональных структур в социуме и реальных исторических процессов. Включение историко-социальной перспективы в сферу политического дискурса позволяет в значительной степени отобразить динамику социальной природы языкового знака на

каком-либо уровне и рассмотреть его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и содержания.

2. Политический дискурс и политический язык объединяет сфера социальной деятельности – политика. Являясь особой подсистемой национального языка, политический язык предназначен для политической коммуникации и пропаганды своих идей, информационного влияния на членов социума, побуждения к определенным политическим действиям с целью одобрения принятых для власти социально-политических решений в условиях существования разнообразных мнений в обществе.

3. Выделение в политическом дискурсе институциональности определяет значимость функционирования личности у власти. Под языковой личностью подразумевается человек, способный создавать и воспринимать тексты, которые разнятся по уровню структурно-языковой сложности, глубине и точности отображения действительности при условии определенной целевой направленности. Языковая личность находится в отношениях взаимодополнения с коммуникативной личностью, где последняя представляет собой набор индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, которые сформировались в процессах коммуникации в качестве коммуникативной компетенции индивида, его «коммуникативного паспорта», визитной карточки.

4. Человек у власти рассматривается с точки зрения 1) имиджа политика, 2) его идиостиля, 3) речевого поведения, 4) языковой личности политика с присущим ему идиостилем и речевым поведением.

5. Языковая личность реализуется в определенном, характерном для нее стратегическом и тактическом комплексе, который предусматривает наличие набора разноуровневых языковых средств, необходимых для создания текстов, где понятия «стратегия» и «тактика» получают особое значение для языковой личности в целом и личности политика в частности, и представляют собой оптимальную реализацию интенций того, кто говорит, направленную на достижение определенной, конкретно поставленной цели общения, согласованной с личностными (статусно-ролевыми) и психологическими характеристиками участников коммуникативного процесса и обусловленных коммуникативным опытом, который предусматривает подчинение законам и нормам в соответствующей сфере коммуникации и конкретно смоделированной ситуации общения.

6. В исследовании языковая личность рассматривается с позиции ее реализации в коммуникативных стратегиях и тактиках англоязычного политического дискурса и языковых

средств ее выражения. Общий стратегический и тактический комплекс для политиков Великобритании и США обусловлен их статусом в политической системе страны, а также единой концепцией ее развития. В свою очередь, отличия обоснованы фактами собственной биографии, жизненным опытом и личностными характеристиками политиков и, как следствие, их индивидуальными вербальными и невербальными характеристиками.

В качестве результата изучения речевой деятельности современных политиков с учетом эволюционных процессов в обществе, посредством коммуникативно-прагматического анализа личностных дискурсов можно рассматривать создание «речевых портретов», равно как и функционирование различных типов языковой личности ведущих политиков нашего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арискина О. Л., Дрянгина Е. А. Языковая и коммуникативная личность: разные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 15-18.
2. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации. К.: Логос, 2003. 304 с.
3. Бессонова О. Л., Долгополова В. В. Концептуальная организация англоязычных новостных медиа-текстов, посвященных сирийскому кризису // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2017. Т. 13. Вып. 1-2 (35-36). С. 12-25.
4. Богин Г. И. Типология понимания текста // *Общая психолингвистика: Хрестоматия*. М., 2004. С. 230-258.
5. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1998. 304 с.
6. Канчер М. А. О трех аспектах описания языковой личности // *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург, 2000. С. 311-318.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
9. Кашкин В. Б. Введение в теорию коммуникации. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
10. Конечкая В. П. Социология коммуникации. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.
11. Крючкова П. Г. Авторитарный дискурс (на матеріалі сучасної англійської мови): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. К., 2003. 21 с.
12. Нерознак В. П. Языковая личность // *Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник*. М., 2005. С. 587-591.
13. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2006. 302 с.
14. Почепцов Г. Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения // *Языковое общение, единицы и регулятивы*. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та. 1987. С. 26-38.
15. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с.
16. Сиротинина О. Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // *Термин и слово*. Н. Новгород, 1997. С. 7-12.
17. Солощук Л. В. Невербальні аспекти матримоніального діалогічного дискурсу // *Вісник Сумського державного університету. Сер. «Філологія»*. 2008. №1. С. 96-104.

18. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. S. 279-282.
19. Сусов И. П. Личность как субъект языкового общения // *Личностные аспекты языкового общения*. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та. 1986. С. 7-11.
20. Сухих С. А. Языковая личность в диалоге // *Личностные аспекты языкового общения*. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1989. С. 82-86.
21. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989. 156 с.
22. Цуладзе А. Большая манипулятивная игра. М.: Алгоритм, 2000. 336 с.
23. Цуциева М. Г. Языковая личность как субъект политического дискурса // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. Вып. 2. С. 104-107.
24. Dimpleby R., Burton G. *More Than Words: An Introduction to Communication*. London; New York, 1998. 275 p.
25. Hacker K. L. *Political Linguistic Discourse Analysis // The Theory and Practice of Political Communication Research*. New York: State University of New York Press, 1996. P. 28-55.

REFERENCES

1. Ariskina, O. L., Dryangina, E. A. (2011). *Yazykovaya i kommunikativnaya lichnost: raznye podkhody k issledovaniyu* [Linguistic and Communicative Personality: Different Approaches to the Study]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 25 (240). *Filologiya. Iskuststvedenie*. Vyp. 58. Pp. 15-18. (In Russ.).
2. Belova, A. D. (2003). *Lingvisticheskie aspekty argumentatsii* [Linguistic Aspects of the Argumentation]. K.: Logos. (In Russ.).
3. Bessonova, O. L., Dolgopolova, V. V. (2017). *Kontseptualnaya organizatsiya angloyazychnykh novostnykh media-tekstov, posvyashchennykh siriyskomu krizisu* [Conceptual Space of English News Reports on Syrian Crisis]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2017. T. 13. Vyp. 1-2 (35-36). Pp. 12-25. (In Russ.).
4. Bogin, G. I. (2004). *Tipologiya ponimaniya teksta* [Typology of Understanding the Text]. In *Obshchaya psikholingvistika: Khrestomatiya*. M., 2004. Pp. 230-258. (In Russ.).
5. Gorelov, I. N., Sedov, K. F. (1998). *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. M.: Labirint, 1998. (In Russ.).
6. Kancher, M. A. (2000). *O trekh aspektakh opisaniya yazykovoy lichnosti* [On Three Aspects of Linguistic Personality's Studies]. In *Kulturno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii*. Ekaterinburg. Pp. 311-318. (In Russ.).
7. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
8. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian Language and Linguistic Personality]. M.: Nauka. (In Russ.).
9. Kashkin, V. B. (2000). *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the Theory of Communication]. Voronezh: Izd-vo VGTU. (In Russ.).
10. Konetskaya, V. P. (1997). *Sotsiologiya kommunikatsii* [The Sociology of Communication]. M.: Mezhdunar. un-t biznesa i upravleniya. (In Russ.).
11. Kryuchkova, P. G. (2003). *Avtorytarnyy diskurs (na materialy suchasnoyi angliyskoyi movy)* [The Authoritative Discourse (based on the data of Modern English)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kyiv. (In Ukr.).
12. Neroznak, V. P. (2005). *Yazykovaya lichnost* [The Linguistic Personality]. In *Effektivnaya kommunikatsiya: istoriya, teoriya, praktika: slovar-spravochnik*. M. Pp. 587-591. (In Russ.).
13. Parshina, O. N. (2006). *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* [Strategies and Tactics of Speech Behavior of the Modern Political Elite of Russia]: dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Saratov. (In Russ.).

14. Pocheptsov, G. G. (1987). *Slushatel i ego rol v aktakh rechevogo obshcheniya* [Hearer and His Role in the Acts of Communication]. In *Yazykovoe obshchenie, edinitsy i regulyativy*. Kalinin: Izd-vo Kalinin. un-ta. Pp. 26-38. (In Russ.).

15. Rozhdestvenskiy, Yu. V. (1997). *Teoriya ritoriki* [The Theory of Rhetoric]. M.: Dobrosvet. (In Russ.).

16. Sirotinina, O. B. (1997). *Yazykovaya lichnost i faktory, vliyayushchie na eye stanovlenie* [The Linguistic Personality and Influential Factors on Its Development]. In *Termin i slovo*. N. Novogorod. Pp. 7-12. (In Russ.).

17. Soloshchuk, L. V. (2008). Neverbalni aspekty matrymonialnogo dialogichnogo diskursu [Non-Verbal Aspects of Matrimonial Dialogical Discourse]. In *Visnyk Sumskogo derzhavnogo universytetu*. Ser. «Filologiya». No1. Pp. 96-104. (In Ukr.).

18. Sternin, I. A. (1989). *O ponyatii kommunikativnogo povedeniya* [On the Notion of Communicative Behaviour]. In *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle. Pp. 279-282. (In Russ.).

19. Susov, I. P. (1986). *Lichnost kak subekt yazykovogo obshcheniya* [The Personality as the Subject of Linguistic Behaviour]. In *Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya*. Kalinin: Izd-vo Kalinin. gos. un-ta. Pp. 7-11. (In Russ.).

20. Sukhikh, S. A. (1989). *Yazykovaya lichnost v dialoge* [The Linguistic Personality in the Dialogue]. In *Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya*. Kalinin: Izd-vo Kalinin. gos. un-ta. Pp. 82-86. (In Russ.).

21. Formanovskaya, N. I. (1989). *Rechevoy etiket i kultura obshcheniya* [Speech Etiquette and Culture of Communication]. M. (In Russ.).

22. Tsuladze, A. (2000). *Bolshaya manipulyativnaya igra* [Big Manipulative Game]. M.: Algoritm. (In Russ.).

23. Tsutsieva, M. G. (2012). *Yazykovaya lichnost kak subekt politicheskogo diskursa* [Linguistic Personality as the Subject of Political Discourse]. In *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*. Vyp. 2. Pp. 104-107. (In Russ.).

24. Dimbleby, R., Burton, G. (1998). *More Than Words: An Introduction to Communication*. London; New York.

25. Hacker, K. L. (1996). Political Linguistic Discourse Analysis. In *The Theory and Practice of Political Communication Research*. New York: State University of New York Press. Pp. 28-55.

Фатьянова Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии (e-mail: irafatianova@mail.ru) Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Fatyanova Irene V. – Candidate of Philology, Associate Professor and Doctoral Student of English Philology Department (e-mail: irafatianova@mail.ru) State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 24 сентября 2019 г.

УДК 811.111:81'373.72

© 2019 Т. Н. Федуленкова, А. С. Малышева

СТРУКТУРНО-КОМПОНЕНТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ СУБСТАНТИВНОЙ МОДЕЛИ АНГЛИЙСКОГО ДЕЛОВОГО ФЕ-ТЕРМИНА

В статье рассматривается структурная организация субстантивных терминов делового английского языка, возникших как языковые единицы вторичной номинации, в данном случае, фразеологические единицы. На основе теории терминологии В. М. Лейчика и фразеологической теории А. В. Кунина произведён отбор языкового материала и выявлены основные виды структурных моделей анализируемых ФЕ-терминов с их семантическим наполнением.

Ключевые слова: деловой английский язык, терминология, фразеологические единицы, ФЕ-термины, структурные модели, компонент.

© 2019 T. N. Fedulenkova, A. S. Malysheva

STRUCTURAL-COMPONENT CONTENTS OF THE SUBSTANCE MODEL OF ENGLISH BUSINESS PU-TERM

The article deals with the structural organization of substantive terms of business English, which arose as language units of secondary nomination, in this case, phraseological units. Based on the V. M. Leychik terminology theory and A. V. Kunin phraseological theory, the language material has been selected and the main types of structural models of analyzed PU-terms with their semantic contents have been revealed.

Keywords: business English, terminology, phraseological units, PU-terms, structural models, component.

1. Введение

В современной полипарадигмальной лингвистике одной из насущных проблем является проблема исследования структуры фразеологических единиц. Особую актуальность приобретает эта проблема в настоящее время в связи со становлением терминологии делового английского языка [Fedulenkova, 2015: 181] и ее окказиональной ревизией согласно требованиям оптимальной длины компонентного состава ФЕ-термина [Лейчик, 1981: 63] и отсутствия амбивалентности в его значении.

Объект нашего исследования – это термины делового английского языка, которые являются по сути своей фразеологическими единицами – ФЕ-терминами, то есть они образованы посредством семантического переноса значения их компонентов. Научной базой исследования являются труды по терминоведению В. М. Лейчика [Лейчик, 2009: 48], а также труды, излагающие фразеологическую концепцию А. В. Кунина и предложенный лингвистом метод фразеологической идентификации [Кунин, 2005: 44-49], используемый в данной работе для отбора именно фразеологизмов из общей терминологической массы, указанной

в избранных для анализа оригинальных словарях делового английского языка [Tuck, 2000; Law, 2008, Butler et al., 2017]. Цель исследования – выявить наиболее распространенные структурные модели субстантивных ФЕ-терминов и определить их количественное и качественное содержание в составе анализируемых словарей. В исследовании используются непарадигмальные методы и методики лингвистики [Комарова, 2018: 564].

2. Исследовательская часть

Посредством структурно-квантитативного анализа 1200 ФЕ-терминов выясняем, что для английских субстантивных ФЕ-терминов характерны следующие структурные модели:

1. **Модель N + N (Noun + Noun)** – двухкомпонентная структурная модель с константной зависимостью компонентов [Кунин, 1970: 59]. По данной модели образовано наибольшее количество терминологических выражений (628 единиц): *dawn raid* (букв. рассветный налет) – скупка крупного пакета акций сразу после открытия биржи; *paper loss* (букв. бумажная потеря) – потенциальные убытки; *pie chart* (букв. пироговая хартия) – секторная диаграмма; *saturation point* (букв. точка насыщения) – состояние на рынке, когда невозможно дальнейшее увеличение объема продаж; *umbrella organization* (букв. зонтичная организация) – организация, в состав которой входит несколько мелких организаций, например: *An umbrella organization bought her small company* [Tuck, 2000: 454].

Существительное может употребляться в данной модели как в единственном, так и во множественном числе (36 единиц): *no-claims bonus* – скидка за безаварийность, *piece goods* – штучный товар, *tap stocks* – ценные бумаги, выпускаемые по мере спроса по установленной цене, например: *The government uses the sale of tap stocks to influence interest rates* [Tuck, 2000: 416].

Данная модель также может включать выражения, первый компонент которых стоит в родительном падеже (15 единиц): *traveller's check* – дорожный чек, платежное средство (вексель, оплачиваемый при предъявлении), используемое главным образом в международном туризме, *buyer's market* – рынок покупателей, ситуация на рынке, когда предложение превышает спрос, *employees' buyout* – выкуп контрольного пакета акций работодателем, например: *It was hoped that the employees' buyout would prevent the closure and save jobs* [Tuck, 2000: 150].

В данной модели наряду с простыми существительными широко используются составные существительные (34 единицы): *word-of-mouth advertising* – реклама «из уст в уста», когда информация о продукте или услуге распространяется с помощью самих потребителей, которые передают её своим знакомым; *take-home pay* – чистая получка; *odd-even pricing* – ценообразование с помощью «неровных цифр» для создания видимости

низкой цены, например: *Charging £3.99 instead of £4.00 is an example of odd-even pricing* [Tuck, 2000: 284].

В данной модели также широко представлены экономические ФЕ-термины с компонентом именем собственным: *non-Poisson queue* – немарковская система массового обслуживания; *Ockham's razor* – беспристрастный экономический анализ, исключаящий все излишние факторы; *Wall Street* – Нью-йоркская биржа (популярное название); *Halsey system* – такая система оплаты, которая предусматривает выплату премии в размере половины почасовой ставки за экономию нормы времени при сдельной работе; *Massachusetts rule* – амер. правило разумного поведения при инвестировании средств по доверенности, т. е. ориентируемое на действия разумного инвестора; *Markovian queue* – марковская система массового обслуживания, т. е. система массового обслуживания с пуассоновским входящим потоком и экспоненциальным распределением времени обслуживания; *Pigou effect* – рост потребительского спроса под влиянием увеличения реальной стоимости кассовых остатков, вызванного понижением цен, например: *Arthur Pigou defined the Pigou Effect as the sum of government bonds and the money supply divided by the price level* [Pigou effect ...].

В ходе исследования фразеоконда делового английского языка данной модели выявляем значительное количество ФЕ-терминов с компонентом – названием страны или места, связанного с учреждением какого-либо предприятия или подписанием того или иного договора, принятием акта: *Gulf bank* – банк, расположенный в зоне персидского залива; *London Debt Agreement* – Лондонское соглашение о долгах ФРГ другим западным странам; *Canton system* – организация и контроль иностранной торговли в определенном месте, регионе, осуществляемые советом купцов, и др. Среди рассматриваемых ФЕ-терминов особое место занимают фразеологические единицы, отражающие историю международных торговых отношений, например: *French Club* – союз десяти; *Rio Agreement* – международное соглашение о введении системы специальных прав заимствования, разработанное в Рио-де-Жанейро в рамках МВФ; *Baltic Exchange* – Балтийская биржа, получившая свое название от торговли зерном с балтийскими портами, преимущественного ее занятия в XVIII веке: *Baltic Exchange members are responsible for a large proportion of all dry cargo and tanker fixtures as well as the sale and purchase of merchant vessels* [The Baltic Exchange].

Немногочисленная группа ФЕ-терминов данной модели имеет компонент – название страны или национальности, свидетельствующий об особенностях культурологического восприятия носителей языка. Так, например, выражение *American*

option, имеющее значение «такой опцион, при котором продавец может реализовать свое право на оплату опциона либо отказаться от него в любой момент периода действия контракта», призвано указывать на свободный, демократический порядок ведения дел в США. С другой стороны, рассматривая выражения *Chinese accounting* – «фальшивое счетоводство», *Dutch auction* – «такой аукцион, при котором аукционист называет цену, постепенно снижая ее, пока не найдется покупатель», *Dutch bargain* – «односторонне выгодная сделка», выясняем, что данные словосочетания употребляются с отрицательной коннотацией. Это связано с негативным отношением англичан к народам определенных стран, вызванным историческими войнами или конкуренцией Англии с этими странами [Fedulenkova, 2002: 257-258]: *Theorists have long believed that Dutch auctions are strategically equivalent to standard sealed bidding* [Slow Dutch Auctions].

Исследование выявляет значительное число ФЕ-терминов со структурной организацией А + К (адъюнкт + ядро) (модель В. Д. Аракина [Аракин, 2005: 137]), имеющих в роли атрибутивного компонента существительное, являющееся названием животного, то есть зоонимом. Определенный интерес в этом случае представляют фразеологические единицы, адъюнктом в которых выступают существительные *cat* и *dog*. Подавляющее число таких фразеологизмов используется для обозначения сомнительных, непопулярных ценных бумаг или продукции: *wildcat brand* – нерекламируемая марка, использующаяся обычно для товаров более низкого качества; *dead-cat bounce* – восходящее движение курса акций после существенного падения, например: *Analysts in the City noted a slight recovery in share prices today, but some referred to it as a dead cat bounce* [Tuck, 2000: 118].

Использование в рассматриваемых фразеологизмах слов *cat* и *dog* с отрицательной коннотацией может быть объяснено отрицательным отношением к непредсказуемости поведения данных животных в некоторых ситуациях. Однако ряд выражений с компонентом *dog* имеет нейтральную или положительную оценку, например: *bulldog bond* – облигация с фиксированной процентной ставкой, выпущенная в Великобритании иностранным заемщиком: *bulldog bond – a fixed-interest sterling bond issued in the UK by a foreign borrower* [Butler, 2017: 44].

Ряд ФЕ-терминов рассматриваемой структурной модели представлен устойчивыми сочетаниями с адъективным компонентом *bear* (медведь), в экономической сфере приобретшим значение «дилер на фондовой бирже, валютном или товарном рынке, ожидающий падения цен». Терминосочетания, образованные вокруг ведущего компонента *bear*, насчитывают восемь фразеологических единиц, большая часть которых имеет полностью переосмысленное значение, например: *bear hug* – обращение одной компании

к правлению другой компании, указывающее на готовность приобрести ее акции, *bear squeeze* – «вытеснение медведей», такая ситуация, когда продавцы, зная, что кто-то имеет «медвежью» позицию, которую надо ликвидировать, намеренно заставляют поднимать цены: *A bear squeeze is a situation where sellers are forced to cover their positions as prices suddenly ratchet higher, adding to the burgeoning bullish momentum* [Bear Squeeze].

Отметим, что ФЕ-термины делового английского языка с компонентом *bear* имеют антонимичные выражения, образованные по идентичной структурной модели: *bull market* – такой рынок, на котором дилер с большой вероятностью будет покупать, а не продавать, причем он может покупать даже за свой собственный счет, открывая позицию «быка» – *bull position*; *bull bond* – обязательства по контрактам при игре на повышение, например: *It was another tough day for the financial markets, capping a volatile week, one marked by anxiety over interest rates, the dollar, and falling oil prices, among other things. More puzzling in some ways, there was good economic news earlier this week, and that still seemed to upset investors. What's happening here? And does the volatility of recent weeks suggest the end of a bull market?* [BNC, 2015].

В деловой фразеологии данной модели встречается множество ФЕ-терминов с компонентами-существительными, называющими животных, о значении которых, не зная их дефиниции, догадаться практически невозможно в силу того, что данные выражения претерпели полное переосмысление компонентного состава: *white elephant* – сделка, при которой расходы превышают потенциальную прибыль; *cash cow* – продукт под хорошо известной торговой маркой, на который приходится большая доля рынка и, следовательно, приносящий устойчивый приток наличности, например: *Wall Street hopes to see larger operating margins for Google proper, which contains its cash cow search and advertising business and YouTube, but also its hardware division, enterprise cloud offering, and its app store, Play* [BNC, Business Insider, 2016].

2. Модель Adj + N (Adjective + Noun) (418 единиц) – двухкомпонентная беспредложная структурная модель с константной зависимостью компонентов [Кунин, 1970: 59]. Прилагательные, являющиеся компонентами данной модели, могут быть как качественными, так и относительными.

ФЕ-термины с качественным прилагательным насчитывают 221 единицу: *bad money* – фальшивые деньги; *thin market* – вялый рынок; *short exchange* – краткосрочный вексель; *flat tax* – фиксированный подоходный налог; *open market* – открытый рынок (рынок с чистой конкуренцией, когда цена на товар складывается стихийно, как равновесная между спросом

и предложением), например: *Coal prices on **the open market** are low because of the large amount of coal available* [Tuck, 2000: 287].

Более 30% терминологических выражений данной группы образуют антонимичные пары: *cheap money* – дешевые деньги, деньги с низкой покупательной способностью // *dear money* – дорогие деньги, деньги с высокой покупательной способностью; *hard sell* – навязывание товара, агрессивная политика продаж // *soft sell* – ненавязывание товара; *bad faith* – недобросовестность // *good faith* – добросовестность; *wet goods* – жидкий груз // *dry goods* – сухой товар; *active money* – деньги в обращении // *idle money* – неиспользуемые деньги, ср.: (а) *One expert who was involved with the Atlanta pension plan's overhaul efforts suggested that the city's pension plans rely too much on **active money** managers. As a result, its investment costs are high for the results that the money managers are producing* [BNC, 2012]. И (б) *As the state's banker, the treasurer is responsible for all money and securities held by the state, investment of temporarily **idle money**, sale of bonds and their redemption and interest payments* [BNC, 1994].

Необходимо отметить, что 52 фразеологические единицы из 64, содержащих в качестве компонентов название цвета, образованы именно по этой структурной модели. Наиболее часто употребляемыми в фразеологии финансов, экономики и бизнеса являются следующие наименования цвета: *black, white, blue, green, brown, grey, red, pink, yellow*: *black diamonds* – уголь; *white sale* – продажа белья; *pink form* – предложения приобрести акции вновь созданной компании, обычно печатаемые на розовой бумаге, рассылаемые владельцам других компаний; *Green Book* – неофициальное название списка ценных бумаг, не котирующихся на бирже, издаваемый Лондонской Фондовой Биржей; *brown goods* – такая аппаратура, как телевизоры и радиоприемники, в корпусе, выполненном из дерева или аналогичных материалов; *green audit* – исследование влияния деятельности организаций на окружающую среду; *grey wave* – перспективная компания, но требующая слишком много усилий для своего расцвета; *red ink* – отрицательное сальдо баланса, дефицит денежных средств; *blue button* – служащий, нанятый фирмой для работы в операционном зале биржи, например: *In 2010, the VA **Blue Button** was released, offering several patient engagement features that include the ability to access and download personal health information to foster continuity of care, which includes a Continuity of Care document* [BNC, 2013].

Классификации ФЕ-терминов, включающих эти прилагательные, допускают использование различных критериев [Fedulenkova, Povarova, 2001: 39]. Наиболее очевидным является критерий взаимоотношения семантики цветообозначений, руководствуясь которым можно разделить фразеологические единицы, избранные для активного усвоения, на взаимодействующие и не взаимодействующие [Федуленкова,

Поварова, 2002: 95]. К невзаимодействующим можно отнести такие термины-фразеологизмы, как:

(а) *green card* – документ, свидетельствующий о том, что его обладатель, путешествующий за границей, при несчастном случае застрахован от требований третьей стороны, например: *The green card is a permanent resident ID issued to immigrants in the U.S.* [Green Card];

(б) *blue chips* – наиболее популярные акции, имеющие высокий курс (обычно акции ведущих компаний), например: *She put her money into blue chips* [Tuck, 2000: 59];

(в) *green belt* – площадь, обычно окружающая город, за которой строго контролируются новые постройки, например: *A large area of green belt will be lost if a new airport is built* [Parkinson, 2005: 250].

Взаимодействующие фразеологизмы подразделяем на полярные, т. е. антагонистичные, и градационные, т. е. определяющие разные степени значения.

Примерами фразеологизмов с полярными, или антагонистичными, значениями могут служить следующие термины:

(а) *black – white: black knight* – лицо или компания, пытающаяся купить, взять под контроль другую компанию, не желающую продаваться, и *white knight* – лицо или организация, спасающие компанию от нечестного приобретения ее более сильной компанией, ср.: *A black knight has made an unwanted takeover bid* [Tuck, 2000: 58] и *A white knight stepped in and made a better offer* [Tuck, 2000: 480];

(б) *black – red: to end in the black* – ликвидировать бюджетный дефицит и *to end in the red* – создавать бюджетный дефицит, ср.: *The company should end the financial year in the black* [Tuck, 2000: 57] и *The company will end another financial year in the red* [Tuck, 2000: 348].

К названиям цвета, определяющим разные степени значения включающих их фразеологизмов, можно отнести прилагательные *black – grey: black market* – нелегальная торговля товарами и услугами и *grey market* – продажа дефицитных товаров со значительной наценкой. В данной паре словосочетание *grey market* имеет значение более легализованного варианта торговли, чем выражение *black market*, ср.: (а) *He sells stolen goods on the black market* [Tuck, 2000: 58]. И (б) *Before this, emulation was primarily a grey market way to relive the past... not something industry took notice of. Then, all of a sudden, people could easily download games that were on stores shelves for free* [BNC, 2106].

ФЕ-термины с относительным прилагательным насчитывают 197 единиц: *intellectual property* – интеллектуальная собственность (идеи, разработки, сочинения и т. д., являющиеся собственностью организации или частного лица и не могут быть проданы или использованы

без разрешения владельца); *structural unemployment* – безработица, вызванная структурными изменениями в экономике; *domestic / home trade* – внутренняя торговля; *seasonal rate* – сезонные колебания цен; *industrial action* – любые спланированные акции, такие как забастовки или отказ от обычного рабочего графика, целью которых является увеличение оплаты труда или улучшения условий труда, и др., например: *The workers threatened **industrial action** if they were not given a pay rise* [Tuck, 2000: 200].

3. Модель **N + Prep + N** (Noun + Preposition + Noun) – двухкомпонентная предложная структурная модель с константной зависимостью компонентов (96 единиц):

а) с предлогом *of* (65 единиц): *act of God* – стихийное бедствие; *agent of necessity* – агент, который формально не наделен какими-либо полномочиями, но может предпринимать действия в интересах другого лица в условиях крайней необходимости; *velocity of circulation* – средняя скорость денежного обращения; *rate of return* – коэффициент окупаемости, *period of grace* – дополнительное время, предоставляемое должнику для возврата долга, например: *The bank granted him a 30-day **period of grace** to repay the loan*. Или: *The **period of grace** expires tomorrow – and the bill must be paid* [Tuck, 2000: 305];

б) с предлогом *in* (8 единиц): *bills in hand* – портфель векселей; *payment in kind* – платеж натурой; *trustee in bankruptcy* – конкурсный управляющий, назначаемый судом для распродажи собственности обанкротившегося предприятия для оплаты его счетов, например: *The **trustee in bankruptcy** sold the bankrupt's estate* [Tuck, 2000: 451];

в) с предлогом *by* (7 единиц): *management by exception* – управление по отклонениям, когда основное внимание тратится не на планирование, а на приведение ситуации в норму; *payment by results* – оплата по результатам; *sale by description* – продажа без предъявления образца, например: *We must check the goods on arrival as they were for **sale by description** and must fulfil the contract* [Tuck, 2000: 370];

г) с предлогом *on* (5 единиц): *return on capital* – прибыль на акционерный капитал, например: *The **return on capital** was down slightly at 5,1%* [Tuck, 2000: 363];

д) с предлогом *for* (3 единицы): *offer for sale* – предложение на продажу, например: *The **offer for sale** was priced at 125p a share* [Tuck, 2000: 285];

е) с предлогом *per* (3 единицы): *dividend per share* – дивиденд, выплачиваемый держателям простых акций: *The company paid a **dividend per share** of 5p* [Tuck, 2000: 139].

3. Результаты исследования и выводы

В результате комплексного структурного и фразеологического анализа одной тысячи двухсот фразеологических единиц были выявлены три основные структурные модели ФЕ-терминов современного делового английского языка:

1) **модель N + N (Noun + Noun)** – двухкомпонентная структурная модель с константной зависимостью компонентов (628 ФЕ-терминов или 54,99% от общего количества анализируемых ФЕ-терминов),

2) **модель Adj + N (Adjective + Noun)** двухкомпонентная беспредложная структурная модель с константной зависимостью компонентов (418 ФЕ-терминов или 36,6% от общего количества анализируемых ФЕ-терминов),

3) **модель N + Prep + N (Noun + Preposition + Noun)** – двухкомпонентная предложная структурная модель с константной зависимостью компонентов (96 ФЕ-терминов или 8,41% от общего количества анализируемых ФЕ-терминов).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что наиболее продуктивной структурной моделью является **модель N + N (Noun + Noun)**.

Выявленные структурные модели характеризуются краткостью синтагматической компонентной организации, как правило, – безвариантностью и отсутствием полисемии входящих в них ФЕ-терминов, что подтверждает рабочую гипотезу исследования.

Полученные результаты и выводы найдут свое применение в проекте построения типологического паспорта делового английского языка, идея которого была предложена профессором В. Д. Аракиным более трех с половиной десятилетий назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
2. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.
3. Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. М.: Высш. шк., 1970. 344 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.
5. Лейчик В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 63-73.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
7. Федуленкова Т. Н., Поварова В. Н. Деловая фразеология в языковой компетенции // Международное сотрудничество в образовании. СПб: Санкт-Петербургский гос. политех. ун-т, 2002. Ч. 2. С. 91-98.
8. Fedulenkova, T. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness // Domain-specific English: textual practices across communities and classrooms / Giuseppina Cortese & Philip Riley (ed.). Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Mein; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. P. 247-269.
9. Fedulenkova, T. Terms of Phraseological Character in Specific Domains // LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP & STST): Proceedings of annual international conference. M.: RUDN, 2015. P. 181-184.

10. Fedulenkova T., Povarova V. Cognitive approach to study of Business English idioms // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference. Budapest: British Council, 2001. – P. 39.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Butler B., Butler D., Isaaks A. (eds.). A Dictionary of Finance and Banking. Oxford: Oxford University Press, 2017. 378 p.
2. Law J. Oxford Dictionary of Finance and Banking. Oxford: Oxford University Press, 2008. 472 p.
3. Tuck A. Oxford Dictionary of Business English. Oxford: Oxford University Press, 2000. 491 p.
4. Parkinson D. Oxford Business English Dictionary for learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2005. 616 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BNC: British National Corpus. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (дата обращения: 04.09.2019).
2. Pigou effect – definition and meaning. Режим доступа: <https://marketbusinessnews.com/financial-glossary/pigou-effect-definition-meaning/>. (дата обращения: 04.09.2019).
3. The Baltic Exchange. Режим доступа: <https://www.balticexchange.com/>. (дата обращения: 04.09.2019).
4. Slow Dutch Auctions. Режим доступа: <https://pubsonline.informs.org/doi/abs/10.1287/mnsc.1040.0328>. (дата обращения: 04.09.2019).
5. Bear Squeeze. Режим доступа: <https://www.investopedia.com/terms/b/bear-squeeze.asp>. (дата обращения: 04.09.2019).
6. Green Card. Режим доступа: <https://www.investopedia.com/terms/g/green-card.asp>. (дата обращения: 04.09.2019).

REFERENCES

1. Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of English and Russian]. Moskva: Izd-vo FIZMATLIT. (In Russ.).
2. Komarova, Z. I. (2019). *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, Method, Technique and Technology of Scientific Research in Linguistics]. Moskva: FLINTA, Nauka. (In Russ.).
3. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya. Teoreticheskij kurs* [English Phraseology. Theoretical Course]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).
4. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A Course of Phraseology of Modern English]. Dubna: Feniks. (In Russ.).
5. Leychik, V. M. (1981). *Optimal'naya dlina i optimal'naya struktura termina* [Optimal Length and Optimal Structure of the Term]. In *Voprosy yazykoznanija* [Linguistic issues]. No. 2. Pp. 63-73. (In Russ.).
6. Leychik, V. M. (2009). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]. Moskva: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).
7. Fedulenkova, T. N., Povarova, V. N. (2002). *Delovaya frazeologiya v yazykovoy kompetentsii* [Business phraseology in language competence]. In *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v obrazovanii*. SPb: Sankt-Peterburgskiy gos. politekh. un-t. Ch. 2. Pp. 91-98. (In Russ.).
8. Fedulenkova, T. (2002). Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness. In Giuseppina Cortese & Philip Riley (eds.) *Domain-specific English: textual practices across communities and classrooms*. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Mein; New York; Oxford; Wien: Lang. Pp. 247-269.

9. Fedulenkova, T. (2015). Terms of Phraseological Character in Specific Domains. In *LSP Teaching and Specialized Translation Skills Training in Higher Education Institutions (LSP & STST)*. Proceedings of annual international conference. Moscow: RUDN. Pp. 181-184.

10. Fedulenkova, T., Povarova, V. (2001). Cognitive approach to study of Business English idioms. In *Textual Secrets: The Message of the Medium*. Book of Abstracts of 21st PALA Conference. Budapest: British Council. P. 39.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Butler, B., Butler, D., Isaaks, A. (eds.) (2017). *A Dictionary of Finance and Banking*. Oxford: Oxford University Press.

2. Law, J. (ed.) (2008). *Oxford Dictionary of Finance and Banking*. Oxford: Oxford University Press.

3. Tuck, A. (2000). *Oxford Dictionary of Business English*. Oxford: Oxford University Press.

4. Parkinson, D. (2005). *Oxford Business English Dictionary for learners of English*. Oxford: Oxford University Press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. BNC: British National Corpus. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (accessed: 04.09.2019).

2. Pigou effect – definition and meaning. Available at: <https://marketbusinessnews.com/financial-glossary/pigou-effect-definition-meaning/>. (accessed: 04.09.2019).

3. The Baltic Exchange. Available at: <https://www.balticexchange.com/>. (accessed: 04.09.2019).

4. Slow Dutch Auctions. Available at: <https://pubsonline.informs.org/doi/abs/10.1287/mnsc.1040.0328>. (accessed: 04.09.2019).

5. Bear Squeeze. Available at: <https://www.investopedia.com/terms/b/bear-squeeze.asp>. (accessed: 04.09.2019).

6. Green Card. Available at: <https://www.investopedia.com/terms/g/green-card.asp>. (accessed: 04.09.2019).

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корр. РАН, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: fedulenkova@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

Fedulenkova Tatiana N. – Doctor of Philology, RANS Corr. Member, Professor of the Foreign Languages of Professional Communication Department (e-mail: fedulenkova@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87 Gorkogo, Vladimir, 600026

Малышева Александра Сергеевна – бакалавр гуманитарных наук, Гуманитарный институт (e-mail: s.malysheva@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

Malysheva Aleksandra S. – Bachelor of Arts, Humanitarian Institute (e-mail: s.malysheva@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87 Gorkogo, Vladimir, 600026

Поступила в редакцию 30 октября 2019 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'27; 811.134.3

© 2019 С. Г. Воркачев

NEM TEME, QUEM TE ADORA, A PRÓPRIA MORTE: ДИСКУРС ГИМНОДИИ СОДРУЖЕСТВА ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Исследуются дискурсные свойства и семантическая структура торжественных песен о родине стран португалоязычных, устанавливаются важнейшие и базовые смыслы национального гимнического дискурса, а также моральные императивы по отношению к родной земле и корневая метафора идеи патриотизма.

Ключевые слова: дискурс, гимнодия, национальный гимн, родина, народ, свобода, единство.

© 2019 S. G. Vorkachev

NEM TEME, QUEM TE ADORA, A PRÓPRIA MORTE: HYMNODY DISCOURSE OF THE PORTUGAL COUNTRIES COMMONWEALTH

The discourse properties and the semantic structure of solemn songs about the homeland of the Portuguese-speaking countries are studied, the most important and basic meanings of the national anthem discourse, as well as moral imperatives in relation to the native land and the root metaphor of the patriotism idea are established.

Key words: discourse, hymnody, national anthem, homeland, people, freedom, unity.

В лингвистический обиход имя «дискурс» проникло с нескольких направлений: с одной стороны, считается [Олешков, 2006: 83], что его ввел в 1952 году создатель дистрибутивного и трансформационного анализа З. Хэррис [Harris, 1952], с другой же, что «дискурс» проник в лингвистику из философии и социологии в ходе так называемого «лингвистического поворота» через работы Юргена Хабермаса, создателя «теории коммуникативного действия» [Habermas, 1984]. В то же самое время Эмиль Бенвенист уже употреблял слово *discours* в значении процесса реализации системы языка [Benvenist, 1966].

Дискурс патриотизма выделяется на основе тематического принципа и включает в себя все речевые образования, вербально воплощающие идею патриотизма: любви и привязанности к своей стране. Коммуникативно-поведенческая форма реализации дискурса патриотизма, как отмечается [Декленко, 2004: 5, 20], представлена широким спектром жанров, литературных, речевых и масс-медийных. В число литературных жанров входят стихи и песни о родине – гражданская лирика, военная поэзия и проза, романы и фильмы о разведчиках, пословицы, афористика. Особое место, конечно, здесь

занимает национальная гимнодия – государственные гимны, в которых напрямую реализуются основные функции патриотического дискурса.

Гимн – разновидность религиозной лирики, первоначально возник как хвалебно-благодарственная песнь [Юрченко, 2001: 177]. Как представляется, эволюционный ряд гимна выстраивается таким порядком. Возникнув в античные времена как торжественная песнь во славу богов и героев, гимн эволюционировал в чисто литературный жанр – произведения, предназначенные для чтения и декламации, отмеченные особой торжественностью, воодушевлением либо, напротив, пародийностью. В следующем шаге эволюции религиозный гимн превращается в боевую песню, с пением которой войска идут в сражение, которая затем со временем становится хвалебной песней родине.

Национальный гимн как торжественная песня прославления государства, исполняемая в официальных случаях, является неременным атрибутом государственности любой страны и стоит в одном ряду с гербом и флагом.

Государственный гимн – дискурсно «гибридный» литературный жанр, реализуемый в «теле», как минимум, двух разновидностей дискурса: политического и ритуального. Частью политического дискурса его делает предназначенность для укрепления единства граждан и сплочения их вокруг власти [Зотева, 2013: 133], частью ритуального – ситуация исполнения, требующая соблюдения определенных ритуализированных норм. Тем не менее, в государственном гимне для эмфатизации политических установок активно используются выразительные средства художественного дискурса: фигуры речи, риторические приемы и, прежде всего, метафорика.

Современная торжественная песнь о родине унаследовала от религиозного гимна тему благодарности Богу и стремления сохранить или обрести его покровительство, а от боевой песни – тему агональности, самоотверженной борьбы за свободу и независимость родной страны.

Государственный гимн при всем обилии используемых в нем выразительных средств – отнюдь не художественное произведение, а программный документ, обладающий множеством «мобилизационных» функций. Национальный гимн в первую очередь выступает опознавательным знаком государства, выполняя тем самым функцию соотнесения мелодии и текста с образом определенной страны. Он выполняет объединительную функцию – содействует сплочению народа, способствует укреплению гражданской солидарности. Государственный гимн выполняет аксиогенную функцию: он предназначен для формирования в сознании граждан представлений о высшей ценности нации – Родине, имеющей священный, сакральный статус. Присуща государственному гимну

и «оптимистическая» функция – формирование и сохранение народной веры в стабильность существующего строя и «светлое будущее» нации. Государственный гимн представляется также носителем идеологической функции – в нем отражается то, что нация думает о себе и хочет, чтобы о ней так думали и другие. От религиозного гимна гимн государственный унаследовал функцию прославления, от него же идет экспрессивная функция – ритуализованного выражения любви к родине [Судаков, 2004: 98]. В то же самое время прослушивание гимна вызывает целую гамму патриотических чувств: уважения к своей стране и гордости за неё, воодушевления. Опять же от культового песнопения государственный гимн унаследовал магическую функцию, свойственную, главным образом, религиозному дискурсу.

Базовые концепты идеи патриотизма – это, конечно, родина и народ, которые сами по себе обладают «атомарно-матрешечной» смысловой структурой: в качестве семантических признаков включают в себя другие концепты. В семантическом составе идеи патриотизма выделяются три ряда признаков [Воркачев, 2013: 47]: 1) соотносимых с её «предметной», денотатной частью – какая у нас родина и какие мы сами; 2) соотносимых с её эмоционально-оценочной частью – как и за что мы любим родину; и 3) соотносимых с императивно-праксеологической частью – как нужно поступать и что нужно делать, чтобы доказать свою любовь к родине.

Португальская империя, наряду с Испанской, Британской и Французской империями, была великой колониальной империей, просуществовавшей чуть ли не до XXI-го века: официальная церемония передачи португальского владения Макао Китаю и признание независимости Восточного Тимора произошли в 1999 году. Получение независимости последними португальскими колониями носило отнюдь не мирный характер: на деятельность в португальских колониях левых повстанческих движений, стремящихся к независимости (МПЛА в Анголе, ФРЕЛИМО в Мозамбике, ФРЕТИЛИН в Восточном Тиморе, ПАИГК в Гвинее-Бисау и Кабо-Верде) центральная власть в Лиссабоне отвечала террором и операциями правительственных войск. Ныне единственными заморскими территориями Португалии являются на правах автономных регионов Мадейра и Азорские острова.

«Продуктом распада» Португальской колониальной империи явилось создание в 1996 году, по образу и подобию Британского содружества и Франкофонии, Содружества португалоязычных стран (*Comunidade dos Países de Língua Portuguesa*) – международной организации, объединяющей страны, в которых португальский язык является официальным государственным языком. В содружество входят Португалия и её бывшие

колонии – Ангола, Бразилия, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи. В 2002 после провозглашения независимости к содружеству присоединился Восточный Тимор. Кроме того, в организацию в качестве наблюдателей входят Экваториальная Гвинея, Маврикий и Макао.

Хронологически, по времени создания и официального принятия, национальные гимны стран португалоязычного Содружества четко разделяются на три группы: 1) гимн Португалии (создан в 1890 и утвержден в 1911 году); 2) гимн Бразилии (создан в 1832 и утвержден в 1922 году); 3) гимны Гвинеи-Бисау (1974), Анголы (1975), Сан-Томе и Принсипи (1975), Кабо-Верде (1996) и Мозамбика (2002).

По длине текста гимны Содружества ранжируются следующим образом: 42 строки (Бразилия), 29 строк (Португалия), 28 строк (Сан-Томе и Принсипи), 21 строка (Гвинея-Бисау), 17 строк (Кабо-Верде), 16 строк (Ангола) и 12 строк (Восточный Тимор).

Практически все национальные гимны стран португалоязычного Содружества имеют свое собственное имя: у гимнов Анголы и Сан-Томе и Принсипи это первая строка припева: *Angola, Avante* ('Ангола, вперед'), *Independência total* ('Полная независимость'). Гимн Португалии называется *A Portuguesa* ('Португеза'), гимн Кабо-Верде – *Cântico da Liberdade* ('Песнь свободы'). Слово «родина» вынесено в название гимнов Гвинеи-Бисау (*Esta é a Nossa Pátria Bem Amada* – 'Это наша любимая Родина'), Мозамбика (*Pátria Amada* – 'Любимая Родина'), Восточного Тимора (*Pátria* – 'Родина').

Опознавательная функция национального гимна реализуется через присутствие в его тексте этнонимов – названий страны или народа: *Angola, avante! Marchemos, combatentes angolanos* (Ангола); *Pátria amada, Brasil!* (Бразилия); *Nós juramos por ti, oh Moçambique* (Мозамбик); *O esplendor de Portugal!* (Португалия); *Juramento eterno / No país soberano de São Tomé e Príncipe* (Сан-Томе и Принсипи); *Pátria, Pátria, Timor-Leste, nossa Nação* (Восточный Тимор). Однако в текстах гимнов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде какие-либо этнонимы отсутствуют, их идентификация осуществляется исключительно через мелодию.

Базовыми смыслами национальной гимнодии стран португалоязычного Содружества, конечно, вступают свобода и единство.

«Это сладкое слово «свобода»» и его семантические аналоги (*liberdade, libertação, independência, soberania* etc.) присутствуют практически в текстах всех португалоязычных гимнов: *Em teu seio, ó Liberdade, / Desafia o nosso peito a própria morte!* (Бразилия); *Entre estrelas e o Atlântico / Entoa o Cântico da Liberdade* (Кабо-Верде); *Moçambique, o teu nome é liberdade* (Мозамбик); *Glória ao povo e aos heróis da nossa libertação* (Восточный Тимор); *Levantemos nossas vozes libertadas / Para glória dos povos africanos* (Ангола); *Terra livre,*

povo livre (Восточный Тимор); *Independência total, / Glorioso canto do povo* (Сан-Томе и Принсипи); *Jurameneo eterno / No país soberano de São Tomé e Príncipe* (Сан-Томе и Принсипи); *Nenhum tirano nos irá escravizar* (Мозамбик).

Главным условием освобождения декларируется единство народа: *Ramos do mesmo tronco, / Olhos na mesma luz: / Esta é a força da nossa união!* (Гвинея-Бисау); *Povo unido do Rovuma ao Maputo* (Мозамбик); *Avante unidos firmes e decididos* (Восточный Тимор); *Pátria Unida, Liberdade, / Um só povo, uma só Nação!* (Ангола).

Идеалы справедливости, мира, прогресса и пр. в текстах гимнов упоминаются достаточно редко: *Mas se ergues da justiça a clava forte* (Бразилия); *A paz e o progresso! / Nós vamos construir* (Гвинея-Бисау).

Что касается «предметной части» идеи патриотизма – «хронотопа», то отличительные географические признаки страны гимна (имена рек, городов, упоминания лесов, размеров территории, созвездий и пр.) в его тексте встречаются не так уж часто: *Ouviram do Ipiranga as margens plácidas / De um povo heróico o brado retumbante* (Бразилия); *Se em teu formoso céu, risonho e límpido, / A imagem do Cruzeiro resplandece* (Бразилия); *Gigante pela própria natureza, / És belo, és forte, impávido colosso* (Бразилия); *Nossos bosques têm mais vida* (Бразилия); *Povo unido do Rovuma ao Maputo / Colhe os frutos do combate pela paz* (Мозамбик). Не так уж часты также отсылки к памятным датам, героическому прошлому и славным предкам, а также к светлому будущему: *Ó Pátria, nunca mais esqueceremos / Os heróis do quatro de Fevereiro* (Ангола); *O Sol de Junho para sempre brilhará* (Мозамбик); *Honramos o passado e a nossa História* (Ангола); *Ó Pátria sente-se a voz / Dos teus egrégios avós* (Португалия); *Saudai o sol que desponta / Sobre um ridente porvir* (Португалия).

Ещё более значимыми, чем свобода и единство, для патриотического дискурса выступают концепты родины и народа.

Родина отличается от просто страны [Ильин 2007: 272] и, тем более, от «этой страны» [Воркачев 2013: 126], тем, что её любят, ею восхищаются и гордятся, за неё испытывают стыд – одним словом, переживают. Имена родины (*patria, nossa terra, terra dos nossos avós, nosso país, nosso solo*) в текстах португалоязычной гимнодии чаще всего сопровождаются «каритативными» и лаудативными эпитетами: *Ó Pátria amada, / Idolatrada* (Бразилия); *Terra adorada / Entre outras mil* (Бразилия); *Viva a pátria gloriosa!* (Гвинея-Бисау); *Pátria bela dos que ousaram lutar / Moçambique* (Мозамбик); *Moçambique nossa terra gloriosa* (Мозамбик); *Oh pátria amada, vamos vencer* (Мозамбик); *Congregando os filhos das ilhas / Em redor da Pátria Imortal* (Сан-Томе и Принсипи).

Другим активным «фигурантом» идеи патриотизма выступает, конечно, народ, получающий в тексте гимнов имена *povo* и *nação*, сопровождаемые эпитетами, в которых отражаются этнические автостереотипы. Народ и героичен, и благороден, и мужествен, и бессмертен, и пр.: *De um povo heróico o brado retumbante* (Бразилия); *Com os braços heróicos do povo* (Сан-Томе и Принсипи); *Heróis do mar, nobre povo, / Nação valente e immortal* (Португалия); *Costruindo, no progresso e na paz, / A nação ditosa da Terra* (Сан-Томе и Принсипи).

Любовь к Родине, как, впрочем, и всякая любовь, без поступков ничтожна. Действенность патриотизма выражается в заботе о благополучии и величии родной страны: *Viva a pátria gloriosa!* (Гвинея-Бисау); *Levantai hoje de novo / O esplendor de Portugal!* (Португалия); *Ser herói no ressurgir do País* (Сан-Томе и Принсипи).

Любовь к своей стране проявляется в готовности бороться до конца за её свободу: *Ó Pátria, nós saudamos os teus filhos / Tombados pela nossa Independência* (Ангола); *Em teu seio, ó Liberdade, / Desafia o nosso peito a própria morte!* (Бразилия); *Ser herói no hora do perigo* (Сан-Томе и Принсипи). Соответственно, в текстах португалоязычной гимнодии присутствует агональная лексика – лексика борьбы (*luta, lutar, vitória, vencer, armas, combate, combatente, guerra, guerrilheiro* etc.): *Verás que um filho teu não foge à luta* (Бразилия); *Dinamismo / Na luta nacional* (Сан-Томе и Принсипи); *Às armas! Às armas! / Pela Pátria lutar!* (Португалия); *Ó Pátria sente-se a voz / Dos teus egrégios avós / Que há-de guiar-te à vitória* (Португалия); *Oh pátria amada, vamos vencer* (Мозамбик); *Hino sagrado de combate* (Сан-Томе и Принсипи); *Marchemos, combatentes angolanos* (Ангола); *Guerrilheiro da guerra sem armas na mão* (Сан-Томе и Принсипи).

В текстах португалоязычной гимнодии регулярно появляется упоминание другого символа государственности – национального флага (*bandeira, estandarte, pendão, lábaro*): *Floriu nos céus a bandeira da luta* (Гвинея-Бисау); *Cresce o sonho ondulando na bandeira* (Мозамбик); *Desfralda a invicta bandeira* (Португалия); *Caminhamos a passos gigantes / Na cruzada dos povos africanos, / Hasteando a bandeira nacional* (Сан-Томе и Принсипи); *Brasil, de amor eterno seja símbolo / O lábaro que ostentas estrelado* (Бразилия). Изредка здесь появляется и имя самого гимна: *Canta, meu irmão / Que a liberdade é hino* (Кабо Верде); *Independência total, / Hino sagrado de combate* (Сан-Томе и Принсипи).

Несмотря на официальный характер национального гимна, тексты португалоязычной гимнодии в достаточной мере насыщены метафорами – здесь и «солнце свободы», и «цветок нашей крови», и «скала жизни» и пр.: *E o sol da Liberdade, em raios fúlgidos, / Brilhou no céu da Pátria nesse instante* (Бразилия); *Da flôr do nosso sangue* (Гвинея-Бисау);

No despenhadeiro da vida / A esperança é do tamanho do mar / Que nos abraça (Кабо Верде). Единство народа уподобляется ветвям одного дерева (*Ramos do mesmo tronco, / Olhos na mesma luz: / Esta é a força da nossa união!* – Гвинея-Бисау)), родная страна персонифицируется (*Portugal não pereceu! / Beija o solo teu jucundo / O oceano a rujir d'amor; / E o teu braço vencedor / Deu mundos novos ao mundo!* – Португалия). Как и можно было ожидать, наиболее употребительным образом португалоязычной гимнодии является метафора кровного родства, когда отношения родной страны и её граждан уподобляются отношениям матери и детей: *Ó Pátria, nós saudamos os teus filhos* (Ангола); *Dos filhos deste solo / És mãe gentil, / Pátria amada, / Brasil!* (Бразилия); *Mas se ergues da justiça a clava forte, / Verás que um filho teu não foge à luta* (Бразилия).

От гимнов всех иных языковых сообществ (см.: [Воркачев, 2019; 2019a]) португалоязычную гимнодию отличает, прежде всего, абсолютно «светский» характер: в её текстах нет ни единого обращения в Богу (Deus, Senhor), а также обилие леворадикальной и социалистической лексики и фразеологии – здесь и «колониализм», и «империализм», и «эксплуатация», и «борьба за мир», и «революция», и «власть народа», и «силы прогресса», и «чужеземное иго», и «угнетенные народы» и пр.: *Vencemos o colonialismo, gritamos: / abaixo o imperialismo. / Terra livre, povo livre, / não, não, não à exploração. / Avante unidos firmes e decididos. / Na luta contra o imperialismo / o inimigo dos povos, até à vitória final. / Pelo caminho da revolução* (Восточный Тимор); *Angola, avante! / Revolução, pelo Poder Popular!* (Ангола); *Marchemos, combatentes angolanos, / Solidários com os povos oprimidos. / Orgulhosos lutaremos Pela Paz / Com as forças progressistas do mundo* (Ангола); *Floriu nos céus a bandeira da luta. / Avante, contra o jugo estrangeiro!* (Гвинея-Бисау); *Povo unido do Rovuma ao Maputo / Colhe os frutos do combate pela paz* (Мозамбик).

Наблюдения над речевыми функциями и семантическим составом национальных гимнов стран португалоязычного Содружества позволяют прийти к следующим выводам:

1. Создание Содружества португалоязычных стран, куда входят Португалия и её бывшие колонии – Ангола, Бразилия, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, явилось продуктом «распада» Португальской колониальной империи.

2. Оознавательная функция национального гимна реализуется через присутствие в его тексте этнонимов – названий страны или народа, однако в текстах гимнов Гвинеи-Бисау и Кабо-Верде какие-либо этнонимы отсутствуют, и их идентификация осуществляется исключительно через мелодию.

3. Базовыми смыслами национальной гимнодии стран португалоязычного Содружества вступают свобода и единство, номинанты которых присутствуют

практически в текстах всех гимнов. «Хронотоп» идеи патриотизма передается через отличительные географические признаки страны гимна (имена рек, городов, упоминания лесов, размеров территории, созвездий и пр.) и отсылки к памятным датам, героическому прошлому и славным предкам, а также к светлому будущему.

4. Еще более значимыми, чем свобода и единство, для патриотического дискурса выступают концепты родины и народа. Родину любят, ею восхищаются и гордятся, за неё испытывают стыд. Имена родины в текстах португалоязычной гимнодии чаще всего сопровождаются «каритативными» и лаудативными эпитетами. Имена народа сопровождаются эпитетами, в которых отражаются этнические автостереотипы: народ героичен, благороден, мужественен, бессмертен, и пр. Действенность патриотизма выражается в заботе о благополучии и величии родной страны, а любовь к своей стране проявляется также в готовности бороться до конца за её свободу.

5. В текстах португалоязычной гимнодии регулярно появляется упоминание другого символа государственности – национального флага и изредка – имя самого гимна.

6. Несмотря на официальный характер национального гимна, тексты португалоязычной гимнодии в достаточной мере насыщены метафорами. Наиболее же употребительным образом португалоязычной гимнодии является метафора кровного родства, когда отношения родной страны и её граждан уподобляются отношениям матери и детей.

7. От гимнов всех иных языковых сообществ португалоязычную гимнодию отличает абсолютно «светский» характер – в её текстах нет ни единого обращения к Богу, а также обилие леворадикальной и социалистической лексики и фразеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев С. Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре. М.: ИНФРА-М, 2013. 151 с.
2. Воркачев С. Г. Государственный гимн как символ патриотизма (по данным языка) // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. М.: МХПИ, 2019. С. 79-84.
3. Воркачев С. Г. À toi nos cœurs, à toi nos bras, à toi notre sang, ô patrie!: национальная гимнодия Франкофонии // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания. Краснодар: КубГУ, 2019а. С. 7-12.
4. Декленко И. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2004. 21 с.
5. Зотева Т. С. Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 133-143.
6. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. М.: ЭКСМО, 2007. 912 с.
7. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия, 2006. 336 с.
8. Судаков Г.В. Концепты Государственного гимна России // Русский язык в школе. 2004. № 3. С. 98-101.

9. Юрченко Т. Г. Гимн // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 177.
10. Benvenist E. Problèmes de linguistique générale. P.: Galimard, 1966. 356 p.
11. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and Rationalization of Society. L.: Heinemann, 1984. 465 p.
12. Harris Z. S. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28. P. 1-30.

REFERENCES

1. Vorkachev, S. G. (2013). *Strana svoya i chuzhaya: ideya patriotizma v lingvokulture* [Country of One's Own and Another: the Idea of Patriotism in Language and Culture]. Moskva: INFRA-M. (In Russ.).
2. Vorkachev, S. G. (2019). *Gosudarstvennyy gimn kak simvol patriotizma (po dannym yazyka)* [The national Anthem as a Symbol of Patriotism (According to the Language)]. In *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya*. Moskva: MKHPI. Pp. 79-84. (In Russ.).
3. Vorkachev, S. G. (2019a). *À toi nos cœurs, à toi nos bras, à toi notre sang, ô patrie! natsionalnaya gimnodiya Frankofonii* [À toi nos cœurs, à toi nos bras, à toi notre sang, ô patrie!: National Hymnody of Francophonie]. In *Romanskaya filologiya v kontekste sovremennogo gumanitarnogo znaniya*. Krasnodar: KubGU. Pp. 7-12. (In Russ.).
4. Deklenko, I. V. (2004). *Lingvokulturologicheskiy aspekt patrioticheskogo diskursa* [Linguoculturological Aspect of the Patriotic Discourse]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk. (In Russ.).
5. Zoteeva, T. S. (2013). *Gosudarstvennyy gimn kak zhanr politicheskogo diskursa* [The National Anthem as a Genre of Political Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (43). Pp. 133-143. (In Russ.).
6. Ilin, I. A. (2013). *Pochemu my verim v Rossiyu* [Why Do We Believe in Russia]. Moskva: EKSMO. (In Russ.).
7. Oleshkov, M. Yu. (2006). *Modelirovanie kommunikativnogo protsessa* [Modeling of the Communicative Process]. Nizhniy Tagil: Nizhnetagilskaya gos. soc.-ped. akademiya. (In Russ.).
8. Sudakov, G. V. (2004). *Kontsepty Gosudarstvennogo gimna Rossii* [Concepts of the National Anthem of Russia]. In *Russkiy yazyk v shkole*. No. 3. Pp. 98-101. (In Russ.).
9. Yurchenko, T. G. (2001). *Gimn* [Anthem]. In *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiya*. Moskva: Intelvak. P. 177. (In Russ.).
10. Benvenist, E. (1966). *Problèmes de linguistique générale*. P.: Galimard.
11. Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1: Reason and Rationalization of Society. L.: Heinemann. 465 p.
12. Harris, Z. S. (1952). *Discourse analysis*. In *Language*. Vol. 28. Pp. 1-30.

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков (e-mail: svork@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет» 350072, Краснодар, Московская, 2

Vorkachev Sergei G. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Foreign Languages Department (e-mail: svork@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Kuban State Technological University» 2 Moskovskaya, Krasnodar, 350072

Поступила в редакцию 04 октября 2019 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111:81'373.6

© 2019 Ш. Р. Басыров

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ С СЕМАНТИКОЙ ДЕСТРУКЦИИ

Статья посвящена сопоставительному изучению фразеологических единиц, обозначающих предельное действие или состояние, следствием которых является определенная деструкция субъекта или объекта. Фразеологизмы с семантикой интенсивно-деструктивного действия или состояния носят метафорический характер и охватывают в сопоставляемых языках интеллектуальную, речевую, трудовую, социальную деятельность человека, перцептивное восприятие, физические воздействия человека на объект, а также физиологические действия.

Ключевые слова: фразеологическая единица, метафора, интенсивность, деструкция, предельность, негативный результат.

© 2019 Sh. R. Basyrov

PHRASEOLOGICAL METAPHORS WITH THE SEMANTICS OF DESTRUCTION

The article deals with the comparative study of the phraseological units denoting a terminative action or a state, which results in a certain destruction of subject or object. The phraseological units with the semantics of an intensive destructive action or state are of metaphorical nature and comprise intellectual, oral, labour and social activity, perception, physical impact of a person on the object as well as physiological actions in the languages under comparison.

Key words: phraseological unit, metaphor, intensity, destruction, telicity, negative results.

1. Вступление. В настоящей статье рассматриваются фразеологические единицы (далее: ФЕ) английского, немецкого, русского и украинского языков, характеризующие действие или состояние с точки зрения предельной интенсивности, ср.:

(1) англ. *break your neck to do something* «exert yourself to the utmost to achieve something» ‘прикладывать максимальные усилия для достижения чего-л.’; нем. *jmdn zu Mus hauen* «jmdn schlimm verprügeln» ‘сильно побить кого-л.’; рус. *лопаться от злости* «быть в состоянии сильного гнева»; укр. *аж піна з рота летить* «дуже, сильно кричати».

В лингвистической литературе категория интенсивности была и остается спорной и неоднозначной. Так, природа интенсивности и ее взаимосвязь со смежными категориями (градуальностью, количественностью, экспрессивностью, оценкой) была предметом изучения в работах многих лингвистов, в частности: В. В. Акуленко (1987), Н. Ф. Алефиренко (2005), М. С. Андреевой (2016), Ю. Д. Апресяна (1967, 1993, 1995), Л. В. Воробьевой (1968), С. Е. Родионовой (2005), Э. Сепира (1985), С. Г. Ткаченко (2018), И. И. Туранского (1990),

И. И. Убина (1974) и др. Исследовались также фразеологические средства выражения категории интенсивности на материале отдельных языков, в частности: английского [Апресян, 1995], русского [Алефиренко, 2008; Аллагулова, 2004] и др.

Целью настоящей статьи является выявление и описание метафорических ФЕ, предельная интенсивность которых связана определенной деструкцией, а также определение языковых средств, актуализирующих данный метафорический тип в названных германских и славянских языках.

Материал исследования был получен путем сплошной выборки ФЕ из одно- и двуязычных фразеологических словарей сопоставляемых языков, а также из работ [Апресян 1997, 2003, 2006; Аристотель, 1974; Артеменко, 2015; Артемова, 1991].

2. ФЕ, обозначающие интенсивно-деструктивные действия

Фразеологизмы со значением интенсивно-деструктивного действия охватывают в сопоставляемых языках различные виды деятельности человека.

2.1. Интеллектуальная и перцептивная деятельность человека

Напряженная мыслительная деятельность человека метафорически связывается в структуре ФЕ с деструкцией организма по модели «напряженно думающий человек словно производит / вызывает физическую (анатомическую) деструкцию определенной части своего тела», ср.:

(2) англ. *rack one's brain* букв. 'разбивать мозг'; нем. *sich (Dativ) den Kopf zerbrechen* букв. 'ломать голову'; рус. *поломать голову*; укр. *голова пухне / репается*.

Значение предельной интенсивности интеллектуальной деятельности человека актуализируется во фразеологизмах (2) за счет необычной сочетаемости глаголов деструкции (англ. *rack*, нем. *zerbrechen*, рус. *(по)ломать*, укр. *репатися / пухнути*) с соматизмами и соотношения с ними понятий «мозг / голова / ум» (англ. *brain*; нем. *Kopf*; рус. *голова, ум*; укр. *голова, розум*).

В трех языках (за исключением английского) обнаружены ФЕ, в которых напряженное зрительное восприятие наносит определенный вред органам зрения. При этом деструктивная метафоричность реализуется благодаря нескольким факторам: 1) наличию эксплицитных средств, в частности префиксов (нем. *ver-*, рус. *об-*), выражающих негативный результат для субъекта напряженного действия; 2) необычной дистрибуции глагола и существительного; 3) внутренней форме ФЕ, ср.:

(3) нем. *sich die Pupillen verstauchen* <die Augen durch angestregtes Lesen ermüden> [Duden, 2007: 600] (букв. 'вывихнуть зрачки') 'утомить глаза из-за напряженного чтения'; рус. *обмозоливать глаза* <неотрывно смотреть на кого-, что-либо> [Федоров, 2008: 426];

укр. *очі мало не вискакують з голови* ‘кто-л. очень внимательно, напряженно смотрит на кого-л., что-л.’ [СФУМ, 2003: 477].

2.2. *Физические (воз)действия* человека на объект, приводящие к его повреждению, частичному / или полному разрушению, ср.:

(4) англ. *fight like a tiger* ‘attack sb / defend oneself with ruthless energy/savagery’ [Longman] ‘нападать на кого-л. / защищаться безжалостно, жестоко’; нем. *jmdm die Fresse polieren* (букв. отполировать (отшлифовать) кому-л. рожу) (грубо) ‘сильно ударить кого-л. в лицо’; рус. *сделать котлету* ‘избить кого-либо очень сильно, до крови, изувечить’ [Федоров, 2008: 605]; укр. *ламати хребет* ‘избить кого-л.’

Фразеологизмы, обозначающие интенсивное физическое воздействие на объект (лицо / не-лицо), обычно метафорически ассоциируются с повреждением части объекта (тела, внутренних органов, предметов одежды и т. п.). Данные ФЕ содержат в своей структуре лексически (в славянских языках и формально) соотносительные глаголы, ср.: в английском языке – глаголы *beat / kick / knock* + послелог *out (of smb)*, которым в украинском и русском языках соответствуют глаголы *вибити / выбить* (что-л. из кого-л.) / *выдрать / выпороть* (кого-л.), в немецком – глаголы *ausklopfen / vollhauen*. Характерно, что префиксы *ви-* / *вы-* / *aus-* в составе этих глаголов имеют сходные пространственные значения «движение наружу, освобождение от чего-л.» [Ефремова, 2000: 121; Полюга, 2001: 368; ССЭНЯ, 1979: 73], а немецкий префикс *voll-* указывает на полноту выполнения действия и его осуществления в полном объеме [Туранский, 1990: 450], ср.:

(5) англ. *knock the wind out of somebody* ‘hit someone in the stomach so that they cannot breathe for a moment’ [Longman, 2006] (букв. ‘выбить из кого-л. дух’) ‘бить кого-л. в живот так, чтобы он не мог дышать определенное время’, *beat/kick the shit out of somebody* ‘to beat, kick someone so violently that they are badly injured’ [Longman, 2006] (букв. ‘выбивать ногами из кого-л. фекалии’) ‘бить кого-л. настолько сильно, чтобы он был сильно травмированным’; нем. *jmdm die Hose / Jacke ausklopfen* ‘jmdm eine Tracht Prügel geben’ [Duden, 2007: 392] (букв. ‘выбить кому-л. (пыль из) брюки / куртку’) ‘сильно избить кого-л.’, *jmdm den Frack vollhauen* ‘jmdm verprügeln’ [Duden, 2007: 392] (букв. ‘полностью избить кому-л. куртку / фрак’) ‘отколотить кого-л.’; рус. *выбивать / вышибать дух* (из кого-л.); укр. *вибити олію* ‘избить кого-л. как следует’ [СФУМ, 2003: 67].

Добавим, что анализируемые ФЕ часто строятся по образцу синекдохи, т. е. вместо целого объекта-пациенса называется лишь его часть (шея, спина, голова, кости, уши, ноги и т. п.), по которой агент наносит удары, ср.:

(6) англ. *box sb's ears* (букв. ‘бить чьи-л. уши’) ‘избить кого-л.’; рус. *намять (наломать)*

бока / шею / холку ‘побить, избить, отколотить кого-л.’; аналогично: укр. *нам’яти боки*.

Интересно, что, чаще в немецком языке, реже в английском, для обозначения части целого используются названия одежды (брюки, куртка, костюм и др.), которые надевают на определенную часть тела и соответственно по которой наносятся удары, ср.:

(7) нем. *jmdm das Wams ausklopfen* (букв. ‘выбить кому-л. куртку (фуфайку)) ‘избить кого-л.’, *jmdn aus dem Anzug hauen* (букв. ‘выбить кого-л. из костюма’) ‘сильно ударить кого-л., побить’, *jmdn aus der Wäsche hauen* (букв. ‘выбить кого-л. из нижнего белья’) ‘сильно побить кого-л.’; англ. *beat the socks off (of) someone* (букв. ‘выбить чьи-л. носки’) ‘сильно избить кого-л.’, *beat the pants off (of) someone* (букв. ‘выбить чьи-л. брюки / кальсоны’) ‘сильно избить кого-л.’, см. также (5).

Следует добавить, что в позиции объекта-пациенса анализируемых ФЕ могут появляться слова с абстрактной семантикой (*дух, жизнь, душа*), которые в составе фразеологизма обретают значение «физическая/ жизненная сила», ср.:

(8) англ. *beat the bejesus out of someone* <hit someone very hard or for a long time> [Oxford 2004: 20] (букв. ‘выбить из кого-л. «жизнь (бога)») ‘бить кого-л. очень сильно в течение длительного времени’, ср. также: рус. *вышибить душу / дух* ‘убить ударом’, аналогично: укр. *вибити дух (душу)*.

Во всех сопоставляемых языках отмечена фразеометафорическая модель, в соответствии с которой объект-пациенс (У – «сильно избитый человек») ассоциируется с артефактами, имеющими мягкую структуру и являющимися часто наименованием продуктов, хотя в каждом языке они дифференцируются. Так, в английском языке такие артефакты номинируются существительными *pulp* ‘мякоть, каша’, *stuffing* ‘начинка’, *ribbons* ‘клочья, куски’, в немецком – *der Brei* ‘каша, пюре’, *das Mus* ‘мусс, пюре (из фруктов)’, *das Hackfleisch* ‘рубленое мясо, фарш’, *die Sülze* ‘холодец’, *das Kleinholz* ‘щепки’, в русском – *котлета, капуста*, в украинском – *гамуз* ‘мягкое, потертое вещество’ [СУМ, Т. 2, 1980: 25], *вишкварки* ‘хорошо прожаренные кусочки сала и остатки жира от него после вытапливания’ [СУМ, Т. 1, 1979: 542].

В структуре данных ФЕ интенсивность часто выражается через сочетание предлогов (англ. *to*; нем. *zu*; рус. *в*; укр. *на*) с перечисленными выше существительными, указывающими на негативный результат физического воздействия, либо при помощи конструкции «глагол *machen / сделать / зробити* + существительное», ср.:

(9) англ. *beat somebody to a pulp* букв. ‘бить кого-л. до мяса’; нем. *jmdn zu Brei schlagen / jmdn zu Mus hauen* букв. ‘побить / порубать кого-л. в кашу, пюре’; рус. *изрубить кого-л. в капусту, сделать из кого-л. котлету*; укр. *побити на гамуз, зробити вишкварки*.

В близкородственных языках, а иногда лишь в одном языке, появляются уникальные типы метафорических переносов. Так, лишь в германских языках отмечены ФЕ, построенные по метафорической модели «сила нанесения удара – внешний вид человека (цвет кожи, синяки) от полученного удара)», ср.:

(10) англ. *beat smb black and blue*, букв. ‘бить кого-л. до черно-синего цвета’, нем. *jmdn grün und blau schlagen*, букв. ‘бить кого-л. до зелено-синего цвета’.

В исследуемых языках отмечены ФЕ с семантикой «*X (лицо / не-лицо) полностью уничтожает Y (одушевленный / неодушевленный предмет)*». Значением данных фразеологизмов является ситуация полного разрушения / уничтожения человека, предмета:

(11) англ. *blow something / somebody to pieces / bits* (to explode someone or something into tiny pieces) [Longman] ‘подорвать (уничтожить) кого-, что-л. на части’; нем. *etw. (alles) kurz und klein schlagen* (etw. völlig zerschlagen, zertrümmern) [Duden, 2007: 459] ‘разбить что-л. полностью; рус. *в пух и прах разбить* ‘полностью, до основания уничтожить» [БФСРЯ, 2006: 69-70], *стереть в мелкий порошок* ‘жестокое расправиться с кем-л.» [ФСРЯ, 1968: 455-456], *разнести в щепки* ‘полностью уничтожать кого-, что-л.» [Федоров, 2008: 562]; укр. *розтерти на порошок* ‘уничтожить, разбить полностью» [Ужченко, 1998: 155], *розбивати в пух і прах* ‘разбить полностью, до основания» [СФУМ, 2003: 162], *бити / розбивати на січку (капусту)* ‘полностью уничтожить» [СФУМ, 2003: 188].

2.3. Трудовая, социальная и др. деятельность человека

Негативными последствиями напряженной работы человека часто выступают пот, кровавые мозоли, повреждение отдельных частей тела, ср.:

(12) англ. *work oneself into the ground* (exhaust yourself by working very hard) [Oxford, 2004: 131] ‘надрываться от работы’; нем. *Blut und Wasser schwitzen* (sich übermäßig anstrengen, bis zum Umfallen schuften) [Friederich, 1993: 59] ‘чрезмерно напрягаться, надрываться на работе до обморочного состояния’ (букв. ‘кровью и водой потеть’); рус. *тянуться в нитку* ‘напрягать все силы, во что бы то ни стало делать, выполнять что-либо» [Федоров, 2008: 695]; укр. *працювати до сьомого поту* ‘работать сверх силы, тяжело» [СФУМ, 2003: 551].

Во всех сопоставляемых языках обнаружены соотносительные ФЕ, представляющие результат напряженных физических действий как анатомическую деструкцию человека, в частности отдельных частей его тела (спины, шеи, рук, пальцев, внутренних органов и т. п.). Данные ФЕ обычно строятся по модели «*чрезмерная физическая нагрузка – анатомическая деструкция*», ср.:

(13) англ. *break your back* [Collins, 2002: 12] букв. ‘ломать свою спину’, *work your butt/ass/arse off* (вульг.) [Longman, 2006] букв. ‘работать так (сильно), что «разрывается» зад»; нем. *sich die Finger abarbeiten* [Duden, 2007: 223], букв. ‘износить пальцы’; рус. *вытягивать жилы* ‘работать усиленно, не жалея себя’ [Федоров, 2008: 123]; укр. *гнути спину (шию, хребет)* ‘надрываться’ [СФУМ, 2003: 151].

Языковыми средствами эксплицитного выражения интенсивности физического действия в структуре анализируемых ФЕ выступают:

1) глаголы, обозначающие разрушение нормальной структуры предмета и содержащие в своей семантике сему интенсивности, т.к. подобные действия требуют от субъекта больших физических усилий (*break / krachen / рвать / рвати*);

2) предлоги *bis / to (into) / до / до*, указывающие на степень достижения субъектом действия определенного отрицательного результата, ср.:

(14) англ. *to work oneself to death* ‘to work very hard’ [Longman] (букв. ‘работать до смерти’) ‘надрываться’; нем. *arbeiten bis die Schwarte kracht* ‘sehr angestrengt, bis zur Erschöpfung’ [Duden, 2007: 692] (букв. ‘работать до тех пор, пока шкура не лопнет’) ‘работать очень напряженно, до изнеможения’; рус. *до кровавого пота работать* ‘работать до полного изнурения’ [ФСРЯ, 1968: 347]; укр. *працювати до десятого поту* ‘работать до полного изнурения’ [Ужченко, 1998: 147-148];

3) префиксы (нем. *ab-, aus-, voll-*; рус. *до-, вы-, над-*; укр. *ви-, з(зи)-*), в английском – послелог *off* в аналогичной функции, которые маркируют максимальную степень напряженности субъекта при выполнении им определенных физических действий, ср.:

(15) англ. *to work your socks off* ‘do something with great energy or enthusiasm’ [Oxford, 2004: 269] ‘делать что-л. с большой энергией и энтузиазмом’, букв. ‘работать так напряженно, что аж срываются носки’; см. также рус. и укр. ФЕ в (8) и нем. ФЕ в (13);

4) рефлексивные глаголы, которые образуются в немецком языке при помощи рефлексивного местоимения *sich* (в форме дательного или винительного падежа), которое маркирует полный или частичный охват субъекта глагольным действием, в английском – соответственно местоимение *oneself*, а в украинском и русском языках – постфикс *-ся (-сь)* в аналогичной функции, ср.:

(16) англ. *bust a gut* ‘to work very hard or to make a big effort to achieve something’ [CIDI, 2002: 168] разг. (букв. ‘разрушать кишки / внутренности’) ‘очень тяжело работать или прикладывать чрезмерные усилия для достижения чего-либо’, нем. *sich (Dativ) die Füße nach etw. wund laufen* ‘viele Gänge machen, um etwas zu bekommen, zu erreichen’ [Duden, 2007: 252] (букв. ‘до крови набегать ноги ради чего-л.’) ‘много ходить, чтобы

достать / получить что-л.’; рус. *разрывать на мелкие части* «стараться изо всех сил, проявлять всяческое усердие, делать почти невозможное, чтобы достичь чего-л.» [Oxford, 2004: 207]; укр. *розбивати лоба* ‘прикладывать максимум усилий для выполнения чего-л.’ [СФУМ, 2003: 603], см. также (12), (13), (14).

2.4. *Говорение и звучание*

Как и любое напряженное физическое действие, интенсивное говорение может также привести к определенной дисфункции организма, ср.:

(17) нем. *sich den Hals ausschreien / sich (Dat.) die Kehle / Lunge / Stimme aus dem Hals schreien* «sehr laut schreien» [Duden, 2007: 317-318] (букв. ‘выкричать шею / горло / легкие / голос’) ‘надорваться от крика’; рус. *драть горло* «очень громко говорить, петь, кричать и т. п.» [ФСРЯ, 1968: 146]; укр. *рвати горло* ‘очень громко кричать’ [СФУМ, 2003: 595].

В ряде ФЕ интенсивность звучания метафорически связывается с разрушением предметов окружающего мира (крыши домов, стен), ср.:

(18) англ. *raise the roof* «to make a loud noise by shouting, clapping or singing» [CIDI, 2002: 264] (букв. ‘поднимать (срывать) крышу’) ‘создавать много шума криками, аплодисментами или пением’, нем. *brüllen, dass die Wände wackeln* «sehr heftig» [Duden, 2007: 842] (букв. ‘реветь так, что стены шатаются’) ‘очень сильно (например, реветь, кричать)’; аналогично: укр. *аж стіни (вікна, двері) дрижать* [СФУМ, 2003: 694].

Непрерывное, бессодержательное говорение может привести к деструкции как адресанта, так и адресата, ср.:

(19) англ. *bend sb's ear* «to talk to someone for a long time, usually about something boring» [CIDI, 2002: 110] (букв. ‘согнуть (покрутить) чьи-либо уши’) ‘говорить с кем-либо очень долго, часто о чем-л. неинтересном, скучном’, нем. *jmdm. ein Loch in den Bauch fragen* «jmdm. pausenlos Fragen stellen» [Duden, 2007: 493] (букв. ‘наспрашивать кому-л. дырку в животе’) ‘безостановочно спрашивать у кого-л. о чем-л.’; рус. *захлёбываться словами* «быстро и прерывисто говорить, глотая слова, слоги» [Федоров, 2008: 253]; укр. *мозолити языка* ‘говорить много лишнего, не по существу; болтать’ [СФУМ, 2003: 401].

2.5. *Физиологические действия человека*

Жадное и быстрое поглощение пищи, обильное потоотделение и сильный кашель могут вызывать неприятные ощущения, что находит свое отражение у ФЕ английского и немецкого языков, образованных по метафорической модели «*чрезмерное употребление пищи / жидкости* или *интенсивное выполнение другого физиологического действия – физическая дисфункция организма*», ср.:

(20) англ. *eat oneself sick* «eat too much (of sth, esp at one meal) so that one either feels

sick or (occas) is actually sick and vomits» (букв. ‘наестся до тошноты’) ‘есть очень много (особенно за один прием) до тошноты’ [Oxford, 2004: 164]; нем. *sich die Lunge aus dem Hals husten* «einen heftigen Hustenanfall haben» [Duden, 2007: 500] (букв. ‘выкашлять легкие из горла’) ‘испытывать сильный приступ кашля’.

3. ФЕ, обозначающие интенсивно-деструктивное состояние человека

ФЕ со значением интенсивно-деструктивного состояния охватывают фразеологизмы, означающие: 1) психоэмоциональное состояние человека; 2) физиологическое состояние человека. Рассмотрим данные ФЕ подробнее.

3.1. *ФЕ психоэмоционального состояния.* Одним из проявлений сильных эмоций является плач. Подобно другим негативным эмоциям (страх, отчаянье, душевные страдания), плач может вызывать разные деструктивные изменения организма. На этой основе строится, в частности, метафорическая модель ФЕ «*сильный плач / гнев / отчаянье / страх и др. – нарушение целостной структуры или деструкция определенной части человеческого тела*». В структуре данных ФЕ эксплицитно или имплицитно содержатся соматизмы, которые обычно сочетаются с глаголами, обозначающими разрушение объекта, ср.:

(21) англ. *cry your heart out* «to cry a lot» [CIDI, 2002: 184] (букв. ‘выплакать сердце’) ‘много плакать’, *bent out of shape* «very angry or upset» [Longman, 2006] (букв. ‘согнутый по форме’) ‘очень злой или печальный’; нем. *blutige Tränen weinen* «tiefen Schmerz empfinden» [Duden 2007: 782] (букв. ‘плакать кровавыми слезами’) ‘чувствовать глубокую боль’; рус. *лопаться от злости* «быть в состоянии гнева, сильного раздражения» [Федоров, 2008: 354]; укр. *скреготати зубами* ‘выражать гнев, раздражение, недовольство и т. д.’ [СФУМ, 2003: 659].

В сопоставляемых языках, в особенности в славянских, продуктивными являются ФЕ, в которых душевные страдания способны вызывать определенные физические дисфункции. Соматизмы *душа / сердце*, входящие в структуру этих фразеологизмов, выступают вместилищем чувств и эмоций человека, а нарушение их спокойного состояния и ритма работы вызывают у человека чувство острой боли, ср.:

(22) рус. *душа / сердце рвется на части* «кто-либо испытывает глубокую скорбь, печаль, тяжело переживает что-либо» [ФСРЯ, 1968: 150]; укр. *серце / душа болить* (о сильном душевном переживании человека по поводу чего-л.) [Ужченко, 1998: 185], *серце / душа кров’ю обливається* «кто-н. сильно переживает, страдает» [Ужченко, 1998: 185]; англ. *to be out of your mind* «suffering from the specified condition to a very high degree» [Oxford, 2004: 189] (букв. ‘терять рассудок’) ‘страдать от чего-л.’.

Крайним выражением интенсивно-деструктивных ФЕ являются уникальные славянские ФЕ суицидального характера, не обнаруженные в германских языках. Речь идет о ФЕ типа (23) рус. *хоть пулю в лоб, хоть плачь, хоть в гроб ложись, хоть в петлю полезай*; укр. *хоч живим у могилу лізь, хоч петлю на шию, хоч з мосту та в воду* и др., выражающие отчаяние, бессилие человека, не знающего выхода из сложной ситуации. Суицидальные мотивы таких ФЕ отражают такие присущие русским и украинцам черты характера, как покорность, терпеливость, склонность к фатализму, неумение или нежелание до конца бороться с жизненными трудностями.

К рассматриваемым в данном разделе ФЕ примыкают фразеологизмы с семантикой «*X (лицо / не-лицо) определенным образом каузирует Y (лицо) находится в чрезмерно повышенном эмоционально психическом состоянии (страха, гнева и т. п.)*». У большинства ФЕ данной семантики каузируемое состояние аналогично физическому, которое, как это было показано выше (см. раздел 2), характеризуется дисфункцией живого организма. В формальной структуре рассматриваемых ФЕ часто появляются предложно-именные группы (англ. «*to / into + существительное*»; нем. – «*vor / zu / bis auf + существительное*»; рус. и укр. «*до + существительное*»), глаголы деструкции, глагольные префиксы (нем. *ab-, aus-, zer- hoch-*; рус. *до-, вы-, ис-, про-, над-*; укр. *ви-, над-, об-, до-*), английские послелогои *out, off*. Например:

(24) англ. *drive someone to distraction* «someone or something annoy you a great deal» [Collins 2002: 103] (букв. ‘сводить кого-л. с ума’) ‘сильно опечалить или рассердить кого-л.’, *frighten sb out of their wits* «to make someone very frightened» [CIDI, 2002: 428] (букв. ‘испугать до потери рассудка’) ‘очень сильно испугать кого-л.’, *hit smb like a ton of bricks* (Amer.) «to surprise or shock someone very much» [CIDI, 2002:397] (букв. ‘поразить / ударить кого-л. как тонна кирпичей’) ‘очень сильно удивить или шокировать кого-л.’; нем. *jmdn. [bis] zur Weißglut reizen* «jmdn. äußerst zornig machen» [Duden, 2007: 858] (букв. ‘раздражать кого-л. до белого каления’) ‘чрезмерно сильно злить кого-л.’, *jmdm. das Herz zerreißen* «jmdm. tief bekümmern» [Duden, 2007: 357] (букв. ‘раздирать чье-л. сердце’) ‘сильно озаботить кого-л.’, *jmdn auf die Folter spannen* «jmdn in qualvolle Spannung versetzen» [Friederich, 1993: 133] (букв. ‘растянуть кого-л. (на столе) для пыток’) ‘вызывать у кого-л. болезненное напряжение’; рус. *до смерти пугать* «безмерно, донельзя, очень сильно» [БФСРЯ, 2006: 74], *растерзать сердце* «причинять сильные нравственные страдания, мучить, терзать кого-либо» [Федоров, 2008: 569], *вонзатъ нож в сердце* «причинять острую боль, глубокое страдание кому-либо» [Федоров, 2008: 91]; укр. *донікати до живого* ‘сильно задевать кого-л.’ [СУМ, Т. 1, 1979: 176], *обдавати жаром* ‘вызывать у кого-л. состояние

сильного волнения, испуга и т. п.’ [СФУМ, 2003: 445-446], *ужалити в серце* ‘вызывать душевную боль’ [СФУМ, 2003: 734].

3.2. ФЕ со значением интенсивно-деструктивного физиологического состояния. Состояния чрезмерной усталости, болезни, алкогольного опьянения и др. могут приводить к различным нарушениям функционирования организма человека, поэтому во всех сопоставляемых языках отмечены ФЕ метафорической модели «*сильная боль / болезнь / усталость / опьянение – физическая дисфункция организма*». Маркерами интенсивного протекания таких физиологических процессов / состояний субъекта являются предложно-именные группы, глаголы деструкции, частицы с усилительным значением:

(25) англ. *be blind drunk* «extremely drunk» [CIDI 2002: 69] (букв. ‘пьяный до слепоты’) ‘чрезмерно пьяный’; нем. *sich (Dativ) den Kanal volllaufen lassen* «sich betrinken» [Duden, 2007: 401] (вульг.) (букв. ‘полностью заполнить канал’), ‘напиваться пьяным’, *erschossen sein wie Robert Blum* «am Ende seiner Kräfte, völlig erschöpft sein» [Duden, 2007: 202] (букв. ‘быть расстрелянным как Роберт Блум’) (речь идет о революционных событиях в Австрийской империи 1848-1849 гг., в которых участвовал и был расстрелян Роберт Блум, книготорговец из Лейпцига) (устар.) ‘на пределе сил (возможностей), полностью обессиленный’, рус. *голова раскалывается* «о сильной головной боли» [Федоров 2008: 144], *без задних ног* «не в состоянии двигаться от усталости, переутомления, опьянения и т. п.» [ФСРЯ, 1968: 280]; укр. *підламуються ноги* ‘кто-либо очень устал’ [Ужченко, 1998:126-127], *до самісіньких риз напиться* ‘напиться до пьяна’ [СФУМ, 2003: 598], *аж світ крутиться обертом* ‘кто-л. испытывает головокружение от усталости, болезни, боли и т. д.’ [СФУМ, 2003: 631].

К рассматриваемым ФЕ примыкают фразеологизмы с семантикой «*X (лицо / не-лицо) каузирует появление у Y-а (лицо) определенного критического состояния*». Данные ФЕ характеризуют появление у объекта (пациенса) определенного физиологического состояния – усталости, изможденности, опьянения, вызываемого агенсом (каузатором). Для выражения каузируемого критического состояния субъекта часто употребляются в структуре английских ФЕ послелог *off*, в славянских ФЕ – префиксы *вы-*, *над-* (рус.); *ви-*, *об-* (укр.), а также глаголы деструкции:

(26) англ. *run smb. off his legs* «to make someone work very hard and / or quickly, especially to an exhausting or exasperating degree» [Duden, 2007: 120] ‘заставлять кого-л. тяжело и / или быстро работать, сильно изнуряя’; нем. *jmdn durch den Fleischwolf drehen* «jmdm sehr zusetzen, jmdn hart herannehmen» [Duden, 2007: 232] (букв. ‘прокрутить кого-л. через мясорубку’) ‘сильно изматывать кого-л.’; рус. *вытягивать жилы* «мучить, изнурять,

выматывать непосильной работой, непомерными требованиями» [ФСРЯ, 1968: 486], *надрывать силы* «доводить до крайнего изнурения» [ФСРЯ, 1968: 262]; укр. *виссати / витягти усю силу* «изнурять кого-л.» [Ужченко, 1998:187], *обривати руки* «утомлять кого-л.» (о физической работе или о тяжелой ноше)» [СФУМ, 2003: 456].

4. Выводы

4.1. В английском, немецком, русском и украинском языках фразеологизмы, обозначающие высокую степень действия и состояния, часто носят метафорический характер, связанный с определенной деструкцией субъекта или объекта.

4.2. Фразеологизмы со значением интенсивно-деструктивного действия охватывают в сопоставляемых языках интеллектуальную, речевую, трудовую, социальную деятельность человека, перцептивное восприятие; физические воздействия человека на объект, а также физиологические действия.

4.3. Среди ФЕ со значением интенсивно-деструктивного действия наиболее продуктивной в сопоставляемых языках является метафорическая модель «*сильное физическое (воз)действие – деструкция человеческого организма*». Интенсивно-деструктивное действие в рамках данной метафорической модели часто передается префиксальными глаголами деструкции, входящими в состав фразеологизмов.

4.4. Фразеологизмы, обозначающие интенсивно-деструктивное состояние человека, часто охватывают устойчивые словосочетания, описывающие психоэмоциональное и физиологическое состояние.

4.5. Фразеологическая интенсивность действия и состояния в сопоставляемых языках выражается определенными метафорическими моделями и образами, связанными часто с деструкцией живого организма (анатомическая деструкция) или разрушением предмета (физическая деструкция). Анатомическая деструкция сопровождается повреждением субъекта или определенной части его тела (спины, шеи, рук, ног и т. п.) либо объекта. Физическая деструкция состоит в полном или частичном разрушении определенного объекта (предмета) – одежды человека, сооружения или части сооружения (крыши, стены и т. п.).

5. Взаимосвязь между характером деструкции (анатомическая или физическая), семантикой глагольного компонента ФЕ и объекта воздействия можно сформулировать в виде таких импликаций:

5.1. Если в структуре ФЕ содержится глагол, обозначающий *деструктивное физическое воздействие* на предмет или указывающий косвенным образом на *негативные последствия* своего действия, а их объекты называют *предмет воздействия, инструмент*

или *отрицательный результат* глагольного действия и являются *соматизмами*, называющими часть человеческого тела, то с большой долей вероятности можно ожидать, что такие ФЕ выражают высокую степень:

– *напряжения при выполнении определенной работы*, ср.: англ. *break your back, work your butt / ass / arse off* (вульг.); нем. *j-m das Mark aus den Knochen saugen, sich die Finger abarbeiten*; рус. *вытягивать все жилы*; укр. *сотати кишки* и др.;

– *говорения и/или звучания*, ср.: рус. *драть горло, молотить / звонить языком*; укр. *мозолити языка, молоти языком*; нем. *jmdm. ein Loch in den Bauch fragen*; англ. *bend sb's ear* и др.;

– *физического действия*, ср.: англ. *beat the bejesus out of someone, knock the wind out of somebody, box sb's ears, beat/kick the shit out of somebody*; рус. *вышибить / выбивать душу / дух; намять (наломать) бока / шею / холку*; укр. *вибити дух (душу), нам'яти боки* и др.

Ср. сходные немецкие ФЕ, в которых в позиции дополнения употребляются, однако, наименования одежды: *jmdm die Hose / Jacke ausklopfen, jmdm den Frack vollhauen* и др.

5.2. Если в структуре ФЕ содержатся глаголы, обозначающие деструктивное и / или физическое воздействие на объект, либо внешнее проявление эмоционального состояния субъекта, а их объект называет часть человеческого тела, то с большой долей вероятности можно ожидать, что такие ФЕ выражают высокую степень:

– *проявления эмоций*, ср.: англ. *laugh your head off, bust a gut (laughing)*; нем. *sich (Dat.) den Arsch ablachen* (derb.); рус. *надрывать животики / кишки (от смеха)*; укр. *рвати кишки (від сміху, реготу)* и др.;

– *каузации физиологического состояния* (за исключением немецкого языка), ср.: англ. *run smb. off his legs*; рус. *вытягивать жилы, надрывать силы*; укр. *виссати / витягти усю силу, обривати руки* и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акуленко В. В. Лексические средства выражения интенсивности качественного признака в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. К., 1987. 17 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.
4. Аллагулова Г. Р. Предикаты знания в русском, английском и французском языках (их семантика и функционирование): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2004. 19 с.
5. Андреева М. С. Концептуальная оппозиция «норма – не норма» в формировании семантики фразеологических единиц английского языка с компонентом-соматизмом:

автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 2016. 26 с.

6. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. М., 1995. № 1. С. 37-67.

7. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 7-22.

8. Апресян Ю. Д. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 15-27.

9. Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. СПб., 2003. С. 7-21.

10. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.

11. Аристотель. Сочинения в четырех томах / ред. З. Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1974. Т. 2. 687 с.

12. Артеменко Г. Структурно-семантичне моделювання фразеологізмів: логічне та алогічне: автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01. Чернівці, 2015. 20 с.

13. Артемова А. Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 1991. 308 с.

14. Воробьева Л. В. Средства выражения интенсивности признака, обозначенного именем прилагательным, в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. К., 1968. 22 с.

15. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб: Наука, 2005. С. 150-169.

16. Сепир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 43-78.

17. Ткаченко С. Г. Английские фразеологические единицы с градуальной семантикой: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Донецк, 2019. 23 с.

18. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 173 с.

19. Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 1974. 34 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. 2-е изд., стер. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. [БФСРЯ].

2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <http://www.efremova.info>. (дата обращения: 03.09.2018).

3. Полюга Л. М. Словник українських морфем. Львів: Світ, 2001. 448 с.

4. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурысов и др.; под рук. М. Д. Степановой. М.: Рус. яз., 1979. 536 с. [ССЭНЯ].

5. Словник української мови: в 11 тт. / за ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970-1980. Режим доступа: <http://sum.in.ua>. (дата обращения: 03.09.2018). [СУМ].

6. Словник фразеологізмів української мови / уклад. В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук, Н. М. Неровня, Т. О. Федоренко. К.: Наук. думка, 2003. 787 с. [СФУМ].
7. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник української мови. К.: Освіта, 1998. 224 с.
8. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд. Москва: АСТ; Астрель, 2008. 879 с.
9. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
10. Cambridge international Dictionary of Idioms / editor E. Walter. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 587 p. [CIDI].
11. Collins Cobuild Idioms Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2002. 498 p. [Collins].
12. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Band 11. Dudenverlag: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2007. 959 S.
13. Friederich W. Moderne Deutsche Idiomatik. Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen. München, 1993. 565 S.
14. Longman Exams Dictionary. Available at: Longman Exams Dictionary CD-ROM © Pearson Education Limited 2006. (accessed: 25.02.2019).
15. Oxford Dictionary of Idioms / Edited by Judith Siefring. Oxford University Press, 2004. 352 p.

REFERENCES

1. Akulenko, V. V. (1987). *Leksicheskie sredstva vyrazheniya intensivnosti kachestvennogo priznaka v sovremennom russkom yazyke* [Lexical Means of Expressing the Intensity of a Qualitative Character in Modern Russian Language]: avtoref. dis. ... kand. filol.: 10.02.01. Kiev. (In Russ.).
2. Alefirenko, N. F. (2005). *Spornye problemy semantiki* [Debatable Questions of Semantics]: monografiya. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
3. Alefirenko, N. F. (2008). *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [The Phraseology in the Light of Modern Linguistic Paradigms]. Moskva: OOO Izd-vo Elpis. (In Russ.).
4. Allagulova, G. P. (2004). *Predikaty znaniya v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh (ikh semantika i funktsionirovanie)* [Verbs of Knowledge in Russian, English and French (Their Semantics and Functioning)]: avtoref. dis. ... kand. filol.: 10.02.20. Ufa. (In Russ.).
5. Andreeva, M. S. (2016). *Konceptualnaya oppozitsiya «norma – ne norma» v formirovanii semantiki frazeologicheskikh edinit angliyskogo yazyka s komponentom-somatizmom* [A Conceptual Opposition «a Norm – Not a Norm» in the Formation of the Semantics of English Phraseological Units with Somatisms]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
6. Apresyan, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The Image of a Person According to the Language Data: an Attempt of a System Description]. In *Voprosy yazykoznanija*. Moskva. No 1. Pp. 37-67. (In Russ.).
7. Apresyan, Yu. D. (1993). *Sinonimiya mentalnykh predikatov: grupa schitat* [The Synonymy of Mental Verbs: the Group «to Consider»]. In *Logicheskii analiz yazyka. Mentalnye deystviya*. Moskva: Nauka. Pp. 7-22. (In Russ.).
8. Apresyan, Yu. D. (2006). *Tipy sootvetstviya semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov* [The Types of Correspondence of Semantic and Syntactic Actants]. In *Problemy tipologii i obshchey lingvistiki*. St. Peterburg: Nestor-Istoriya. Pp. 15-27. (In Russ.).
9. Apresyan, Yu. D. (2003). *Fundamentalnaya klassifikatsiya predikatov i sistemnaya leksikografiya* [The Fundamental Classification of the Verbs and System Lexicography]. In *Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeystvie*. St. Pererburg. Pp.7-21. (In Russ.).

10. Apresyan, Yu. D. (1967). *Eksperimentalnoe issledovanie semantiki russkogo glagola* [The Experimental Study of the Semantics of Russian Verbs]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
11. Aristotel. (1974). *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Written Works in Four Volumes]. Moskva: Mysl. T. 2. (In Russ.).
12. Artemenko, G. S. (2015). *Strukturno-semantichne modelyuvannya frazeologizmiv: logichne ta alogichne* [The Structural-Semantic Modelling of Phraseological Units: Logical and Illogical]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Chernivtsi. (In Ukr.).
13. Artemova, A. F. (1991). *Znachenie frazeologicheskikh edinits i ikh pragmaticheskiiy potentsial* [The Meaning of Phraseological Units and Their Pragmatic Potential]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
14. Vorobeva, L. V. (1968). *Sredstva vyrazheniya intensivnosti priznaka, oboznachennogo imenem prilagatelnyy, v sovremennom frantsuzskom yazyke* [The Means of Expressing the Intensity of a Feature Denoted by the Adjective in Modern French Language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05. Kiev. (In Russ.).
15. Rodionova, S. E. (2005). *Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke* [The Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian Language]. In *Problemy funktsionalnoy grammatiki. Polevye struktury*. St. Peterburg: Nauka. Pp. 150-169. (In Russ.).
16. Sepir, E. (1985). *Graduirovaniye. Semanticheskoe issledovaniye* [Graduation. The Semantic Study]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva. No 16. Pp. 43-78. (In Russ.).
17. Tkachenko, S. G. (2018). *Angliyskie frazeologicheskie edinitsy s gradualnoy semantikoy* [English Phraseological Units with Gradual Semantics: Linguacultural Aspect]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Donetsk. (In Russ.).
18. Turanskiy, I. I. (1990). *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [The Sematic Category of Intensity in English]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
19. Ubin, I. I. (1974). *Leksicheskie sredstva vyrazheniya kategorii intensivnosti (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Lexical Means of Expressing the Category of Intensity (on the Material of Russian and English)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moskva. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenie. Upotrebleniye. Kulturologicheskiy kommentariy* [The Great Phraseological Russian Dictionary. Meaning. Use. Cultural Background Information]. Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2006. (In Russ.).
2. Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* [New Russian Dictionary. Definition and Word-Formation]. Moskva: Russkiy yazyk. Available at: <http://www.efremova.info>. (accessed: 03.09.2018). (In Russ.).
3. Polyuga, L. M. (2001). *Slovnnyk ukrayinskykh morfem* [The Dictionary of Ukrainian Morphemes]. Lviv: Svit. (In Ukr.).
4. *Slovar slovoobrazovatelnykh elementov nemetskogo yazyka* [The Dictionary of Word-Forming Elements in German Language] / A. N. Zuev, I. D. Molchanova, R. Z. Muryasov i dr.; pod ruk. M. D. Stepanovoy. Moskva: Russkiy yazyk, 1979. (In Russ.).
5. *Slovnnyk ukrayinskoyi movy* [The Ukrainian Dictionary]: v 11 tt. / In I. K. Bilodida (eds.). Kyiv: Naukova dumka, 1970-1980. Available at: <http://sum.in.ua>. (accessed: 03.09.2018). (In Ukr.).
6. *Slovnnyk frazeologizmiv ukrayinskoyi movy* [The Dictionary of Ukrainian Phraseological Units] / uklad. V. M. Bilonozhenko, I. S. Gnatyuk, V. V. Dyatchuk, N. M. Nerovnya, T. O. Fedorenko. K.: Nauk. dumka, 2003. (In Ukr.).
7. Uzhchenko, V. D. (1998). *Frazeologichnyy slovnnyk ukrayinskoyi movy* [The Phraseological Ukrainian Dictionary]. K.: Osvita. (In Ukr.).
8. Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* [The

Phraseological Dictionary of Standard Russian Language]: okolo 13000 fraziologicheskikh edinits. 3-e izd. Moskva: AST; Astrel. (In Russ.).

9. *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [The Phraseological Russian Dictionary]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1968. (In Russ.).

10. *Cambridge international Dictionary of Idioms* / editor E. Walter. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

11. *Collins Cobuild Idioms Dictionary*. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2002.

12. *Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Band 11. Dudenverlag: Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2007.

13. Friederich, W (1993). *Moderne Deutsche Idiomatik. Alphabetisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen*. München, 1993.

14. *Longman Exams Dictionary*. Available at: Longman Exams Dictionary CD-ROM © Pearson Education Limited 2006. (accessed: 03.09.2018).

15. *Oxford Dictionary of Idioms* / Edited by Judith Siefring. Oxford University Press, 2004.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 05 марта 2019 г.

УДК 81'373.23:81'42[811.111+811.161.1]

© 2019 О. Л. Бессонова, А. И. Есипенко

ЭМОТИВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XX СТОЛЕТИЯ

Целью работы является изучение и описание семантических, структурных и функциональных особенностей эмотивных наименований лица в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе XX столетия, а также установление их сходств и отличий.

Ключевые слова: эмотивность, наименование лица, художественный дискурс, семантика, структура, функция.

© 2019 O. L. Bessonova, A. I. Yesipenko

EMOTIVE DESIGNATIONS OF PERSON IN THE ENGLISH AND RUSSIAN FICTION OF THE XX CENTURY

The purpose of the given research is to study and describe the semantic, structural and functional peculiarities of the emotive designations of person in the English and Russian fiction of the XX century as well as to establish the similar and different features between them.

Key words: emotivity, designation of person, fiction, semantics, structure, function.

1. Вводные замечания. Характеристика материала исследования

При наличии в современном языкознании тенденции к комплексному изучению особенностей коммуникации, можно говорить о появлении нового направления в исследованиях, связанном с разработкой проблематики художественного дискурса «как многомерного коммуникативного пространства, представляющего собой поле напряжённых взаимодействий творческих стратегий автора и интерпретирующих возможностей читателя» [Сескутова, 2010: 79]. Настоящее исследование частично реализует данную концепцию, что заключается в подробном рассмотрении одного из аспектов взаимодействия авторской и читательской сторон.

Учитывая значимую роль эмоций в виде неотъемлемой части внутреннего мира человека, имеет смысл считать эмотивность одним из существенных элементов художественного дискурса, играющим определённую роль в восприятии адресатом авторского сообщения, заключённого в художественном тексте. Создавая в воображении мир художественного произведения, писатель преломляет окружающую действительность через собственное восприятие, чтобы донести свои мысли и видение до потенциального адресата. С целью передать определённую информацию автор не только преобразует реальность в соответствии с замыслом, но и сообщает тексту дополнительные свойства,

позволяющие интерпретировать закодированную идею в задуманном им ключе. Способность слова отражать эмоции, заложенные в него говорящим (пишущим), значительно расширяет воздействие художественного дискурса на слушателя (читателя), усиливая тем самым воздействие авторской интенции на творческое восприятие адресата.

Материалом нашего исследования послужили 172 английских и 250 русских эмотивных существительных, характеризующих лицо. Источниками материала стали тексты романов У. С. Моэма, Дж. Сэлинджера, Д. Стейнбека на английском языке и романов М. А. Булгакова, Б. Л. Пастернака и В. М. Шукшина (в двух последних случаях произведения были взяты частично ради соответствия объёму англоязычных текстов) на русском языке. Основанием для репрезентативной выборки эмотивных наименований лица (далее ЭНЛ) послужило наличие эмотивного компонента в лексических единицах.

Выявленные различия в количестве ЭНЛ в приблизительно равных по объёму и жанру произведениях обусловлены, в первую очередь, большей эмоциональностью русского языка в сравнении с английским, а также особенностями индивидуальных стилей выбранных авторов.

2. Эмотивность как лингвистическая категория

Являясь прежде всего объектом психологии, физиологии и философии, эмоции по-прежнему в большей степени являются предметом исследования данных дисциплин и в меньшей степени – лингвистики. По сравнению с другими науками, лингвистика достаточно поздно начала считать эмоции предметом своих исследований. Это связано, как отмечает В. И. Шаховский, с тем, что ранее лингвистов больше занимали проблемы языка, в то время как проблемы речи оставались долгое время на периферии исследовательской тематики [Шаховский, 2008: 127]. По этой причине концепция, положенная в основу лингвистики эмоций, была разработана и принята относительно недавно.

В процессе своих исследований в сфере эмотиологии В. И. Шаховский предложил наиболее распространённую на данный момент точку зрения на разведение терминов «эмоциональность» и «эмотивность». По его мнению, эмоциональность – категория психологии, в то время как на лингвистическом уровне она трансформируется в эмотивность [Шаховский, 2008: 47].

Под эмотивностью у В. И. Шаховского понимается отражённость эмоций в слове, обуславливающая его семантическую способность выражать эмоции, по сравнению с его способностью называть, именовать, описывать их. Соответственно под эмотивным компонентом семантики слова (или эмосемой) подразумевается то её структурное подразделение, которое специально предназначено для адекватного выражения

эмоциональных отношений всеми говорящими на данном языке. Словозначение с таким компонентом в его семантике мы называем эмотивным словом, или эмотивом [Шаховский, 2008: 69].

Также эмотив описан как языковая единица, которая имеет в своём значении кодированную или приобретённую в специфических условиях общения эмотивную коннотацию; в результате тому или иному звуковому комплексу сопутствуют определённые эмоции, благодаря которым он воспринимается как выражение эмоционального одобрения или неодобрения [Шаховский, 2008: 150].

Примечательно, что эмотивное значение слова, согласно наблюдениям В. И. Шаховского, не является отражением эмоций только данного говорящего: оно не индивидуально, а представляет собой обобщённое отражение «социальной эмоции» [Шаховский, 2008: 54]. Этим объясняется способность носителя языка, на которой построено исследование Ю. А. Сосниной: воспринять эмоцию, заключённую во внутренней форме даже незнакомого ему слова, и на её основе выстроить своё субъективное толкование [Соснина, 2007: 38].

В современном толковании и данном исследовании эмотивность воспринимается как способность языковых сущностей семантически отображать эмоциональное в своей основе и социально осознанное чувство-отношение к обозначаемому [Бессонова, Резникова, 2018: 89].

3. Связь эмотивности с другими лингвистическими категориями

Исходя из того, что эмоциональное отношение всегда неразрывно связано с оценкой, выражение оценки и выражение эмоций рассматриваются учёными (в частности, О. Л. Бессоновой [Бессонова, 2019]), как правило, в совокупности, без отрыва друг от друга. Подобно эмотивности, категория оценки стала объектом лингвистических исследований относительно недавно, в XX веке. В настоящее время активно изучаются такие аспекты данного явления, как классификации типов, способы и языковые средства выражения, роль в языке и некоторые другие.

Для нашей работы имеет значение факт, подмеченный Н. Д. Арутюновой: в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передаётся прилагательными [Арутюнова, 1999: 62]. Этим частично объясняется превалирование негативных оценок лица над позитивными.

Другим фактором, объясняющим доминирование отрицательного полюса в аспекте оценки, может служить свойственное человеку акцентирование внимания на том, что

отличается от нормы, общепризнанного стандарта. Подобный подход к анализу также заметен в психологическом исследовании эмоций. Пол Экман объясняет недостаточную изученность эмоций удовольствия тем, что ранее внимание исследователей концентрировалось на эмоциях, когда они вызывали определённые проблемы [Экман, 2010: 137]. С этим связан недостаток информации о положительных эмоциях по сравнению с отрицательными. Данное соотношение также находит отражение в сфере эмотивов, в частности – заметно при проецировании на количество эмотивных наименований лица.

4. Сопоставительный метод в исследовании категории эмотивности

Носителей разных языков объединяет способность испытывать эмоции, носящая универсальный характер. В. И. Шаховский утверждает, что, несмотря на различия лингвокультур, глобальная категория эмотивности присутствует во всех языках на всех уровнях их систем [Шаховский, 2008: 384]. Однако при этом присутствуют ощутимые различия, которые заключаются в способах вербализации и распределения универсальных эмоций, их интенсивности и акцентировании. Данные различия проявляются как на уровне языковой личности, так и на национально-культурном уровне [Шаховский, 2008: 46]. В настоящее время анализ межъязыковых различий в сфере эмотивности является плодотворной почвой для лингвистических исследований.

В плане универсальности категория оценки проявляет сходство с категорией эмотивности. Это связано с тем, что во всех языках присутствует представление об элементарных понятиях «хорошо» и «плохо». При этом Е. М. Вольф утверждает, что различные языки проявляют определённую индивидуальность в способах выражения оценочных значений [Вольф, 2002: 21].

В основе сопоставления наименований лица в разных языках лежит поиск как общих, так и отличительных черт в реализации эмотивного компонента того или иного языка, анализ его специфических свойств. Вполне естественно, что одна и та же ситуация вызывает в сознании говорящих на разных языках различные эмоции. Вместе с тем анализ показывает, что зачастую язык эмоций универсален и схожим образом отражается в глазах представителей англоязычной и русскоязычной картин мира.

5. Понятие дискурса и художественного дискурса

Понятие дискурса стало активно употребляться и фигурировать в авторитетных исследованиях лишь во второй половине XX века, поэтому на сегодняшний момент нет определения, которое можно было бы считать общепризнанным, так как в основном множественные формулировки охватывают отдельные аспекты данного явления.

Появление и разработка теории дискурса в лингвистике связаны, прежде всего, с основными тенденциями развития языкознания в 60-70-х гг. XX века. К таковым можно причислить следующие: распространение изучения синтаксиса за пределы предложения (Б. Палек, Т. А. ван Дейк, В. Дреслер), прогресс в теории речевых актов и акцент на прагматической стороне речевой деятельности, восприятие речи как социального явления, интерес к субъективной стороне речи как результат антропологического направления в научной парадигме.

Изначально понятие «дискурс» воспринималось как аналогичное понятию «текст». Однако ряд исследователей, в том числе Г. А. Орлов, акцентировали внимание на том, что, несмотря на некоторые аналогичные параметры (завершенность, цельность, связность и др.), дискурс должен рассматриваться одновременно и как процесс (с учетом воздействия социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов), и как результат в виде фиксированного текста [Орлов, 1991: 14].

Установка на разграничение понятий дискурса и текста появилась в начале 80-х гг. XX века и активно продвигалась отдельными исследователями. В частности, огромный вклад в становление дискурса как самостоятельного явления внесли работы Т. А. ван Дейка, к примеру «Стратегии восприятия дискурса» [Dijk, Kintsch, 1983]. В работах ван Дейка дискурс представлен как особое коммуникативное событие, как «сложное единство языковой формы, знания и действия», как «событие интеракциональное» (взаимодействие между говорящим и слушающим) и – что наиболее существенно – «событие, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания самого высказывания или их цепочки (текста)» [Кубрякова, 2000: 8]. Ключевым элементом данного определения является семантическая целостность дискурса, связность представленной в нём разноуровневой информации, для понимания которой необходимы комплексные знания о мире.

К настоящему моменту в лингвистике сформировалось следующее обобщённое понятие дискурса: «сложное коммуникативно-прагматическое явление, которое помимо текста включает в себя ещё и необходимые для его понимания экстралингвистические факторы» [Асратян, 2015: 17]. Под последними имеются в виду субъективные стороны восприятия адресата, определяющие его картину мира и отношение к сообщаемому.

Что касается художественного дискурса, Н. С. Олизько понимает под ним «совокупность художественных произведений, выступающих результатом толерантного взаимодействия авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и текста, выводящего произведение в пространство семиосферы (совокупность всех

знаковых систем, используемых человеком, включая как текст, язык, так и культуру в целом)» [Олизько, 2011: 164]. Следовательно, имеет смысл представлять понятие дискурса как более объёмное по сравнению с текстом.

Подходя к выделению основных особенностей художественного дискурса, Ю. М. Лотман утверждает: «Следует решительно отказаться от представления о том, что текст и художественное произведение – одно и то же. Текст – один из компонентов художественного произведения. Художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [Лотман, 1998: 72]. В дальнейшем данная идея нашла своё частичное отражение в формировании принципов художественного дискурса.

Отмечая смутные отличия современных художественных произведений от других видов дискурса по семантическим и грамматическим признакам, ван Дейк предложил принимать во внимание прагматические функции художественного дискурса. В его понимании художественный дискурс – это коммуникативный акт, основной характеристикой которого является стремление писателя при помощи своего произведения воздействовать на внутреннее, духовное пространство читателя, на его систему ценностей, верований и стремления с тем, чтобы изменить их [Юркевич, 2014: 107]. Следовательно, угадывается необходимое по определению взаимодействие между участниками коммуникации.

Говоря об отличительных чертах художественного дискурса, Н. Л. Галеева замечает: «Текст, содержащий параметр художественности, пробуждает рефлексию, приводящую к образованию некоторого пространства понимания, где рефлексия фиксируется в виде духовных сущностей – смыслов и идей, которые, в свою очередь, способны обогащать духовное пространство человека» [Галеева, 1999: 20]. То есть, если коммуникационное сообщение автора достигает сознания читателя, отражается и преломляется в нём, оставляя при этом определённый след, подтверждается наличие феномена художественного дискурса.

Несмотря на то, что в художественном тексте намерения автора опосредованы текстом и отсутствует прямой контакт с читателем, как в большинстве видов дискурса, «речемыслительная деятельность автора не исчезает, а остаётся запечатлённой в тексте» [Мельничук, 2013: 8]. Адресат всё ещё способен воспринять, переосмыслить и субъективно дополнить заключённое в тексте произведения многоуровневое сообщение, которое направлено на сообщение новых ценностей. В. И. Карасик пишет, что подобная

взаимная направленность креативных смыслов автора и адресата даёт полное основание говорить о художественном дискурсе [Карасик, 2009: 171].

Подведя общий итог по рассмотренным понятиям, в данной работе мы остановимся на следующем определении художественного дискурса: опосредованное социально-культурное взаимодействие между автором и читателем, предполагающее коммуникацию определённых ценностей и активизацию субъективных знаний адресата для понимания и свободной интерпретации сообщения писателя, закодированного в тексте произведения. Предполагая подобную творческую направленность, специфический феномен художественного дискурса представляет особый интерес. Эмотивность же является одной из наиболее существенных категорий художественного дискурса в силу значения эмоций, передаваемых автором с помощью различных элементов текста.

6. Семантические, структурные и функциональные особенности эмотивных наименований лица

Осуществив сопоставительную характеристику английских и русских эмотивных наименований лица (ЭНЛ) в сферах семантики, структуры и функционирования, мы пришли к выводу, что в большинстве случаев они обладают рядом общих черт:

1. Исследование в сфере семантики показало, что благодаря универсальности базовых критериев оценки в английском и русском языке одинаково преобладает негативная оценка лица, однако пропорциональное отношение незначительно отличается в пользу русского языка: в английском – 62,45% (англ. *loser* ‘неудачник’), в русском – 75,94% (рус. *ретроград* ‘человек отсталых взглядов, противник всего прогрессивного’).

По стилистической принадлежности ЭНЛ обоих языков тяготеют к разговорному стилю (англ. *headshrinker* ‘психиатр, мозгоправ’; рус. *хрыч* ‘старый человек, старик’). Из разговорного характера большей части ЭНЛ обоих языков следует усиление содержащегося в них эмотивного компонента, так как неформальные языковые ситуации позволяют человеку более свободно выражать свои эмоции.

По количеству значений в английском языке, как и в русском, преобладают однозначные или моносемантические ЭНЛ (англ. *simpleton* ‘простак’; рус. *говорун* ‘человек, который любит много говорить’).

Исследование развития эмотивного значения у выявленных ЭНЛ показало, что в большинстве случаев характер процесса переноса значения является как метонимическим (англ. *Nosy Parker*: изначально – ‘персонаж «The Adventures of Nosey Parker»’, после – ‘любопытный человек’; рус. *сирота казанская*: изначально – ‘казанский хан, осыпанный

всевозможными милостями, но всё время жалующийся на свою горькую судьбу (во времена Ивана Грозного)’, после – ‘человек, который старается вызвать жалость к себе, показывает себя несправедливо обиженным и обездоленным’), так и метафорическим (англ. *child*: изначально – ‘ребёнок’, после – ‘несерьёзный, незрелый человек’; рус. *гнус*: изначально – ‘мелкие летающие кровососущие насекомые’, после – ‘человек, вызывающий отвращение, омерзение’) с преобладанием последнего.

По результату приобретения эмотивного значения в обоих языках преобладают ЭНЛ с пейоративным значением (англ. *crumb*: изначально – ‘крошка’, после – ‘ничтожество’; рус. *барин*: изначально – ‘дворянин, представитель привилегированных слоёв общества’, после – ‘человек, избегающий грязной работы, белоручка’). Причины данных изменений преимущественно экстралингвистические.

Также следует отметить, что доминирующей эмосемой, коррелирующей с классификацией базовых эмоций К. Изарда, в ЭНЛ обоих языков является «презрение».

Выделив в корпусе ЭНЛ обоих языков основные ономазиологические признаки значений слов, мы согласно им сгруппировали ЭНЛ по тематическому принципу. В данной работе фигурируют 10 основных лексико-семантических групп (ЛСГ) ЭНЛ, отражающих различные аспекты восприятия лица другим человеком. Результаты количественных подсчётов ЭНЛ по группам отражены в таблице 1. В обоих языках преобладающей по количеству является группа существительных, характеризующих лицо по признаку поведения, характера и моральных качеств. Подобное явление можно объяснить критериями широкого диапазона, а также большим количеством ЭНЛ, отражающих характерные признаки человека.

Таблица 1. Семантическая классификация ЭНЛ в английском и русском языках

ЛСГ по признакам	Кол-во в англ. яз.	%	Кол-во в рус. яз.	%	Примеры
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
1. Поведение, характер, моральные качества	80	46,5	108	43,2	<i>simpleton</i> ‘простак’ <i>говорун</i>
2. Способности	19	11	22	8,8	<i>genius</i> ‘гений’ <i>дарование</i>
3. Характер отношений между людьми	17	9,8	24	9,6	<i>dearie</i> ‘дорогуша’ <i>касатик</i>
4. Род деятельности	5	3	11	4,4	<i>chiseler</i> ‘мошенник’ <i>лавочник</i>
5. Социально-имущественный статус	6	3,4	13	5,2	<i>hanger-on</i> ‘иждивенец’ <i>богатеи</i>
6. Возраст	7	4	11	4,4	<i>old bag</i> ‘старик’ <i>малютка</i>

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
7. Внешность	5	3	14	5,6	<i>beauty</i> 'красотка' <i>детина</i>
8. Мироззрение	4	2,4	10	4	<i>outsider</i> 'аутсайдер' <i>ретроград</i>
9. Названия животных	21	12,3	23	9,2	<i>skunk</i> 'негодяй' <i>выдра</i>
10. Названия мифологических и сказочных существ	8	4,6	14	5,6	<i>witch</i> 'ведьма' <i>великан</i>
Всего	172	100	250	100	

2. Анализ структурных типов ЭНЛ по принципу характера словообразования продемонстрировал, что структура ЭНЛ в обоих языках главным образом отражает общие тенденции в создании новых слов, свойственные двум языкам, и зависит от их грамматического строя. Таким образом, в английском, аналитическом по своей природе, преобладают непроезводимые ЭНЛ (англ. *moron* 'болван', *hag* 'карга', *prig* 'педант') и в гораздо меньшей степени представлены такие типы как аффиксальные ЭНЛ (англ. *spender* 'мот, транжира'), композиты (англ. *chatterbox* 'болтун'), конверсии (англ. *a sneak* 'подхалим' от *to sneak* 'низкопоклонничать, подлизываться'), сокращения (англ. *rake* 'повеса' от *rakehell*) и словосочетания (англ. *Peeping Tom* 'чрезмерно любопытный человек').

Синтетический строй русского языка обуславливает наибольшую продуктивность аффиксации на фоне остальных способов словообразования (рус. *верзила* 'крупный человек', *голубчик* 'милый, любимый ценный человек'), в то время как непроезводимые слова (рус. *гад* 'мерзкий, отвратительный человек') составляют всего 33,2% от количества выборки. Также в корпусе русских ЭНЛ не было обнаружено единиц, образованных путём конверсии, так как данный тип словообразования является специфическим для английского языка.

Аффиксация в обоих языках представлена суффиксально за исключением нескольких единиц в русском языке (рус. *антихрист*, *прохвост*). В английском языке большая часть суффиксов носит нейтральный характер, в то время как некоторым суффиксам русского языка (-ан- (*шарлатан*), -ач- (*богач*, *лихач*), -ечк- (*душечка*), -ин- (*детина*, *образина*), -очк- (*милочка*), -як- (*земляк*, *сопляк*)) свойственен определённый эмотивный компонент, внушающий образуемому слову эмоциональный характер.

В группе композитов отличительным компонентом является соединительная гласная (-о- / -е-) в структуре эмотивов, которая полностью отсутствует в корпусе английских ЭНЛ (англ. *screwball*), но преобладает в русской подгруппе (рус. *шилохвост*, *живодёр*).

В обоих языках немногочисленные группы единиц-сокращений свидетельствуют о низкой продуктивности данного типа словообразования, который считается второстепенным.

Также в английском и русском языках нашлось место образованию устойчивых словосочетаний, характеризующих лицо, с эмосемой в составе: англ. *smart aleck* ‘умник, всезнайка’; рус. *змея подколотная* ‘подлый, коварный человек’.

Результаты данного анализа отражены в таблице 2.

Таблица 2. Структурная классификация ЭНЛ в английском и русском языках

Тип ЭНЛ	Кол-во в англ. яз.	%	Примеры	Кол-во в рус. яз.	%	Примеры
Непроизводные	92	53,5	<i>wolf</i> ‘жестокий человек’	83	33,2	<i>враг</i> ‘противник’
Аффиксальные	29	16,8	<i>rotter</i> ‘мерзавец’	133	53,2	<i>бездельник</i> ‘лентяй’
Композиты	17	9,9	<i>egghead</i> ‘умник’	23	9,2	<i>ротозей</i> ‘зевака’
Конверсии	15	8,7	<i>pervert</i> ‘извращенец’	–	–	–
Сокращения	5	2,9	<i>boob</i> ‘олух’	2	0,8	<i>гнус</i> ‘мерзкий человек’
Словосочетания	14	8,2	<i>big shot</i> ‘шишка’	9	3,6	<i>голова садовая</i>
Всего	172	100		250	100	

3. При анализе функциональных особенностей ЭНЛ обоих языков мы прибегли к рассмотрению материала выборки в аспекте шести различных функций лексических единиц в художественных текстах: номинативной, хронотопической, характеризующей, эмоционально-экспрессивной, социальной и эстетической.

Последовательное рассмотрение ЭНЛ выявило несколько функций, по умолчанию свойственных данным единицам в обоих языках благодаря универсальности заявленных критериев: номинативная, характеризующая и эмоционально-экспрессивная функции являются общими для всех единиц выборки с учётом их идентичности по заданным параметрам. К таковым относится фактор наименования лица, эмотивный компонент в структуре и свойство характеризовать денотат по тем или иным признакам, определённым в семантической классификации ЛСГ.

Хронотопическая, социальная и эстетическая функции представлены в корпусах выборки неравномерно, с относительно малой выразительностью, что по большей части свойственно обоим языкам по причине концентрации авторами художественных текстов на общечеловеческих проблемах, обусловленных внутренним психологическим миром героев и в меньшей мере их конкретным окружением.

Также в русском языке социальная функция находит более широкое отображение в связи с более острой проблемой расслоения общества.

Результаты проведённого анализа репрезентации выделенных функций в единицах обоих языков нашли своё отражение в таблице 3.

Таблица 3. *Функции ЭНЛ в художественном дискурсе*

Функции	Репрез. в англ. яз.		Примеры	Репрез. в рус. яз.		Примеры
	По лн.	Ча ст.		По лн.	Ча ст.	
1. Номинативная	+	–	<i>Joey was a fascinating monkey – a gambler but no one ever saw him lay down a bet.</i> (J. Steinbeck, “The Winter of Our Discontent”)	+	–	<i>Нечего ему дома сидеть. Рекомендую – чудный малый и величайший эрудит.</i> (М. А. Булгаков, «Театральный роман»)
2. Хронотопическая	–	+	<i>I should be a damned fool if I got myself mixed up with some woman in Middlepool. After all, they’re mostly flappers.</i> (W. S. Maugham, “Theatre”)	–	+	<i>Варнак ты окаянный! ... Уходи с глаз моих долой.</i> (В. М. Шукшин, «Любовины»)
3. Характеризирующая	+	–	<i>Old people can be a burden.</i> (J. Steinbeck, “The Winter of Our Discontent”)	+	–	<i>Худолеев не всегда был истязателем подмастерьев, пьяницей и тяжёлым на руку драчуном.</i> (Б. Л. Пастернак, «Доктор Живаго»)
4. Эмоционально-экспрессивная	+	–	<i>You devil, you swine, you filthy low-down cad. ... You brute. You rotten hound to hit a woman.</i> (W. S. Maugham, “Theatre”)	+	–	<i>Это что за филькина грамота? Вы что, голова садовая, подписываете?</i> (М. А. Булгаков, «Театральный роман»)
5. Социальная	–	+	<i>Marullo is a Catholic and a wop.</i> (J. Steinbeck, “The Winter of Our Discontent”)	–	+	<i>Ох, уж эти середняки! ... Вы слышали, как они разговаривают?</i> (М. А. Булгаков, «Театральный роман»)
6. Эстетическая	–	+	<i>Mary, madonna, put your mind to it.</i> (J. Steinbeck, “The Winter of Our Discontent”)	–	+	<i>Какой-то дурной тон и полное неведение о нашей современной жизни. Нувориши какие-нибудь.</i> (Б. Л. Пастернак, «Доктор Живаго»)

7. Выводы

Осуществив сопоставительную характеристику английских и русских ЭНЛ в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе по семантическому, структурному и функциональному аспектам, мы пришли к выводу, что в большинстве случаев они обладают рядом общих черт. Это касается как продуктивности отдельных групп ЭНЛ, так и особенностей восприятия этих категорий носителями англоязычной и русскоязычной картин мира. Универсальность феномена эмоций приводит к схожести реализации эмотивности и её функций в речи и, в частности, в художественном дискурсе, в котором вербализация эмоций имеет особое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Асратян З. Д. Дискурс и текст художественного произведения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 4. С. 17-20.
3. Бессонова О. Л. Концепты, обозначающие эмоции удовольствия-неудовольствия, в структуре оценочного тезауруса английского языка // Мир. Человек. Язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2019. С. 12-20.
4. Бессонова О. Л., Резникова А. Р. Отражение культурных кодов во фразеологических единицах с именем собственным в английском, французском и русском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2018. Т. 14. Вып. 4 (42). С. 85-94.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Издание 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
6. Галеева Н. Д. Параметры художественного текста и перевод. Тверь: ТвГУ, 1999. 155 с.
7. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
8. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Серия «Теория и история языкознания». М., 2000. С. 5-13.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14-285.
10. Мельничук О. А. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2013. 195 с.
11. Олизько Н. С. Художественный дискурс как полилог автора, читателя и текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 164-166.
12. Орлов Г. А. Современная английская речь. М.: Высш. шк., 1991. 240 с.
13. Сескутова И. К. Художественный дискурс через призму ритмов культурной динамики // Вестник МГЛУ. 2010. №17. С. 79-88.
14. Соснина Ю. А. Эмотивность и внутренняя форма языкового знака: психолингвистический аспект // Вестник Новгородского государственного университета. Новгород, 2007. № 43. С. 38-41.
15. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 461 с.
16. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2010. 182 с.
17. Юркевич В. В. Политический и художественный виды дискурса: сходства и различия // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 106-110.

18. Dijk T. A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 423 p.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Human Language and the World]. 2-e izd., ispr. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
2. Asratyan, Z. D. (2015). *Diskurs i tekst khudozhestvennogo proizvedeniya* [Bells-Letters Discourse and Text]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika»*. T. 12. No. 4. Pp. 17-20. (In Russ.).
3. Bessonova, O. L. (2019). *Kontsepty, oboznachayushchie emotsii udovolstviya-neudovolstviya, v strukture otsenochnogo tezaurusy angliyskogo yazyka* [Concepts denoting emotions of pleasure-displeasure in the structure of the evaluation thesaurus of the English language]. In *Mir. Chelovek. Yazyk*. Vladimir: Izd-vo VIGU. Pp. 12-20. (In Russ.).
4. Bessonova, O. L., Reznikova, A. R. (2018). *Otrazhenie kulturnykh kodov vo frazeologicheskikh edinitsakh s imenem sobstvennym v angliyskom, frantsuzskom i russkom yazykakh* [Reflection of cultural codes in phraseological units with a proper name in English, French and Russian]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 14. Vyp. 4 (42). Pp. 85-94. (In Russ.).
5. Volf, E. M. (2002). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional evaluation semantics]. Izdanie 2-e, dop. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
6. Galeeva, N. D. (1999). *Parametry khudozhestvennogo teksta i perevod* [Parameters of literary text and translation]. Tver: TvGU. (In Russ.).
7. Karasik, V. I. (2009). *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
8. Kubryakova, E. S. (2000). O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike [On the concepts of discourse and discursive analysis in modern linguistics]. In *Diskurs, rech, rechevaya deyatelnost: funktsionalnye i strukturnye aspekty. Seriya «Teoriya i istoriya yazykoznaneya»*. Moskva. Pp. 5-13. (In Russ.).
9. Lotman, Yu. M. (1998). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Literary text structure]. In *Ob iskusstve*. SPb.: Iskusstvo – SPB. Pp. 14-285. (In Russ.).
10. Melnichuk, O. A. (2013). *Khudozhestvennyy diskurs: sintaksis, ekspressivnost, strategii* [Fiction: Syntax, Expressivity, Strategies]. Yakutsk: Izdatelskiy dom SVFU. (In Russ.).
11. Olizko, N. S. (2011). *Khudozhestvennyy diskurs kak polilog avtora, chitatelya i teksta* [Fiction as a polylogue of the author, reader and text]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 33 (248). Pp. 164-166. (In Russ.).
12. Orlov, G. A. (1991). *Sovremennaya angliyskaya rech* [Modern English speech]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).
13. Seskutova, I. K. (2010). *Khudozhestvennyy diskurs cherez prizmu ritmov kulturnoy dinamiki* [Fiction through the prism of rhythms of cultural dynamics]. In *Vestnik MGLU*. No. 17. Pp. 79-88. (In Russ.).
14. Sosnina, Yu. A. (2007). *Emotivnost i vnutrennyaya forma yazykovogo znaka: psikholingvisticheskiy aspekt* [Emotivity and the internal form of a linguistic sign: psycholinguistic aspect]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Novgorod. No. 43. Pp. 38-41. (In Russ.).
15. Shakhovskiy, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic theory of emotions]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
16. Ekman, P. (2010). *Psikhologiya emotsii. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh* [Psychology of emotions. I know what you feel]. SPb.: Piter. (In Russ.).
17. Yurkevich, V. V. (2014). *Politicheskii i khudozhestvennyy vidy diskursa: skhodstva i razlichiya* [Political discourse and fiction: similarities and differences]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 6 (335). Pp. 106-110. (In Russ.).

18. Dijk, T. A., Kintsch, W. (1983). *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press.

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии (e-mail: olgabessonova@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of the English Philology Department (e-mail: olgabessonova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Есипенко Анастасия Игоревна – магистр кафедры английской филологии (e-mail: iamvaliotti@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Yesipenko Anastasiya I. – Master of the English Philology Department (e-mail: iamvaliotti@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 октября 2019 г.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена изучению средств выражения вежливости в английском и русском языках. Вежливость рассматривается как универсальная коммуникативная категория, которая является одним из наиболее эффективных регуляторов поведения человека в обществе, способствующих достижению коммуникативного успеха. В результате сопоставительного анализа установлено, что в английской и русской лингвокультурах сформировалось свое представление о вежливости, о чем свидетельствует использование разных речевых стратегий и тактик, выбор которых детерминирован различными факторами, в частности, социальной структурой общества, его культурными ценностями и национальным сознанием.

Ключевые слова: *позитивная вежливость, негативная вежливость, речевой акт, коммуникативные стратегии, косвенные высказывания, целевая установка, императив.*

© 2019 E. S. Vetrova

MEANS OF EXPRESSING POLITENESS IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article considers the means of expressing politeness in the English and Russian languages. Politeness is considered to be a universal communicative category, which is one of the most effective regulators of human behavior in society, contributing to the achievement of communicative success. The comparative analysis has shown that the English and Russian linguistic cultures formed their own ideas of politeness, which manifest themselves by the use of different speech strategies and tactics, the choice of which is determined by various factors, in particular, the society structure, its cultural values and national consciousness.

Key words: *positive politeness, negative politeness, speech act, communicative strategy, indirect statement, goal set, imperative.*

Данная работа посвящена сопоставительному изучению особенностей вербализации категории вежливости в английском и русском языках, в частности, рассмотрению традиционной системы языковых средств, имеющих в распоряжении носителей данных языков для создания благоприятной атмосферы общения в различных коммуникативных ситуациях и достижения коммуникативного успеха, например, англ. *Excuse me, could I get by, please? Thank you for your wonderful present! We apologize for any inconvenience;* русск. *Примите слова искренней благодарности! Мы искренне сожалеем о случившемся! У меня к Вам большая просьба* и др.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов: 1) необходимостью всестороннего исследования процесса коммуникации, в частности, тех его единиц и категорий, которые обеспечивают эффективность речевого взаимодействия собеседников

в связи с расширением межкультурных контактов и возросшими требованиями к качеству коммуникативного процесса на современном этапе развития общества; 2) недостаточной изученностью категории вежливости в лингвокультурологическом аспекте; 3) необходимостью выявления и описания универсального и уникального в речевом поведении представителей различных культур и разработки на основе полученных результатов адекватных стратегий и тактик межкультурного взаимодействия.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ категории вежливости в английском и русском языках, выявление общего и различного в ее стратегиях и их языковой экспликации в сопоставляемых языках.

Методологической основой исследования послужили работы: [Altman, 1977; Matsumoto, 1989; Fraser, 1990; Kasper, 1990; Brown, Levinson, 1994; Eelen, 1999; Wierzbicka, 2005; Holmes, 2012; Leech, 2014; Гордон, Лакофф, 1985; Серль, 1986; Земская, 1994; Формановская, 2002; Дементьев, 2000; Карасик, 2002; Ларина, 2009; Леонтьев, 2016 и др.], посвященные исследованию категории вежливости в контексте семантики и лингвистической прагматики, теории речевых актов, социолингвистики и межкультурной коммуникации.

Под вежливостью в лингвистике понимается «универсальная коммуникативная категория, представляющая собой систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера» [Ларина, 2009]. Вежливость является одним из наиболее эффективных регуляторов поведения человека в обществе, предопределяющих выбор продуктивных моделей речевого поведения в той или иной ситуации общения и способствующих достижению коммуникативного успеха.

В русской и англоязычной культуре сложилось свое понимание вежливости, о чем свидетельствуют данные лексикографических источников. В большинстве толковых словарей русского языка вежливость определяется как «учтивость, благовоспитанность, соблюдение бытовых приличий» [ТССРЯ]. В английском языке под вежливостью – *politeness* подразумевается «courtesy, good manners, behavior that is respectful or considerate of others» [OEDO] ‘вежливость, хорошие манеры, поведение, которое является уважительным и внимательным по отношению к другим’; «behavior that is socially correct and shows understanding of and care for other people's feelings» ‘социально правильное поведение, демонстрирующее понимание и заботу о чувствах других людей’ [CD].

На основании приведенных выше дефиниций можно утверждать, что в английской и русской лингвокультурах сложилось общее понимание вежливости как поведения, направленного на соблюдение хороших манер, учтивое, внимательное отношение к

людям. Различие заключается в том, что для русских вежливость – это в первую очередь знание и соблюдение правил приличия (примечательно, что русск. *вежливый* происходит от др.-русск. *въжа* ‘знаток’, т. е. ‘знающий’, ‘опытный’, ‘соблюдающий обычаи и приличия’ [ЭСРЯ]), тогда как для англичан – внешняя демонстрация внимания к собеседнику (ориентированность на адресата).

Ориентированность английской вежливости на партнера по коммуникации вынуждает говорящего совершать коммуникативные действия, которые не всегда соответствуют его истинным чувствам и намерениям. Так, например, английские приветствия типа *How do you do?* или *How are you?* абсолютно не предполагают в качестве ответной реплики подробного рассказа собеседника о том, как обстоят у него дела дома, на работе и т. д. Данная фраза представляет собой обычное стереотипное клише, из разряда *small talk*, которое не требует ответа и выполняет исключительно этикетную функцию: *The first response to questions like How are you? is likely to suppress any bad news, even though the speaker may be tempted to share his/her troubles* [Leech, 2014] ‘Первой реакцией на вопросы типа как ты?, как поживаешь?, как твои дела?, вероятно, будет утаивание любых плохих новостей, даже если говорящий может испытывать желание поделиться своими проблемами’. В английской коммуникативной культуре говорить о личной жизни, семейных проблемах, здоровье, зарплате не принято. Именно поэтому, как отмечает английский антрополог Кейт Фокс, автор книги «Watching the English», английская вежливость – это чаще всего формальность и соблюдение правил, а не выражение участия и сопереживания [Fox, 2005].

О формальности английской вежливости свидетельствуют следующие фразы, часто используемые в речи носителей английского языка:

just / only being polite ‘говорить что-то из вежливости’, т. е. *saying something not because it is true but in order not to offend someone* ‘говорить что-то не потому, что это правда, а для того, чтобы никого не обидеть’, например: *Did you really like her book, or were you just being polite?* ‘Тебе действительно понравилась ее книга, или ты просто был вежлив?’;

polite conversation ‘вежливый разговор’ – «*conversation that is made with someone because they are with you and not because you really want to talk to them*» [OEDO] ‘разговор, который вы ведете с кем-то не потому, что хотите, а потому что этот человек находится рядом с вами’;

she forced a polite smile ‘она заставила себя вежливо улыбнуться, выдавила из себя вежливую улыбку’ [OEDO] и др.

Подобное поведение для носителей английского языка является нормальным и

вполне естественным, тогда как русскими оно воспринимается как фальшивое, неискреннее и вызывает, как правило, негативную реакцию, поскольку русское общение считается вежливым и успешным только в том случае, если коммуниканты проявляют искренность и открытость по отношению друг к другу, готовность выслушать собеседника, проявить к нему участие, оказать деятельную помощь [Верещагин, Костомаров, 2005: 17]. Например:

Позвонил муж.

– Как у вас дела? – спросил он.

– Нормально, – ответила я.

– А поподробнее?

– Ну какие у нас могут быть дела? [разг.]

Как справедливо отмечает А. Вежбицкая, в русской коммуникативной культуре, «нехорошо говорить человеку, что ты что-то думаешь, если ты этого на самом деле не думаешь»; и «нехорошо говорить другому, что ты что-то чувствуешь, если ты этого на самом деле не чувствуешь»; дело тут не в поверхностном «речевом этикете», а в чем-то гораздо более глубоком, можно сказать, в «речевой этике» [Wierzbicka, 2005: 468]. Таким образом, английская вежливость находится в формально-этикетной плоскости, тогда как русская – в морально-этической.

Разная ориентированность английской и русской вежливости вовсе не означает, что русские – более вежливы в общении, нежели англичане или наоборот. Использование тех или иных коммуникативных стратегий всегда социально и культурно обусловлено. Как отмечают ученые, разница между вежливостью в различных культурах сводится к противопоставлению социоцентрического, коллективистского и эгоцентрического, индивидуалистского [Matsumoto, 1989]. Английская лингвокультура в данном контексте относится к культурам индивидуалистского (по Г. Хофстеде) и низкоконтекстного (по Э. Холлу) типа, в которых доминирует прагматизм и рационализм, акцентируется внимание на личном «я», его независимости от других индивидов, одобряется конкуренция, высоко ценятся личные достижения. В культурах коллективистского (по Г. Хофстеде) и высококонтекстного (по Э. Холлу) типа, к которым принадлежит русская культура, ценятся эмоции, искренность, открытое общение, групповые цели, сотрудничество, совместная деятельность. Принадлежностью народов к разным типам культур объясняется наличие в английском и русском языках специфических коммуникативных стратегий, опосредованных соответствующими ментальными особенностями этносов.

Ключом к пониманию английского коммуникативного поведения является категория *privacy*. Данное слово не имеет точного эквивалента в русском языке и приблизительно может быть переведено, как ‘автономия личности’ (Т. В. Ларина). В прагматическом отношении *privacy* – это коммуникативная неимпозитивность, базирующаяся на недопустимости прямого воздействия на адресата или сведения этого воздействия к минимуму. Это обуславливает необходимость сохранять дистанцированность в общении, поскольку именно дистанция позволяет сохранить личное пространство собеседника. На вербальном уровне дистанцированность в общении достигается путем избегания прямых речевых актов (прямых просьб, советов, приказов и т. д.), использования имплицитных, косвенных высказываний и смягчающих речевых средств (извинений, эвфемизмов, лексем со значением неуверенности, сомнения и т. д.), которые являются типичной особенностью английского вежливого поведения.

К прямым речевым актам относятся в первую очередь императивные и перформативные конструкции. Как отмечает Дж. Серль, в силу принятых требований вежливости в речевом общении нередко бывает неуместным высказывание прямых повелительных предложений или эксплицитных перформативных предложений (при побудительных предложениях), и поэтому мы имеем косвенные средства для осуществления наших иллокутивных целей [Серль, 1986]. В английском языке императивные и перформативные формы считаются слишком прямыми и категоричными, поэтому они используются только в крайних случаях. Эксплицитные императивы и перформативы подразумевают разную степень власти в отношениях собеседников и наделяют говорящих особыми правами, что совершенно не свойственно культурам индивидуалистского типа. Поэтому даже такие вполне вежливые русские этикетные формы, как *Я тебя приглашаю ...*, *Я желаю тебе ...*, *Я тебе советую ...* и т. д. воспринимаются носителями английского языка как слишком навязчивые, вторгающиеся в зону личной автономии адресата.

Разница между прямыми и косвенными речевыми актами заключается в том, что в прямых речевых актах форма и значение сообщения совпадают с его коммуникативной целью – адресат без труда распознает намерение адресанта и реагирует на него в соответствии с заданной коммуникативной ситуацией. В косвенных речевых актах форма и значение высказывания не соответствует его иллокутивной силе и коммуникативной направленности. В английском языке косвенные высказывания чаще всего используются при реализации директивных (побудительных) речевых актов, которые обладают

наибольшей степенью воздействия на адресата, поскольку побуждение адресата к действию является потенциальной угрозой его личному пространству.

Типичными примерами косвенных речевых актов в английском языке являются вопросительные конструкции с модальными глаголами *can, could, may, might, must, ought to, will, would, shall, should*, которые чаще всего используются в ситуации вежливой просьбы: *Would you mind ...?* 'Вы не возражаете ...?', *Can I ask you?* 'Могу ли я спросить вас?', *May I ask you for a help?* 'Могу я попросить вас о помощи?', *Could you do me a favor?* 'Не окажете ли вы мне услугу?' и др., которые, в отличие от императивных конструкций, являются менее навязчивыми и существенно смягчают воздействие на адресата, предоставляя ему возможность «сохранить лицо». При этом степень вежливости может быть увеличена за счет использования сослагательного наклонения соответствующих глагольных форм: *Would you shut the door?* 'Вы не могли бы закрыть дверь?'; *Could you help me?* 'Могли бы вы мне помочь?' и др. Традиционными для английского языка являются конструкции будущего времени с придаточным условия, например: *I would be much obliged if you do ...* 'Я буду очень признателен, если вы сделаете ...', а также пассивные конструкции: *You are invited ...* 'Вы приглашены ...' и др.

В ситуации просьбы говорящий оказывается в зависимом от адресата положении, поэтому ее реализация требует дополнительных речевых средств. В английском языке универсальными средствами смягчения просьбы являются лексемы со значением сомнения, неуверенности, предположительности: *probable (probably), possible (possibly), perhaps, maybe* и др., например: *May I use your phone, please?* 'Могу ли я воспользоваться твоим телефоном, пожалуйста?', *Can you shut the door, please?* 'Вы не могли бы закрыть дверь, пожалуйста?'. Чем больше доля сомнения говорящего, тем выше степень вежливости высказывания. Обязательным компонентом практически любой просьбы является лексема *please*, которая в английском языке встречается намного чаще, чем ее эквивалент *пожалуйста* в русском языке. Однако использовать одну лишь лексему *please* в качестве средства смягчения директивного акта в английском языке недостаточно. В определенном контексте она может придать сказанному неприятный фамильярный оттенок.

В русском речевом этикете средствами реализации вежливости являются как прямые (императивные), так и косвенные речевые акты. При этом прямые императивные формы явно преобладают. Это обусловлено тем, что, в отличие от представителей англоязычного социума, которые ориентированы на дистанцирование от собеседника, сохранение его личного пространства, русские в общении используют стратегии сближения с партнером

по коммуникации, установления с ним близких, доброжелательных отношений и сокращения дистанции.

Русский императив, используемый в этикетном значении, имеет другую по сравнению с обычным императивом целевую установку и относится к категории т. н. «вежливого императива». От традиционных директивов он отличается тем, что произносится с особой интонацией, а также сопровождается специальными актуализаторами вежливости, которые в повседневно-бытовой коммуникации могут быть факультативными, а в официальных ситуациях общения являются обязательным компонентом общения – *пожалуйста, будьте (так) любезны, будьте (так) добры, если тебе не трудно, если Вас не затруднит, не сочтите за труд* и др. Этикетная функция «вежливого императива» создается за счет того, что говорящий снимает контроль над выполнением действия и предоставляет адресату свободу выбора: *Будьте так добры, пришлите мне экземпляр моей повести* [ТССРЯ].

В русской коммуникативной культуре с ее стремлением к сокращению дистанции между коммуникантами и отсутствием зоны личной автономии оказание воздействия на собеседника не является нарушением норм общения. Данная особенность поведения позволяет говорить о коммуникативной импозитивности русского речевого этикета – допустимости оказания прямого воздействия на собеседника – как одной из русских коммуникативных доминант.

В русской коммуникативной культуре косвенные речевые акты также относятся к продуктивным средствам выражения вежливости, однако их употребление связано не со стремлением свести к минимуму причиняемое неудобство и ограничение свободы собеседника, а с необходимостью указания на асимметричность коммуникативной ситуации и уважительное отношение говорящего к адресату. Реализации данной коммуникативной стратегии способствуют соответствующие речевые средства, например: *Вы не подскажете, как пройти к ближайшей остановке метро?, Вы не могли бы прокомментировать данное высказывание?, Не могли бы Вы одолжить мне немного денег?* и др.

Подобные высказывания являются более вежливыми по сравнению с императивными формами, поэтому в русском языке они используются преимущественно в несимметричных ситуациях, ограниченными пресуппозициями «младший-старший», «свой-чужой». В англоязычной культуре данные противопоставления отсутствуют, поскольку вежливость для англичан – это проявление внимания к каждому человеку, независимо от его возраста и социального статуса, что является типичным для культур индивидуалистского типа.

В русском языке косвенные речевые акты в форме вопросов могут быть маркерами неформального общения, если у адресата есть выбор: совершать данное действие или нет, например: *Ты не мог бы занять мне денег?*, *Не могли бы Вы помочь мне сейчас?* и др.

В русском речевом этикете, как и в английском, продуктивными формами реализации вежливости являются формы сослагательного наклонения. Их особенность заключается в том, что в отличие от обычных сослагательных форм, они не переводят действие из реального в ирреальное. Фраза *Я хотел бы поблагодарить вас!* указывает на то, что речевое действие благодарности совершается здесь и сейчас, т. е. оно вполне реально, а его совершение не требует выполнения каких-либо условий. Сослагательная форма является более вежливой и снимает излишнюю категоричность в таких речевых актах, как, например, отказ: *Я бы с удовольствием, но ...* или замечание: *Ты не мог бы вести себя поскромнее?*

Одним из способов реализации английской вежливости, направленной на сохранение зоны *privacy* собеседника, являются субъектно-ориентированные высказывания. Удаление объекта из речевого акта способствует уменьшению степени воздействия на собеседника, например: *Can I borrow your umbrella, please?*, *May I have your attention?* В русском общении такие фразы выглядят неестественно, поэтому предпочтение отдается императивным конструкциям типа *Подождите, пожалуйста!*, *Слушайте внимательно!*, которые обладают не меньшей степенью вежливости, чем их английские эквиваленты.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы**:

1. Несмотря на то, что категория вежливости относится к лингвокультурным универсалиям, ее содержание в коммуникативном сознании представителей англоязычной и русской культур не совпадает. Английская и русская вежливость имеют разную коммуникативную направленность: английская вежливость ориентирована в первую очередь на адресата (быть вежливым – значит демонстрировать внимание к другим) и имеет преимущественно формальный характер, тогда как русская вежливость в большей степени замыкается на субъекте (быть вежливым – значит знать и соблюдать правила приличия) и несёт в большей степени этическую нагрузку.

2. Типичными коммуникативными стратегиями в англоязычной культуре являются стратегии дистанцирования, сохранения зоны *privacy* собеседника, неприкосновенности его личной автономии, создания сдержанной, официальной, подчеркнуто уважительной тональности общения, что достигается путем избегания прямых императивов и перформативов, активного использования косвенных речевых актов (вопросительных и

сослагательных конструкций, актуализаторов вежливости, объективно-ориентированных высказываний). Русская вежливость направлена на сокращение дистанции с собеседником, создание доброжелательной и доверительной атмосферы общения, чему способствует использование прямых речевых актов. Косвенные речевые акты в русской коммуникативной культуре используются преимущественно в несимметричных ситуациях, ограниченных пресуппозициями «свой-чужой», «младший-старший», т. е. имеют статусно-ориентированный характер.

3. Английская вежливость является формальной и демонстративной, тогда как русские ценят в общении естественность и искренность.

4. Различия в стратегиях реализации английской и русской вежливости обусловлены принадлежностью носителей английского и русского языков к различным типам культур – индивидуалистской, низкоконтекстной и коллективистской, высококонтекстной соответственно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин Е. Н., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
2. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 276-303.
3. Дементьев В. В. Непрямое общение – не прямое сообщение – не прямое воздействие (к проблеме системного представления не прямой коммуникации) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2000. С. 20-38.
4. Земская Е. А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 131-136.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
6. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2009. 513 с.
7. Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 70-83.
8. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170-194.
9. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
10. Altman N. Privacy: Culture Universal or Cultural Specific // Journal of Social Issues. 1977. No 33. Pp. 66-84.
11. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 13th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 352 p.
12. Eelen G. Politeness and ideology // Pragmatics, 9 (1). 1999. P. 163-173.
13. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. Hodder, 2005. 428 p.
14. Fraser B. Perspectives on politeness // Journal of Pragmatics, 14. 1990. P. 219-236.
15. Holmes J. Politeness in intercultural discourse and communication // Paulson C., Kiesling S., Rangel E. (eds.) The handbook of intercultural discourse and communication.

Oxford: Blackwell, 2012. P. 205-228.

16. Kasper G. Linguistic Politeness: Current Research Issues // *Journal of Pragmatics*, 14 (2). 1990. P. 193-218.

17. Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press, 2014. 343 p.

18. Matsumoto Y. Politeness and Conversational Universals – Observations from Japanese // *Multilingua*. 8. 1989. P. 207-221.

19. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. 502 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М.: Московский университет, 1968. Т. I. Вып. III. В. 284 с. [ЭСРЯ].

2. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с. [ТССРЯ].

3. Oxford English Dictionary Online. Oxford University Press. Available at: <http://www.oed.com>. (дата обращения 15.11.2019). [OEDO].

4. Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. (дата обращения: 20.11.2019). [CD].

REFERENCES

1. Vereshchagin, E. N., Kostomarov, V. G. (2005). *Yazyk i kultura* [Language and culture]. M.: Indrik. (In Russ.).

2. Gordon, D., Lakoff, G. (1985). *Postulaty rechevogo obshcheniya* [Postulates of verbal communication]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, M.: Progress. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika. Pp. 276-303. (In Russ.).

3. Dementev, V. V. (2000). *Nepryamoe obshchenie – nepryamoe soobshchenie – nepryamoe vozdeystvie (k probleme sistemnogo predstavleniya nepryamoy kommunikatsii)* [Indirect communication – indirect communication – indirect impact (on the problem of the systemic representation of indirect communication)]. In *Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs*. Volgograd: Izd-vo «Peremena». Pp. 20-38. (In Russ.).

4. Zemskaya, E. A. (1994). *Kategoriya vezhlivosti v kontekste rechevykh deystviy* [Category of politeness in the context of speech acts]. In *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy*. M.: Nauka. Pp.131-136. (In Russ.).

5. Karasik, V. I. (2002). *Yazyk sotsialnogo statusa* [Language of social status]. M.: Gnozis. (In Russ.).

6. Larina, T. V. (2009). *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguacultural traditions]. M.: Izd-vo Ros. un-ta druzhby narodov. (In Russ.).

7. Leontev, V. V. (2016). *Lingvisticheskaya (ne)vezhlivost: k probleme sodержaniya kategorii* [Linguistic politeness: to the problem of category content]. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. No. 1. Pp. 70-83. (In Russ.).

8. Searle, G. R. (1986). *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [Classification of illocutionary acts]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. M.: Progress. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov. Pp. 170-194. (In Russ.).

9. Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Speech communication: communicative-pragmatic aspect]. M.: Russkiy yazyk. (In Russ.).

10. Altman, N. (1977). *Privacy: Culture Universal or Cultural Specific*. In *Journal of Social Issues*. No. 33. Pp. 66-84. (In Russ).
11. Brown, P., Levinson, S. (1994). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 13th edition. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Eelen, G. (1999). *Politeness and ideology*. In *Pragmatics*. No. 9 (1). Pp. 163-173.
13. Fox, K. (2005). *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder.
14. Fraser, B. (1990). *Perspectives on politeness*. In *Journal of Pragmatics*. No. 14. Pp. 219-236.
15. Holmes, J. (2012). *Politeness in intercultural discourse and communication*. In Paulson C., Kiesling S., Rangel E. (eds.). *The handbook of intercultural discourse and communication*. Oxford: Blackwell. Pp. 205-228.
16. Kasper, G. (1990). *Linguistic Politeness: Current Research Issues*. In *Journal of Pragmatics*. Vol. 14 (2). Pp. 193-218.
17. Leech, G. (2014). *The Pragmatics of Politeness*. New York: Oxford University Press.
18. Matsumoto, Y. (1989). *Politeness and Conversational Universals – Observations from Japanese*. In *Multilingua*. No. 8. Pp. 207-221.
19. Wierzbicka, A. (2005). *Cross-Cultural Pragmatics*. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter.

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

1. Shanskiy, N. M. (1968). *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. M.: Moskovskiy universitet. T. I. Vyp. III. V. (In Russ).
2. Ushakov, D. N. (2013). *Tolkovyy slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of modern Russian language]. M.: Adelant. (In Russ.).
3. *Oxford English Dictionary Online*. Oxford University Press. Available at: <http://www.oed.com>. (accessed: 15.11.2019).
4. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. (accessed: 20.11.2019).

Ветрова Эльвира Сабировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: vetrova-75@ukr.net), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Vetrova Elvira S. – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Translation Studies Department (e-mail: vetrova-75@ukr.net), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 октября 2019 г.

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье анализируются особенности реализации категории оценки в англоязычном медиадискурсе. Источником медиатекстов служат электронные версии англоязычных газет, в частности, влиятельных и популярных британских («The Guardian», «The Independent», «The Daily Telegraph», «Daily Express», «The Sun») и американских («The NY Times», «The Washington Post», «The NY Post», «NY Daily News») изданий. В ходе анализа языкового материала установлена разная степень продуктивности оценочных средств в разных жанрах медиатекстов.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, новостное сообщение, очерк, конфликт, оценка, жанр.

EVALUATION IN MODERN BRITISH AND AMERICAN MEDIA DISCOURSE

The article addresses the analysis of evaluation category in English media discourse. The media texts in question are extracted from online versions of English quality and popular newspapers like («The Guardian», «The Independent», «The Daily Telegraph», «Daily Express», «The Sun») and the American («The NY Times», «The Washington Post», «The NY Post», «NY Daily News»). The analysis of the texts reveals the varied frequency of evaluation means in different genres of media texts.

Key words: discourse of media, media text, news report, feature article, conflict, evaluation, genre.

1. Вводные замечания. В настоящей работе рассматривается проявление категории оценки, актуализирующейся в текстах СМИ медиадискурса Великобритании и США.

Предметом исследования является категория оценки, **объектом** выступают способы ее реализации в дискурсе британских и американских средств массовой информации.

В данном исследовании оценка, вслед за В. Н. Телией, понимается как «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта» [Телия, 1986: 54]. Наличие и степень оценки в публикации определяется не только жанром медиатекста, но и типом издания (quality press / tabloid), его политической ориентацией и другими факторами. Оценочное значение может реализоваться в использовании оценочных слов, антропонимов, топонимов, стилистических приемов, кроме того, может усложняться намеками, иронией, подтекстом, а также

разговорными, просторечными, грубыми словами, жаргонизмами, которые приводят к повышению эмоциональности и выразительности текста [Навасартян, 2017: 31].

В данной работе медиадискурс рассматривается как «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2008: 152].

Под текстом подразумевается «продукт речемыслительной деятельности, который обладает структурным, коммуникативным, тематическим единством» [Красных, 2001: 207]. В свою очередь, медиатекст – это текст, созданный и распространяемый средствами массовой информации, как традиционными – печать, радио, ТВ, так и новыми – Интернет-СМИ [Колосова, 2015: 11].

Тема конфликта неоднократно становилась предметом изучения, в том числе, в медиадискурсе [Бессонова, Долгополова, 2017]. В фокусе настоящего исследования – военно-политический конфликт, например, гражданская война в Йемене, военная операция против "Исламского государства", отношения США и Северной Кореи и т. д. Тематика отобранных для анализа медиатекстов является разнообразной – более половины отобранных текстов посвящены военным действиям, примерно одинаковое количество посвящено конфликтам в области дипломатических двусторонних отношений и террористическим. 10% текстов посвящено резонансным делам, например, делу Скрипалей и 8% – кибертерроризму [Гордиенко, 2018].

В данной работе конфликт как социально-психологическое явление понимается в значении «столкновения противоположных интересов, острого противоречия, серьезного разногласия, которое находит выход в действиях, в том числе речевых. Конфликт составляет неотъемлемую часть личных и общественных отношений, которая не должна приветствоваться, как не должна и полностью отрицаться: полная бесконфликтность невозможна и вредна, как и повышенная конфликтность» [Матвеева, 2010: 160-161].

Основная задача газетной публикации – сообщать информацию посредством различных жанров. В отечественной журналистике выделяются следующие группы медиажанров: информационные (заметка, репортаж, интервью), аналитические (комментарий, статья, обзор) и художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет) [Темникова, 2016: 1000]. Англоязычные ресурсы характеризуются несколько отличным жанровым делением на информационные (News Stories, Feature Articles) и информационно-аналитические (Opinion, Editorials) [Цыбикова, 2015: 108]. Новостные жанры, в свою очередь, подразделяются на субжанры, такие как news report, news

interview, news headline [Montgomery, 2007: 25-26]. В данной статье мы рассматриваем два жанра, характерных для англоязычного медиадискурса – news report и feature article.

Новость – «рассказ о событии, начиная от самого важного в нем и заканчивая наименее важным» [Колесниченко, 2008: 8]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что данный рассказ опирается на особую композиционную структуру, «перевернутую пирамиду», в рамках которой читателям предоставляются ответы на 6 вопросов, выработанных в журналистской практике (Who? What? Where? When? Why? How?). Кроме того, новостной медиатекст должен отличаться четким и читабельным расположением, поэтому текст обычно делится на несколько колонок, для разных композиционных частей (заголовок, подзаголовок, основной текст) применяются разные размеры шрифта. Также новостное сообщение обычно сопровождается привлекающей внимание, броской фотографией.

Следует отметить, что главной функцией новостных сообщений является предоставление фактической, объективной информации о недавно произошедшем событии. Исходя из этого положения, автор новостных сообщений должен выступать в роли непредвзятого наблюдателя, который исключительно информирует читателя, не давая оценки и не комментируя произошедшее. Однако, по мнению А. А. Негрышева, новостные медиатексты также могут быть манипулятивными по своей природе, поскольку они воздействуют на читателя, «направляя определенным образом процесс осмысления действительности» [Негрышев, 2012].

Как отмечает Т. Г. Добросклонская, feature articles, в отличие от новостных сообщений, не только объективно освещают фактологическую сторону произошедшего события, но также «делают акцент на факторе человеческого интереса, на индивидуально-авторском видении той или иной темы» [Добросклонская, 2010: 143]. Другими словами, в данном типе медиатекстов присутствует анализ фактов и ситуаций, обобщения и выводы, кроме того, feature articles отличаются от новостных сообщений более широкими временными границами [Гедгафова, 2015: 14-17].

В ходе анализа было выяснено, что медиатексты группы feature по своей структуре, в отличие от новостных сообщений, напоминают «песочные часы» (hourglass structure), соответственно, их можно представить в следующей композиции, предложенной Уильямом Бланделом:

- Лид
- Вводный параграф (т. н. nut graph)
- Основная часть

– Окончание [Blundell].

2. Результаты исследования

2.1. Проведенный анализ показал, что оценка может проявляться во всех композиционных частях медиатекста:

2.1.1. Как в медиатекстах жанра news report, так и feature article оценка может находить свое выражение в заголовках, например, в названии feature article *'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault* ['Nothing is ours anymore' ...] средством выражения рациональной оценки является использование негативнооценочной лексики *assault* 'a military attack or raid on an enemy position' [Oxford Dictionaries]; и в названии новостного сообщения *Erdogan's Next Target as He Restricts Turkey's Democracy: The Internet* [Erdogan's Next Target as He Restricts ...] оценка политики президента Турции, Эрдогана, актуализируется через использование глагола с негативнооценочным значением *to restrict* 'deprive (someone or something) of freedom of movement or action' [Oxford Dictionaries].

2.1.2. Анализ эмпирического материала показывает, что наличие оценочной семантики не характерно для первого абзаца медиатекстов (т. н. вступительная часть или лид, англ. lead), в котором читателю представляется краткое изложение произошедшего события, поскольку его основная задача – ввести читателя в курс дела.

Однако, в ходе анализа были обнаружены единичные случаи использования оценочной семантики во вступительной части: *Donald Trump was branded a shocking and shameful racist yesterday after it was credibly reported he had described African nations, as well as Haiti and El Salvador, as 'shitholes' and questioned why so many of their citizens had ever been permitted to enter the US* [UN: Trump's remarks 'racist and shameful']. Оценочная семантика в примере *Donald Trump was branded a shocking and shameful racist* характеризуется как смешанная, поскольку средствами ее выражения являются лексемы *to be branded* 'to be marked out as having a particular bad or shameful quality' [Oxford Dictionaries] и *racist* 'a person who shows or feels discrimination or prejudice against people of other races, or who believes that a particular race is superior to another' [Oxford Dictionaries], несущие в своих семах рациональную оценку, и *shocking* 'informal very bad, offensive' и *shameful* 'worthy of or causing shame or disgrace' [Oxford Dictionaries], являющиеся эмоциональнооценочными. Кроме того, в этой вступительной части присутствует еще один пример реализации оценочной семантики *he had described African nations, as well as Haiti and El Salvador, as 'shitholes'*, выраженной лексемой *shithole* 'vulgar slang an extremely dirty, shabby, or otherwise unpleasant place' [Oxford Dictionaries], словарная дефиниция которой отмечена пометой «грубый сленг».

2.1.3. В ходе проведенного анализа установлено, что категория оценки находит свое выражение в основной части медиатекстов в большей степени, что связано с превалирующим объемом «тела» статьи по сравнению с короткими заголовками и вступительными частями. Так, к примеру, в новостном сообщении *US-backed troops flush Isil from last square mile of territory in Syria* оценка находит свое выражении в основной части публикации посредством метафоры *human shields*, которая заключается в сравнении людей, которыми прикрываются террористы ИГИЛ, со щитами: *The SDF told the Telegraph their forces had been forced to halt as Isil was using civilians as **human shields*** [US-backed troops ...].

2.1.4. В результате анализа выявлено, что реализация оценки не является характерной для заключительной части или news summary медиатекста, что может быть объяснено тем фактом, что в этой части публикации приводится краткий вывод по уже описанным событиям. Однако, случаи проявления оценки в данной композиционной части зафиксированы были.

Так, в примере *The biggest **winner** are Turkey and Russia. Turkey would get sole control over areas of the Syrian border captured in its invasion...* [Iraqi defense minister ...] оценочное значение актуализируется в метафорическом использовании лексемы с рациональной оценкой *winner* ‘a person or thing that wins something’ [Oxford Dictionaries].

2.2. Проведенный анализ показал, что реализация оценочного значения языковыми средствами многообразна и включает языковые средства разных уровней (лексический, грамматический, графический).

2.2.1. Отмечается, что лексический уровень является основным языковым уровнем, на котором выражается оценка [Бессонова, 2005]. Лексическая актуализация оценки заключается в употреблении слов и словосочетаний с оценочным значением, а также с отрицательными или положительными коннотациями и манипуляции идеологически-модальной лексикой.

В примере *Mr Trump was said to **have badgered** Volodymyr Zelensky to press ahead with the probe into Joe Biden’s son, even suggesting he work with his personal lawyer, Rudy Giuliani* [Trump asked Ukraine president 8 times ...] иллюстрируется ситуация, в которой Д. Трамп донимает В. Зеленского просьбой поспособствовать в расследовании против сына Дж. Байдена, что выражается в использовании эмоциональнооценочной лексемы *to badger* ‘repeatedly ask (someone) to do something; pester’ [Oxford Dictionaries].

2.2.2. Важную роль в выражении оценочного значения играют стилистические средства языка, к которым относятся изобразительные средства или тропы, выразительные средства или фигуры речи.

Так, пример *It would make Trump not a president but a king – utterly beyond the reach of the law* [No, Trump couldn't shoot someone ...] является иллюстрацией использования такого лексического стилистического приема как гипербола, который состоит в преднамеренном преувеличении значимости Трампа и сравнении его с королем.

2.2.3. Грамматические (синтаксические и морфологические) средства реализации оценочного суждения относятся многими лингвистами к вспомогательным и зачастую используются:

2.2.3.1. Синтаксические способы выражения

Проведенный анализ показал, что использование восклицательных и вопросительных предложений как средства реализации оценки обуславливается тем, что эти коммуникативные типы предложений усиливают эффект воздействия и, кроме того, способствуют выражению отношения, например: *Fuming over the indirect intel rebukes, Trump tweeted Wednesday that Coats and Haspel “are wrong!” and should focus more attention on Iran* [President Trump claims 'time' will ...]. В приведенном отрывке оценочное значение реализуется в результате комбинации восклицательного предложения и цитации в сочетании со стилистическим приемом метафоры *to fume over smth* 'feel, show, or express great anger' [Oxford Dictionaries], заключающейся в сходстве между состоянием сильной злости и полыхающим огнем.

Реализация оценки в модальных высказываниях, в которых выраженное модальным глаголом отношение оценивается как плохое / хорошее, относится к «синтактико-семантическим» [Николаева, 2017: 45], например: *Mr Voronkov warned “radicalised women and traumatised minors may also pose a serious threat”* [ISIS still poses MAJOR threat ...], где автор высказывания выражает свое опасение в связи с вероятной угрозой приверженцев ИГИЛ, что подчеркивается модальным глаголом *may*.

2.2.3.2. Морфологические способы выражения

Словообразовательные возможности языка также относят к средствам выражения оценочного значения.

Например, в отрывке *This is a reprehensible and un-American view* [No, Trump couldn't shoot someone ...] префикс *un-*, имеющий отрицательное и противоположное значение, модифицирует прилагательное *American*. В данном примере значение образованной лексемы *un-American* раскрывается в сочетании с негативнооценочной лексемой *reprehensible* 'deserving censure or condemnation' [Oxford Dictionaries].

2.2.4. Графические средства являются одним из видов паралингвистических средств, которые представляют собой средства письменной коммуникации для передачи информации без использования слов, а также включают в себя фонационные средства

(темп, тембр, громкость речи, мелодика речи и т. д.) и кинетические средства (жесты, мимика). Функция использования графических средств заключается в передаче эмотивности высказывания и эмоционального состояния автора высказывания, в усилении текста и привлечении внимания читателя к тексту.

Отмечаем, что графические средства выражения оценочного значения являются нехарактерными для медиатекстов, опубликованных в качественной прессе. Однако, в медиатекстах популярной прессы такие случаи находят свое выражение. Так, в отрывке *OUTGOING EU boss Jean Claude Juncker has let rip at Boris Johnson again, accusing him of being a "liar" and spreading "b*****t" in the Brexit referendum [ARE EU SERIOUS? EU boss Jean Claude Juncker brands ...]* супраграфемное средство, астерикс, используется для замещения букв в слове, чтобы избежать использования нелицитатурного слова.

2.3. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проявление оценочного значения в медиатекстах как британского, так и американского медиадискурса характеризуется одинаковым набором свойств, однако может отличаться с точки зрения политической направленности того или иного британского или американского издания и способа освещения событий в конкретном издании.

2.4. Характеристика материала исследования показывает, что выражение оценки в медиатекстах жанров news report и feature article находит одинаковое отражение в силу тематической направленности отобранных для анализа публикаций, а именно, конфликтных ситуаций в мире.

2.5. Отмечаем, что с точки зрения уровня издания (качественная / популярная пресса), оценка, находящая свое выражение в качественной прессе, характеризуется большей степенью рациональности и имплицитности, что объясняется тем фактом, что качественной прессе свойственны взвешенность оценок и надежность фактов и мнений, в то время как оценка, актуализирующаяся в публикациях популярной прессы, чаще является эмоциональной и эксплицитной в силу ее направленности на массового читателя.

3. Выводы

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

3.1. Оценка регулярно находит свое выражение в медиатекстах британского и американского медиадискурса, посвященных конфликтам, и реализуется на всех языковых уровнях.

3.2. Проведенный анализ показал, что лексический уровень актуализации оценочного значения является наиболее продуктивным, в то время как грамматические

(и синтаксические, и морфологические) и графические средства можно отнести к вспомогательным.

3.3. В результате анализа выявлено, что реализация оценки в англоязычном медиадискурсе не зависит от варианта английского языка, а связана с политической аффилиацией как британских, так и американских изданий.

3.4. В ходе анализа материала установлено, тематика анализируемых публикаций предопределяет тот факт, что реализация оценочного значения находит одинаковое выражение в медиатекстах разных жанров.

3.5. Анализ иллюстрирует, что наиболее типичным отличием при выражении оценки в качественных и популярных изданиях является тип проявляемого оценочного значения, а именно, качественной прессе присущ рационализм, популярной – эмоциональность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Виращення оцінки одиницями різних частин мови // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. Запоріжжє, 2005. № 1. С. 13-17.
2. Бессонова О. Л., Долгополова В. В. Концептуальна організація англоязычних новостних медиатекстів, посвячених сирийському кризису // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецьк: ДонНУ, 2017. Т. 13. Вып. 1-2 (35-36). С. 12-24.
3. Гедгафова Н. А. Типологія газетних жанрів // *Вопросы филологии и переводоведения*. Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева. 2015. С. 14-17.
4. Гордиенко Е. В. Опозиція «своєї-чужої» в новостних медиатекстах газети *The Guardian* // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецьк: ДонНУ, 2018. Т. 14. Вып. 2-3 (40-41). С. 19-30.
5. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. Изд. 3-е. М.: КРАСАНД, 2010. 288 с.
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Наука, 2008. 264 с.
7. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 180 с.
8. Колосова А. А. О полифункциональности журналистского медиатекста // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. Белгород, 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 10-13.
9. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК "Гнозис", 2001. 270 с.
10. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
11. Навасартян Л. Г. Языковые средства и приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2017. 172 с.
12. Негрышев А. А. Интерпретация действительности в новостях СМИ: некоторые приемы на уровне композиции текста // *Медиастилистика*. 2012. № 2. Доступ: <http://www.mediascope.ru/node/1071>. (дата обращения: 22.04.2018).
13. Николаева Е. В. Средства выражения оценочного компонента в английском языке // *Вопросы филологии и межкультурной коммуникации*. Чебоксары, 2017. С. 44-47.

14. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
15. Темникова Л. Б. О многообразии медиа жанров в современной российской и зарубежной журналистике // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 115. С. 999-1008.
16. Цыбикова Н. С. Типология Интернет-СМИ // Евразийская парадигма России: ценности, идеи, практика. 2015. С. 107-109.
17. Blundell W. Feature Writing help. Available at: <http://blundellfeaturessac.blogspot.com/>. (accessed: 04.08.2018).
18. Montgomery M. Discourse of broadcast news. A linguistic approach. Routledge, 2007. 246 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (accessed: 21.02.2018).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. ARE EU SERIOUS? EU boss Jean Claude Juncker brands Boris Johnson a 'liar' who spread 'b*****t' in Brexit referendum // The Sun. Available at: <https://www.thesun.co.uk/news/brexit/10209832/brexit-eu-boss-jean-claude-juncker-spread-lies/>. (accessed: 25.10.2019).
2. Erdogan's Next Target as He Restricts Turkey's Democracy: The Internet // The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/04/world/europe/turkey-erdogan-internet-law-restrictions.html>. (accessed: 19.03.2018).
3. Iraqi defense minister gives US troops 4 weeks to leave Iraq // The New York Post. Available at: <https://nypost.com/2019/10/23/iraqi-defense-minister-gives-us-troops-4-weeks-to-leave-iraq/>. (accessed: 24.10.2019).
4. ISIS still poses MAJOR threat – terror group stashes £230MILLION to fund future attacks // Daily Express. Available at: <https://www.express.co.uk/news/world/1086292/isis-islamic-state-syria-war-europe-threat-un-security-council-report>. (accessed: 22.02.2019).
5. No, Trump couldn't shoot someone without being investigated for it // The Washington Post. Available at: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2019/10/24/no-trump-couldnt-shoot-someone-without-being-investigated-it/>. (accessed: 25.10.2019).
6. 'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/07/too-many-strange-faces-kurds-fear-forced-demographic-shift-in-afrin>. (accessed: 30.09.2018).
7. President Trump claims 'time' will 'probably' prove he was 'right' to fight with his own intelligence chiefs // New York Daily News. Available at: <https://www.nydailynews.com/news/politics/ny-pol-trump-right-fight-intel-chiefs-20190131-story.html>. (accessed: 25.10.2019).
8. 'There's no other word but racist': Trump's global rebuke for 'shithole' remark // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/12/unkind-divisive-elitist-international-outcry-over-trumps-shithole-countries-remark>. (accessed: 07.05.2018).
9. Trump asked Ukraine president 8 times to investigate Joe Biden's son, say reports // The Independent. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-whistleblower-dam-schiff-joseph-maguire-intelligence-ukraine-a9114011.html>. (accessed: 21.09.2019).
10. US-backed troops flush Isil from last square mile of territory in Syria // The Daily Telegraph. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/02/10/us-backed-troops-flush-isil-last-square-mile-territory-syria/>. (accessed: 28.02.2019).

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2005). *Vyrazhennyya otsinky odynytsyamy riznykh chastyn movy* [Expression of the evaluation component in the lexical meaning of different parts of speech]. In *Visnyk Zaporizkogo natsionalnogo universytetu. Filologichni nauki*. Zaporozhe. No. 1. Pp. 13-17. (In Ukr.).
2. Bessonova, O. L., Dolgopolova, V. V. (2017). *Kontseptualnaya organizatsiya angloyazychnykh novostnykh mediatekstov, posvyashchennykh siriyskomu krizisu* [Conceptual space of English news reports on Syrian crisis]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU, T. 13. Vyp. 1-2 (35-36). Pp. 12-24. (In Russ.).
3. Gedgafova, N. A. (2015). *Tipologiya gazetnykh zhanrov* [Typology of newspaper genres]. In *Voprosy filologii i perevodovedeniya. Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet imeni I. Ya. Yakovleva*. Pp. 14-17. (In Russ.).
4. Gordiienko, E. V. (2018). *Oppozitsiya «svoy-chuzhoy» v novostnykh mediatekstakh gazety The Guardian* [Opposition “we-they” in the Guardian news reports]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU, T. 14. Vyp. 2-3 (40-41). Pp. 19-30. (In Russ.).
5. Dobrosklonskaya, T. G. (2010). *Voprosy izucheniya mediatekstov: Opyt issledovaniya sovremennoy angliyskoy mediarechi* [Questions of media texts study: Experience of modern English speech of media study]. Izd. 3-e. Moskva: KRASAND. (In Russ.).
6. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech* [Systematic approach to language of mass media study: modern English speech of media]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
7. Kolesnichenko, A. V. (2008). *Prakticheskaya zhurnalistika* [Practical journalism]. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).
8. Kolosova, A. A. (2015). *O polifunktionalnosti zhurnalistikogo mediateksta* [Polyfunctional aspect of the journalistic media text]. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Belgorod. No. 18 (215). Vyp. 27. Pp. 10-13. (In Russ.).
9. Krasnykh, V. V. (2001). *Osnovy psicholingvistiki i teorii kommunikatsii: kurs lektsii* [Basic principles of psycholinguistics and communication theory: course of lectures]. Moskva: ITDGK «Gnozis». (In Russ.).
10. Matveeva, T. V. (2010). *Polnyy slovar lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov n/D: Feniks. (In Russ.).
11. Navasartyan, L. G. (2017). *Yazykovye sredstva i priemy manipulyatsii informatsiy v SMI (na materiale rossiiskikh gazet)* [Language means and tools of information manipulation in mass media (as exemplified in Russian newspapers)]: ds. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Saratov. (In Russ.).
12. Negryshev, A. A. (2012). *Interpretatsiya deystvitelnosti v novostyakh SMI: nekotorye priemy na urovne kompozitsii teksta* [Interpretation of reality in news media: some approaches at the composition level]. In *Mediastilistika*. No. 2. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1071>. (accessed: 22.04.2018). (In Russ.).
13. Nikolaeva, E. V. (2017). *Sredstva vyrazheniya otsenochnogo komponenta v angliyskom yazyke* [Means of expression an evaluation component in English]. In *Voprosy filologii i mezhkulturnoy kommunikatsii*. Cheboksary. Pp. 44-47. (In Russ.).
14. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotation aspect of nominative unit semantics]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
15. Temnikova, L. B. (2016). *O mnogoobrazii media zhanrov v sovremennoy rossiyskoy i zarubezhnoy zhurnalistike* [About a variety of media genres in modern Russian and foreign journalism]. In *Nauchnyy zhurnal KubGAU*. No. 115. Pp. 999-1008. (In Russ.).

16. Tsybikova, N. S. (2015). *Tipologiya Internet-SMI* [Types of Internet mass-media]. In *Evraziyskaya paradigma Rossii: tsennosti, idei, praktika*. Pp. 107-109. (In Russ.).
17. Blundell, W. *Feature Writing help*. Available at: <http://blundellfeaturessac.blogspot.com/>. (accessed: 04.08.2018).
18. Montgomery, M. (2007). *Discourse of broadcast news. A linguistic approach*. Routledge.

LEXICOGRAPHICAL SOURCE

1. *Oxford Dictionaries*: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/>. (accessed: 21.02.2018).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. ARE EU SERIOUS? EU boss Jean Claude Juncker brands Boris Johnson a 'liar' who spread 'b*****t' in Brexit referendum. In *The Sun*. Available at: <https://wwwthesun.co.uk/news/brexit/10209832/brexit-eu-boss-jean-claude-juncker-spread-lies/>. (accessed: 25.10.2019).
2. Erdogan's Next Target as He Restricts Turkey's Democracy: The Internet. In *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/04/world/europe/turkey-erdogan-internet-law-restrictions.html>. (accessed: 19.03.2018).
3. Iraqi defense minister gives US troops 4 weeks to leave Iraq. In *The New York Post*. Available at: <https://nypost.com/2019/10/23/iraqi-defense-minister-gives-us-troops-4-weeks-to-leave-iraq/>. (accessed: 24.10.2019).
4. ISIS still poses MAJOR threat – terror group stashes £230MILLION to fund future attacks. In *Daily Express*. Available at: <https://www.express.co.uk/news/world/1086292/isis-islamic-state-syria-war-europe-threat-un-security-council-report>. (accessed: 22.02.2019).
5. No, Trump couldn't shoot someone without being investigated for it. In *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2019/10/24/no-trump-couldnt-shoot-someone-without-being-investigated-it/>. (accessed: 25.10.2019).
6. 'Nothing is ours anymore': Kurds forced out of Afrin after Turkish assault. In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jun/07/too-many-strange-faces-kurds-fear-forced-demographic-shift-in-afrin>. (accessed: 30.09.2018).
7. President Trump claims 'time' will 'probably' prove he was 'right' to fight with his own intelligence chiefs. In *New York Daily News*. Available at: <https://www.nydailynews.com/news/politics/ny-pol-trump-right-fight-intel-chiefs-20190131-story.html>. (accessed: 25.10.2019).
8. 'There's no other word but racist': Trump's global rebuke for 'shithole' remark. In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jan/12/unkind-divisive-elitist-international-outcry-over-trumps-shithole-countries-remark>. (accessed: 07.05.2018).
9. Trump asked Ukraine president 8 times to investigate Joe Biden's son, say reports. In *The Independent*. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-whistleblower-dam-schiff-joseph-maguire-intelligence-ukraine-a9114011.html>. (accessed: 21.09.2019).
10. US-backed troops flush Isil from last square mile of territory in Syria. In *The Daily Telegraph*. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/02/10/us-backed-troops-flush-isil-last-square-mile-territory-syria/>. (accessed: 28.02.2019).

Гордиенко Елена Витальевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: elena.gord2407@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Gordiienko Elena V. – Postgraduate Student
of English Philology Department
(e-mail: elena.gord2407@gmail.com),
State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 28 октября 2019 г.

УДК 811.111'373.61:81' 282.8

© 2019 В. А. Дроздов

НАИМЕНОВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В ЯМАЙСКОМ, БАГАМСКОМ, БЕЛИЗСКОМ И ТРИНИДАДО-ТОБАГСКОМ КРЕОЛЯХ НА АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОСНОВЕ

Для производных наименований частей тела в ямайском, багамском, белизском и тринидадо-тобагском креолях характерно отсутствие семантического развития от исходных западно-африканских лексических единиц. Показано становление архаизмов в четырех исследуемых креолях. В статье выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических единиц тематической группы «Наименования частей тела» в рассматриваемых карибских креолях на англоязычной основе.

Ключевые слова: заимствование, инновация, метонимия, метафора, изоморфизм, алломорфизм.

© 2019 V. A. Drozdov

NAMES OF THE BODY PARTS IN THE ENGLISH-BASED JAMAICAN, BAHAMIAN, BELIZIAN AND TRINIDADO-TOBAGONIAN CREOLES

In the English-based Jamaican, Bahamian, Belizian, and Trinidado-Tobagonian creoles the absence of semantic development is inherent for the names of parts of the body derived from the original West-African lexical units. Formation of archaisms has been shown in the four creoles under investigation. The article limelights isomorphic and allomorphic lexical units' features of the thematic group "Names of the Body Parts" in the English-based Jamaican, Bahamian and Belizian creoles.

Key words: borrowing, innovation, metonymy, metaphor, isomorphism, allomorphy.

1. Введение

1.1. В данном исследовании рассматривается тематическая группа (далее ТГ) существительных, объединенных понятием «наименования частей тела» (далее НЧТ) на примере карибских креольских языков – ямайского, багамского, тринидадо-тобагского и белизского на англоязычной основе. Заметим, что пиджин – межэтнический вспомогательный язык, выполняющий минимум функций в очень ограниченной сфере коммуникации. Пиджин не является родным ни для кого из говорящих... В определенных условиях развившийся расширенный пиджин может становиться родным для какого-либо языкового коллектива. При этом еще более расширяются его коммуникативные функции. Такой язык определяется как креольский [Дьячков, 1987: 8-9].

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим вниманием к вариантам (социальным, географическим) национальных языков, к процессам

возникновения новых языковых общностей и, вместе с тем, недостаточной изученностью территориального варьирования карибских креолов на англоязычной основе и механизмов формирования вариантных языковых систем, представленных ямайским, белизским, тринидадо-тобагским и багамским креольскими языками.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе: а) подвергнуты анализу лексические инновации тематической группы «Наименования частей тела» в ямайском, тринидадо-тобагском, багамском и белизском креольских языках; б) определены семантические пути развития лексических инноваций исследуемых креолов; в) выявлены изоморфные и алломорфные признаки лексических единиц ТГ «Наименования частей тела» в исследуемых креолах.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в учебном процессе: в теоретических курсах лексикологии и истории английского языка, а также в лексикографической и переводческой практике.

Цель исследования заключается в том, чтобы на примере ТГ «Наименования частей тела» показать, какие изменения претерпевает английский язык на новых территориях своего распространения, а именно, в англоязычных креолах Карибского бассейна, при каких условиях при неизменном плане выражения появляется новый план содержания.

Данная цель предусматривает решение следующих задач: 1) установить изоморфные дифференциальные признаки (далее ДП) наименований частей тела (НЧТ) в ямайском, тринидадо-тобагском, багамском и белизском креолах Карибского бассейна; 2) выявить алломорфные дифференциальные признаки наименований приемов пищи в ямайском, багамском, тринидадо-тобагском и белизском креолах; 3) установить социолингвистические причины появления новых слов в тематической группе наименования частей тела в англоязычных карибских креолах; 4) рассмотреть проблему влияния африканских языков и английского языка на становление НЧТ в исследуемых карибских креолах на англоязычной основе.

Задачи исследования и специфика материала обусловили применение таких методов исследования, как метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа, метод количественных подсчетов.

Обзор отечественной и зарубежной литературы по теме исследования. К. Ажеж отмечает примечательное сходство креольских языков между собой [Ажеж, 2003: 41]. Проблемы креольского континуума – соотношения английского и креольского языков в Ямайке и Тринидаде исследуют D. Deuber [Deuber, 2014: 5-124] и D. Winford [Winford,

2016, Vol. 2: 22-45]. S. Lobner и J. Williams для обозначения понятия части используют термин партоним [Lobner 2018: 96-97; Williams, 2019: 146]. В отечественной литературе проблема НЧТ на примере индоевропейских и урало-алтайских языков на синхроническом уровне была исследована в монографии О. В. Материнской [Материнська, 2009]. Однако же, проблема НЧТ в креольских языках в данной монографии не затрагивалась и не представляется в достаточной степени исследованной.

2. НЧТ в карибских креолях на англоязычной основе

2.1. Во многих словарях карибских креолей на англоязычной основе отмечается, что в западно-африканских языках нет различия НЧТ *hand* и *arm*.

НЧТ *hand* 1 ‘Верхняя конечность от плеча до кончиков пальцев’. (В английском языке *arm* + *hand* ‘arm: рука, исключая кисть руки’). Например: язык игбо *aka, hand, arm* ‘вся рука’; тви *nsa, hand, arm* ‘вся рука’ [Allsopp, 1996: 281]; *aronu*, язык эве *ah*, киконго *koko*, кимбунду *lukuakw*, а также *obs* (уст.) в английском языке *hand, greater hand* ‘вся рука’).

В тринидадо-тобагском креоле верхняя конечность воспринимается как единое НЧТ. Например: *Ah was 'n near enuff to ketch she but some odder fellars save she from brakin she foot; or she han, and perhaps she neck.* (PC 29 Oct 1904). *He get chop in he hand, just below the shoulder* [Winer, 2009: 446-447]. ‘Его ударили мачете по руке (*hand*), чуть ниже плеча’ (перевод наш).

Для белизского креоля также характерно восприятие верхней конечности как единого неделимого на части НЧТ. НЧТ *han* n – ‘hand and any part of the arm up to the shoulder’ [Herrera, 2009: 141]; ‘вся рука; кисть руки и любая часть руки до плеча’. Например: *Di oal man brok ih han rait kloas ih elbo* [Herrera, 2009: 141]. ‘Старик сломал руку (*han*) возле локтя’. *Di lee baybi han owt ih han tu mi, an Ah noh even noa ahn* [Herrera, 2009: 141]. ‘Младенец распротер мне свои объятия (*han*), а я даже не знаю его’. *Di man gaahn fi kalek fi hihn shayr a di moni, bot di baas sen ahn weh wid ih too lang han da ih said* [Herrera, 2009: 141]. ‘Этот мужчина пришел получить причитающиеся ему деньги, но хозяин прогнал его, ничего ему не заплатив (with two long hands hanging by his side)’.

В ямайском креоле: НЧТ *hand* ‘the arm: any part or all of the arm, including the hand’ [Cassidy, 1967: 219] ‘вся верхняя конечность, включая кисть руки’.

В багамском креоле НЧТ *hand* ‘the hand ad lower arm’ [Holm, 1982: 98]; ‘предплечье и кисть руки’. Например: *He can reach across the table because he has long hands* [Holm, 1982: 98].

В тринидадо-тобагском креоле НЧТ *hand* ‘верхняя конечность от плеча до кончиков пальцев’ [Winer, 2009: 446-447]. В багамском креоле НЧТ *hand* ‘предплечье и кисть руки’ [Holm, 1982: 98]. В ямайском креоле НЧТ *hand* ‘вся верхняя конечность, включая кисть руки’ [Cassidy, 1967: 219].

В белизском креоле НЧТ *hand* ‘вся рука; кисть руки и любая часть руки до плеча’ [Herrera, 2009: 141]. В карибских креолях НЧТ *hand* ‘вся рука человека от плеча до пальцев; любая часть верхней конечности (верхняя часть руки, предплечье, кисть руки)’ [Allsopp, 1996: 281].

2.2. Таким образом, в исследуемых креолях на англоязычной основе НЧТ *hand* понимается как ‘вся верхняя конечность’. Данное значение представляет собой кальку с лексем западно-африканских языков, где НЧТ *рука* понимается как ‘вся верхняя конечность’.

Итак, налицо отсутствие семантического развития в лексемах НЧТ *hand* и *foot* в карибских креолях на англоязычной основе, калькированных из исходных западно-африканских лексических единиц.

Зап-афр. НЧТ *hand* ‘вся рука человека от плеча до пальцев; любая часть всей конечности (верхняя часть руки, предплечье, кисть руки)’ → отсутствие семантического развития → карибские креоли НЧТ *han(d)* ‘вся рука человека от плеча до пальцев; любая часть всей конечности (верхняя часть руки, предплечье, кисть руки)’.

2.3. Небезынтересно отметить, что по утверждению Большого оксфордского словаря (COED) у английских анатомов XVII-XVIII веков НЧТ *hand* ‘рука начинается от плеча и заканчивается кончиками пальцев. Это также называется ‘вся рука’ (*the greater hand*) [COED, 1993: 733/1062]. Данное значение имеет помету ‘устарелое’. Приводим соответствующую статью из Большого оксфордского словаря (COED).

COED. 1.†с.В.1.1.с *hand* transf. *The whole arm. Obs.* [COED, 1993: 733/1062] ‘вся рука’. (Уст.). Например, 1661 Lovell Hist. Anim. & Min. 302 *The limbs are divided into the hands and feet, and the hand into the shoulder, cubit, and extremity.* ‘Конечности делятся на руки и ноги. Рука делится на плечо, локоть и нижнюю часть руки’. 1727–51 Chambers Cycl. s.v., *The hand, among anatomists, extends from the shoulder to the fingers ends: this is called also the greater hand* [COED, 1993: 733/1062]. ‘Рука начинается от плеча и заканчивается кончиками пальцев. Это также называется ‘вся рука’ (*the greater hand*) (перевод наш).

В БрА со второй половины XVIII века по XXI век значение НЧТ *hand* ‘вся рука; вся верхняя конечность’ считается архаичным, а само слово *hand*, употребленное в данном

значении, мы рассматриваем в качестве семантического архаизма.

Примечательно, что в ямайском креоле НЧТ *hand* используется в составе форм с лексической избыточностью (*hand-elbow* ‘the elbow’; *hand-wrist* ‘the wrist’). В данных ямайских лексемах использование основы *hand-* является избыточным.

2.4. Во многих словарях карибских креолов на англоязычной основе отмечается, что в западно-африканских языках слово НЧТ *foot* понимается как ‘вся нога’.

В ямайском креоле НЧТ *foot* ‘нога’ (а также его производные *tumpa-foot*, *wooden-foot* ‘деревянный протез ноги’) употребляется в значении ‘вся нога’ (*the leg*). Слово *leg* иногда используется в значении ‘бедро’, при этом *foot* – ‘нога от колена до ступни включительно’. Данное членение НЧТ *foot* пришло из языков Западной Африки. Ср. 1929 Rattray I 53. Как бы это странно ни казалось, но в африканских языках (группы ашанти) холоним *foot* употребляется в значении ‘вся нога’. Это же применимо и к холониму *hand*, покрывающему объем понятия слова *arm*. Используется и другая парадигма: партоним *leg* иногда употребляется в значении ‘бедро’ (*the thigh*), в этом случае партоним *foot* обозначает остальную часть ноги ‘от колена полностью донизу’ [Cassidy, 1967: 185] (перевод наш). Например:

2.4.1. В ямайском креоле НЧТ *foot* используется в значении ‘вся нога’. Например: 1907 Jekyll 46, *Puss them have them junka ‘tick secretly in a them trousers foot* [The cats had their clubs hidden in their trouser legs]. 1943 GL Clar, *Shenk, part of foot*. ‘Голень, часть ноги (*foot*)’. 1956 McMan / *dem hav anada bord agen, a lang-foot wan – dem kaal duoz gaalen – dem fut lang* [Cassidy, 1967: 185]. ‘Есть еще одна птица, длинноногая (*a lang-foot wan*). Её называют ‘цапля’ (*gaalen, gaulin*). Ноги (*dem fut lang*) у неё длинные’ (перевод наш).

2.4.2. В багамском креоле НЧТ *foot* ‘нога’ (панкреольское; ср. папиаменту *pia* (Gollo 1962: 18), порт. креоль (Of Guine) *pee* (Wilson 1962: 40)); вся нижняя конечность: *both foot and leg*; на значение англ. *foot* и порт. *pe* ‘*foot*’ оказали влияние африканские наименования частей ноги *foot and leg to the knee* ‘НЧТ от бедра до колена (*leg*) и НЧТ от колена до ступни включительно (*foot*)’, например: язык тви *gyaw(a)*, язык ибо *ikwu n. the leg and foot* ‘вся нижняя конечность’ [Holm, 1982: 80]. Например: *And my foot – talk about swell! Right up to the knee it painin me* (Crooked) [Holm, 1982: 80].

2.4.3. В тринидадо-тобагском креоле НЧТ *foot* обозначает: 1. ‘часть тела ниже торса, включающая всю ногу (*leg and foot*), всю нижнюю конечность’ (из-за распространенного использования одного слова-холонима во многих западно-африканских языках в значении всей конечности; или ноги до колена (*leg to the knee*) и от колена до ступни (*the foot*),

например: в языке тви *gjaw, gjawa*, в языке нупе *bici*, в языке игбо *ikwu*, в языке йоруба *ess*, в языке киконго *kulu*, в языке кимбунду *kinama*, в языке волоф *tapka'* [Winer, 2009: 384].
Например:

Ah wos'n near enuff to ketch she but some odder fellars save she from brakin she foot; or she han, and perhaps she neck (PC 29 Oct 1904). (STT 1956). *Yes mammy! His foot really dirty... All up by he knee* (Alleyne-Forte 1994: 13). 'Да, мама. У него ноги (*foot*) очень грязные... До самых колен'. "I had to rub me father-in-law, me mother-in-law, and me husband three time a day. I had to rub me father-in-law back, he two foot" (Mahabir, 2000: 8) [Winer, 2009: 384].

2.4.4. В белизском креоле НЧТ *fut* также употребляется в значении 'вся нижняя конечность от бедра до ступни включительно. Например: 2) *fut =leg. Ah brok mi fut rait between mi ankle ahn mi nee* 'Я поломал ногу между лодыжкой и коленом' [Herrera, 2009: 120].

2.4.5. Общекарибское значение НЧТ *foot* 'вся нога' отмечено в «Словаре карибско-английских словоупотреблений» [Allsopp, 1996: 238]. *Foot n* (CarA) 'the whole or any part of the leg from the thigh down to the toes' [Ibid., p. 238]. 'Вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев' [Allsopp, 1996: 238].

2.4.6. Зап-афр. НЧТ *foot* обозначает 'вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев' [Allsopp 1996: 238]. Калькирование данного НЧТ в карибских креольских языках можно показать в виде следующей записи: зап-афр. НЧТ *foot* 'вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев' → отсутствие семантического развития → карибские креоли НЧТ *foot* 'вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев'.

2.5. На основе вышеприведенного можно заключить, что имеет место отсутствие семантического развития в НЧТ *foot* в карибских креолях на англоязычной основе, калькированном из исходных западно-африканских лексических единиц. Следовательно, НЧТ *foot* в исследуемых карибских креолях на англоязычной основе является архаизмом.

Возможно, закреплению архаичных значений НЧТ *foot* в исследуемых карибских креолях на англоязычной основе способствовало то, что в языке английских анатомов XVI-XVII веков НЧТ *foot*, а также *great foot* употреблялись в архаичном значении 'вся нижняя конечность от тазобедренного сустава до пальцев ноги'. (Уст.).

COED †c.I.1.c By some anatomists used for: The whole limb from the hip-joint to the toes. Also, great foot. (Cf. great hand for the whole upper limb.) Obs. Например:

1541 R. Copland Guydon's Quest. Chirurg. K iij b, *The great fote lasteth fro the ioynt of the hukcle (бедро) vnto the ferdest parte of the toes*. 'Нога (*the great fote*) простирается от бедренного сустава до пальцев ноги'. 1661 Lovell Hist. Anim. & Min. 302 *The foot is divided*

into fæmur, the tibia and the foot extreme. ‘Нога (*the foot*) делится на бедренную кость, большеберцовую кость и кости стопы’ [COED, 1993: 616/12] (перевод наш).

Некоторые примеры из «Словаря карибско-английских словоупотреблений» Р. Олсоппа [Allsopp, 1996]:

Hand n (CarA) *The man moved closer to the bent figure in the doorway, with the now silent infant cradled comfortably in his hands* [Allsopp, 1996: 281]. ‘Мужчина подошел ближе к согбенной фигуре в дверном проеме. На руках (*in his hands*) у него был младенец, который теперь успокоился и тихо спал’.

Foot n (CarA) [AF] *the whole or any part of the leg from the thigh down to the toes* [Allsopp, 1996: 238]. ‘Вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев’. Например: *Her foot up to her waist was in the water in the drain* [Allsopp, 1996: 238]. ‘У нее нога до пояса (*foot up to her waist*) была в воде дренажной канавы’.

Для лексических калек, в производных НЧТ *hand* и *foot* в исследуемых карибских креолях на англоязычной основе характерно отсутствие семантического развития от исходных западно-африканских лексических единиц.

2.6. Семантический путь развития производных НЧТ *foot* и *hand* в карибских креолях на англоязычной основе из исходных западно-африканских лексических единиц можно представить в виде следующей формульной записи: зап-афр. НЧТ *hand* ‘вся рука человека от плеча до пальцев; любая часть всей конечности (верхняя часть руки, предплечье, кисть руки)’ → отсутствие семантического развития → карибские креоли НЧТ *hand* ‘вся рука человека от плеча до пальцев; любая часть всей конечности (верхняя часть руки, предплечье, кисть руки)’.

Зап-афр. НЧТ *foot* ‘вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев’ → отсутствие семантического развития → карибские креоли НЧТ *foot* ‘вся нога или любая часть ноги от бедра до пальцев’.

Сегодня эти значения – полные архаизмы в БрА. Ведь для современного британского варианта английского языка характерно использование партонимов-наименований верхних и нижних конечностей, т. е. различие НЧТ *hand* и *arm*, *foot* и *leg*, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции друг к другу.

3. Выводы

3.1. Зона изоморфных признаков НЧТ *hand* и *foot* в исследуемых карибских креолях на англоязычной основе опирается на следующие положения. Под влиянием африканских языков в багамском, белизском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях вместо двух

партонимов НЧТ *hand* и *arm*, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции в БрА, используется только одна лексема-холоним *hand*. Вместо двух слов НЧТ *foot* и *leg*, используемых в БрА, в карибских креолях используется только слово-холоним *foot*.

3.2. В рассмотренных примерах употребления НЧТ *hand* и *foot* наблюдается отсутствие семантического развития между исходным западно-африканским значением и производным значением в четырех исследуемых багамском, белизском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях. Следовательно, лексем со значением НЧТ *hand* и *foot* в карибских креолях на англоязычной основе выступают в роли архаизмов (НЧТ *hand* ‘вся верхняя конечность’, НЧТ *foot* ‘вся нижняя конечность’) под влиянием западно-африканских языков.

3.3. Возможно, закреплению вышеприведенных значений (НЧТ *hand* ‘вся верхняя конечность’, НЧТ *foot* ‘вся нижняя конечность’) в багамском, белизском, тринидадо-тобагском и ямайском креолях способствовали употребления данных слов в узко-специальных архаичных значениях в языке английских анатомов (НЧТ *hand* ‘вся верхняя конечность’, НЧТ *foot* ‘вся нижняя конечность’) в XVI – XVIII веках.

3.4. На основе рассмотрения специфики употребления лексем *hand* и *foot* в багамском, белизском, тринидадо-тобагском и ямайском карибских креолях можно сформулировать вывод о том, что характерной чертой этих креолей является экономный выбор слова, особенно в ситуации, когда этот выбор не влияет на смысл высказывания. Например, употребление лексической единицы-холонима НЧТ *hand* в карибских креолях вместо британских партонимов НЧТ *hand* и *arm*, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции; или использование лексем-холонима НЧТ *foot* в исследуемых карибских креолях вместо лексем-партонимов НЧТ *foot* и *leg* в БрА, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции.

3.5. Зона алломорфных признаков лексики НЧТ *hand* и *foot* исследуемых карибских креолей на англоязычной основе опирается на следующие положения. Специфичны проявления функционирования НЧТ *hand* и *foot* в белизском и ямайском креолях. В белизском креоле в значении НЧТ ‘большая нога; большие ноги’ используется НЧТ *peteh*, которая не используется ни в одном из исследуемых креолей. В ямайском креоле НЧТ *hand* используется в составе форм с лексической избыточностью (*hand-elbow* ‘локоть’; *hand-wrist* ‘запястье’).

Список сокращений

АМА – американский вариант английского языка; БрА – британский вариант английского языка; ДП – дифференциальный признак; зап-афр – западно-африканский; НЧТ – наименования частей тела; ТГ – тематическая группа; уст. – устарелое; Фр. – французский язык; ФрКр –

французско-креольский язык; CarA – Caribbean Area / Region; CE – Caribbean English; COED – Compact Oxford English Dictionary; obs. – obsolete ‘устарелое’; SOED – Shorter Oxford English dictionary on historical principles; StE – Parish of St Elizabeth; StKt – St. Keats; TRIN –Trinidad.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
2. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва: Наука, 1987. 107 с.
3. Материнська О. В. Типологія найменувань частин тіла: монографія. Донецьк: ДонНУ, 2009. 295 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження; Т. 5).
4. Deuber, Dagmar. *English in the Caribbean. Variation, style and Standards in Jamaica and Trinidad.* Cambridge: University Press, New York, 2014. 277 p.
5. Lobner S. *Understanding symantics: co-published.* London, New York, 2018. 260 p.
6. Williams J. *The lesser known varieties of English: an Introduction.* Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 386 p.
7. Winford D., Bolton R., Kachru B. *Re-examining Caribbean English Creole Continua // World Englishes. Critical concepts in linguistics.* London, New York: Routledge, 2016. Vol. 2. P. 17-75.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Allsopp R. *Dictionary of Caribbean English Usage.* OUP, 1996. 697 p.
2. Cassidy F. G. *Dictionary of Jamaican English.* Cambridge: At the University Press, 1967. 489 p.
3. Herrera Y., Manzares M., Woods S., Crosbie C., Decker K. *Kriol-English Dikshineri – English-Kriol Dictionary.* Belmopan, Belize, 2009. 465 p.
4. Holm J. A. *Dictionary of Bahamian English.* Cold Spring, N. Y.: Lexik House Publishers, 1982. 228 p.
5. Winer L. *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles.* McGill. Queen’s University, Montreal & Kingston. London. Ithaca, 2009. xxiv p.

REFERENCES

1. Hagege, C. (2003). *Chelovek govoryaschiy: vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki* [Speaking person: Linguistic contribution into arts]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).
2. Dyachkov, M. V. (1988). *Kreolskiye yazyki* [Creole languages]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Materynska, O. V. (2009). *Typolohiya naymenuvan chastyn tila* [Typology of naming parts of the body]: monographiya. Donetsk: DonNU. (Typologichni, zistavni, diakhronichni doslidzhennya; T. 5). (In Ukr.).
4. Deuber, Dagmar. (2014). *English in the Caribbean. Variation, style and Standards in Jamaica and Trinidad.* Cambridge: University Press, New York.
5. Lobner, S. (2018). *Understanding symantics: co-published.* London, New York.
6. Williams, J. (2019). *The lesser known varieties of English: an Introduction.* Cambridge: Cambridge University Press.
7. Winford, D., Bolton, R., Kachru, B. (2016). *Re-examining Caribbean English Creole Continua.* In *World Englishes. Critical concepts in linguistics.* London, New York: Routledge. Vol. 2. P. 17-75.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Allsopp, R. (1996). *Dictionary of Caribbean English Usage.* OUP.

2. Cassidy, F. G. (1967). *Dictionary of Jamaican English*. Cambridge: At the University Press.
3. Herrera, Y., Manzares, M., Woods, S., Crosbie, C., Decker, K. (2009). *Kriol-English Dikshineri – English-Kriol Dictionary*. Belmopan, Belize.
4. Holm, J. A. (1982). *Dictionary of Bahamian English*. Cold Spring, N. Y.: Lexik House Publishers.
5. Winer, L. (2009). *Dictionary of the English / Creole of Trinidad and Tobago on historical principles*. McGill. Queen's University, Montreal & Kingston. London. Ithaca.

Дроздов Владимир Александрович –
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики перевода
(e-mail: v.drozdov@donnu.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Drozdov Vladimir A. – Candidate of Philology,
Associate Professor, Associate Professor of
Translation Studies Department
(e-mail: v.drozdov@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya Str., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 06 ноября 2019 г.

ДИАТЕЗЫ СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫХ И ПОСЕССИВНО-РЕФЛЕКСИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию типов диатезных преобразований немецких и русских собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов. Дается определение понятию «диатеза» и рассматриваются различные подходы к её изучению. Диатезы рефлексивных глаголов в немецком и русском языках исследуются на референтном, семантическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: рефлексивный глагол, нерефлексивный глагол, диатеза, валентность, референтный уровень, семантический уровень, синтаксический уровень.

© 2019 V. V. Pisareva

DIATHESES OF SELF-REFLEXIVE AND POSSESSIVE-REFLEXIVE VERBS IN GERMAN AND RUSSIAN

The article deals with the analysis of the types of diatheses in German and Russian self-reflexive and possessive-reflexive verbs. The notion of diathesis and different approaches towards its studying have been provided in the article. The diatheses of German and Russian reflexive verbs have been researched on referential, semantic and syntactic levels.

Key words: reflexive verb, non-reflexive verb, diathesis, valency, referential level, semantic level, syntactic level.

1. Введение. Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как характеризуется тесной связью с различными уровнями языка – морфологическим, словообразовательным, лексико-семантическим и синтаксическим, что представляет значительные трудности при изучении рефлексивных глаголов. Настоящее исследование методологически опирается на работы ученых группы типологического изучения языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (сегодня Институт лингвистических исследований РАН в г. Санкт-Петербург), которые с конца 60-ых годов XX века всесторонне изучали категорию рефлексивности и особенности ее выражения в языках различного строя в рамках универсальной типологической концепции диатез и залогов [Холодович, 1979; Храковский, 1981; Генюшене, 1981, 1983].

Собственно-рефлексивные и посессивно-рефлексивные глаголы не получили своего должного исследования и описания в плане словообразования, морфологии, семантики и синтаксиса, в том числе в сопоставительном аспекте на материале немецкого и русского языков.

Под *собственно-рефлексивными* глаголами (далее – РГ) понимаются производные РГ, в референтной структуре которых происходит элиминация (сокращение) второго референта (лицо) и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия. Рефлексивный показатель (далее – РП) в структуре таких РГ имеет значение *себя*, т. е. маркирует полное совпадение референтов субъекта и объекта действия, ср.:

(1) нем. *j-m., etw. waschen* ‘мыть кого-л., что-л.’ (например, ребёнка, посуду) → *sich waschen* ‘мыться’, т. е. мыть (самого) себя; рус. *одевать кого-л.* (например, ребенка) → *одеваться*, т.е. одевать (самого) себя.

Под *посессивно-рефлексивными глаголами* понимаются производные РГ, в референтной структуре которых элиминируется второй партитивный референт (= отчуждаемая / неотчуждаемая часть субъекта), а первый референт выступает одновременно в двух семантических функциях – субъекта действия и объекта действия. РП в структуре данных РГ метонимически ассоциируется либо с одной определенной частью объекта, либо с его несколькими частями, т. е. рефлексивный аффикс маркирует частичное совпадение референтов субъекта и объекта действия, ср.:

(2) нем. *etw. pudern* ‘пудрить что-л. – *sich pudern* ‘пудриться’, т. е. пудрить себе лицо, нос и т. п.; аналогично: рус. *прищурить* → *прищуриться*, т. е. прищурить глаза; *красить что-л.* (например, губы) → *краситься*, т. е. красить себе лицо, волосы, губы (разг.).

Во многих исследованиях, посвященных РГ, классификация данных глаголов осуществляется в соответствии с деривационным подходом. Согласно данному подходу, РГ рассматриваются как производные единицы от нерефлексивных глаголов (далее – НГ) и распределяются по классам и группам по значению, которое устанавливается при сопоставлении конструкции РГ с семантически соотносительной конструкцией, включающей в себя производящий НГ [Недялков, 1985; Генюшене, 1983; Басыров, 2014; Писарева, 2018].

В основу описания РГ с полной и частичной однореферентностью актантов положено понятие диатезы, которая понимается как схема отношения между единицами синтаксического и семантического уровней. Согласно теории диатезы, информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексемы определяется её словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

2. Понятие диатезы. Диатеза – лингвистический термин греческого происхождения (гр. *διάθεσις* – залог) [Бенвенист, 1974: 168]. Л. Теньер рассматривает диатезу как

необходимый инструмент для описания синтаксической структуры предложения [Теньер, 1988: 242]. При описании членов предложения лингвист использует термины *актанты* и *сирконстанты*. Под актантами учёный понимает одушевленный предмет (человека) или неодушевленный предмет, которые в определённой роли принимают участие в действии, названном глаголом. Сирконстантами Л. Теньер называет обстоятельства (время, место, образ и др.), которые указывают на развертывание глагольного действия, процесса и выражаются наречиями места, времени, образа и др. или их эквивалентами. Если актанты – участники ситуации, которые задаются толкованием глагольной лексемы и обязательно присутствуют в обозначаемой этой лексемой ситуации, то сирконстанты – это факультативные участники ситуации. Глагол является центром предложения, которому подчинены все его члены. Актанты и сирконстанты непосредственно подчинены глаголу [Теньер 1988: 121-122].

Сходную точку зрения высказывает Е. В. Падучева, отмечая, что диатеза – набор участников ситуации, обозначаемой глаголом, с их семантическими ролями и коммуникативными рангами [Падучева, 2004: 536]. К последним, по мнению исследовательницы, относятся субъект и объект действия как центр предложения, занимающие наивысший ранг.

Ряд ученых (А. А. Холодович, В. С. Храковский, Б. А. Успенский и др.) рассматривают диатезу как соответствие определенных ролей (партиципантов) лексемы и актантов предикативной словоформы, представляющей лексему. Двухуровневые диатезы, предложенные А. А. Холодовичем, включали ролевую (семантическую) и синтаксическую структуры глагола [Холодович, 1979], однако, они не давали адекватного описания многих НГ и РГ, поскольку не отображали деривационных изменений, которые затрагивают и референтную структуру производного глагола. Поэтому, для описания РГ Э. Ш. Генюшене предлагает учитывать референтную, семантическую и синтаксическую структуры данных глаголов, выделяя, т. о., трехуровневые диатезы [Генюшене: 1981, 1983].

Согласно теории диатезы, информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексемы определяется её словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

3. Уровни описания собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных РГ.

Для описания собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в настоящей работе используются трёхуровневые диатезы.

На *референтном уровне* НГ и РГ учитывается тип семантических референтов, имплицитруемых лексическим значением глагола, т. е. участников называемой им типовой ситуации. Вслед за У. Чейфом, в работе выделяются следующие основные семантические типы референтов [Чейф, 1975: 432]:

1) *потенты* (Pot), т. е. референты, имеющие собственную внутреннюю энергию и способные самостоятельно совершать действия или каузировать выполнение кем-либо / чем-либо определенного действия. Этот класс референтов охватывает одушевленные потенты, в частности, человека (Pers), а также природные силы и стихии, например:

(3) *Er* [Pers] *hat den Gegner geschossen* ‘Он застрелил противника’;

2) *предметы* (NonP), неспособные выполнять действие или каузировать действие (= референты без собственной внутренней энергии), ср.:

(4) нем. *Die Katze krallte sich am Baumstamm [NonP] fest* ‘Кошка крепко вцепилась в ствол дерева’;

(5) рус. *Девочка одела куклу [NonP]*;

3) *партитивные референты* (Part), называющие обычно часть тела человека или его свойство, объединяемые признаком неотчуждаемой принадлежности, ср.:

(6) нем. *Sie kämmt ihr goldenes Haar [Part]* ‘Она расчесывает свои волосы цвета золота’;

(7) рус. *Мама [Pers₁] погладила ребенка [Pers₂] по голове [Part]*.

При описании *семантического уровня* учитывается ролевая структура НГ и РГ, которая является постоянной характеристикой для каждой глагольной лексемы [Храковский, 1981: 50].

Для описания семантического уровня диатез в настоящей работе используются следующий набор семантических роли:

1) агент (Ag) – инициатор действия – одушевленное лицо, которое контролирует действие; 2) пациент (Pt) – участник ситуации – лицо, которое вовлечено в действие и испытывает существенные изменения; 3) экспериенцер (Exp) – субъект восприятия или мыслительного процесса, носитель эмоций; 4) адресант (Adrn) – отправитель информации; 5) адресат (Adr) – получатель информации; 6) стимул (Stim) – источник влияния при чувственном восприятии; 7) бенефициант (Ben) – объект, в пользу которого выполняется действие; 8) инструмент (Instr) – предмет, с помощью которого совершается действие, но который сам не претерпевает изменений при его осуществлении; 9) средство (Med) –

предмет, с помощью которого совершается действие и который при этом расходуется;
10) цель субъекта действия (Tar).

Кроме вышеперечисленных ролей, для описания собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в работе также выделяются такие дополнительные семантические роли:

11) посессивный объект (Ob_{пос.}) – называющий отчуждаемую или неотчуждаемую часть субъекта, подвергающуюся воздействию со стороны субъекта;

12) квазиагенса (Ag_{qu}) – одушевленный производитель действия, совершающий непреднамеренное (случайное, неконтролируемое) действие, например:

(8) рус. *Он* (Ag_{qu}) *испачкался / порезался / оцарапался* (т. е. случайно / непреднамеренно испачкал себя (свою одежду) / порезал / оцарапал часть своего тела).

13) комбинированная (двойная) роль «агенса + посессивный объект» (AgOb_{пос.}), которая выполняется и контролируется одушевленным участником (агеном) и действие которой направлено на часть самого производителя (посессивный объект), например:

(9) нем. *Der Marquis* (AgOb_{пос.}) *besprengte sich mit diesem Parfum* ‘Маркиз обрызгался (надушился) этими духами’.

14) комбинированная двойная роль «квазиагенса + посессивный объект» (Ag_{qu}Ob_{пос.}) действие которой не контролируется в полной мере одушевленным участником (Ag_{qu}) и случайно направлено на всего производителя или на его часть (тело), например:

(10) рус. *Повариха* (Ag_{qu}Ob_{пос.}) *обожглась, когда готовила суп* (т.е. случайно нанесла себе рану, соприкоснувшись с огнём).

15) источник травмы, телесного повреждения (Sw / d (source of wound / danger), с которым субъект случайно соприкасается (например, огонь, кипяток, колючее растение и т. п.), например:

(11) нем. *Ich* (Ag_{qu}Ob_{пос.}) *habe mich an einem Dorn* (Sw / d) *geritzt* ‘Я оцарапался о колючку (т. е. случайно нанес себе рану, прикоснувшись к колючке)’.

Добавим, что некоторые исследователи при описании семантического уровня используют также понятие *гиперроли* [Генюшене, 1983: 15], которая определенным образом мотивирована конгломерацией элементарных ролей, которые сливаются в единую роль с обобщенным значением.

Для более полного и детального описания РГ и рефлексивных конструкций (далее – РК) учитываются также дополнительные семантические элементы, которые появляются в окружении РГ и могут носить как факультативный, так и облигаторный характер: 1) Attr –

качественный / количественный признак, который приобретает субъект / объект; 2) Mode – способ выполнения действия; 3) Temp – время протекания / выполнения действия; 4) Loc – место протекания действия / нахождения участника глагольного действия.

На синтаксическом уровне ситуация, которая описывается НГ и РГ, и ее участники выражаются с помощью синтаксических членов предложения. В настоящем исследовании в синтаксической структуре НГ и РГ выделяются следующие элементы: 1) подлежащее (Sb), которое может быть выражено формой единственного (Sb_{ед}) или множественного числа (Sb_{мн}); 2) дополнение в винительном падеже (Ob_{вин}); 3) косвенное дополнение (Ob_{дат}); 4) предложное дополнение (Ob_{предл}); 5) предикатив (Prädik).

4. Диатезные преобразования в оппозиции НК и РК. Согласно принципам синтаксической семантики НГ и РГ рассматриваются в составе образуемых ими конструкций. Свойства РГ более четко выражаются в оппозиции с НГ, поэтому объектом анализа здесь являются оппозиции нерелексивная конструкция: релексивная конструкция (НК : РК).

Изменения, которые происходят при релексивной деривации НГ / НК → РГ / РК, фиксируются в диатезах по схеме *исходная диатеза* (Δ_0) → *производная диатеза* (Δ_1).

Исходной диатезой называется такая НК, в которой выражается соответствие синтаксических актантав партиципантав ситуации и референтным именам. При переходе от исходной НК к производной РК происходит определенное изменение числа актантав исходной диатезы. Суть диатезного преобразования заключается в том, что в производной диатезе участники действия, обозначаемого РГ, на семантическом уровне могут выражаться другими членами предложения в сравнении с исходной НК [Храковский, 1981: 13]. Диатеза, которая фиксируется в производной РК, называется *производной диатезой*, ср.:

(12) нем. а. *Sie* [Pers₁ / Ag / Sb_{мн}.] *schmückten die Braut* [Pers₂ / Pt / Ob_{вин}] *mit Kranz und Schleier* [NonP / Inst / Ob_{дат}.] ‘Они нарядили невесту в фату и венок’ (исходная диатеза) → б. *Die Braut* [Pers / AgOb_{пос.} / Sb_{ед}.] *schmückte sich mit Kranz und Schleier* [NonP / Inst / Ob_{дат}.] ‘Невеста нарядилась в фату и венок’ (производная диатеза);

(13) рус. а. *Она* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед}] *обула ребёнка* [Pers₂ / Pt / Ob_{вин}] *в новые сандалии* [NonP / Med / Ob_{пр.}] (исходная диатеза) → б. *Она* [Pers / AgOb_{пос.} / Sb_{ед}] *обулась в новые сандалии* [NonP / Med / Ob_{пр.}] (производная диатеза).

Производная РК является *рецессивной*, в которой по сравнению с исходной НК происходит снижение валентности смыслового глагола [Недялков, 1985: 21], например:

(14) рус. а. *Она* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед}] *расчесала свои длинные волосы* [Part / Pt / Ob_{вин}]. → б. *Она* [Pers₁ / AgOb_{пос.} / Sb_{ед}] *расчесалась*.

Из примера (14) видно, что в РК (14б) элиминируется второй синтаксический актанта исходной НК (14а), выраженный дополнением в винительном падеже (*свои длинные волосы*).

5. Типы диатезных преобразований. У собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках выявлены следующие типы диатезного преобразования (см. ниже 5.1 – 5.4).

5.1. Первый тип диатезного преобразования «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» характеризуется элиминацией второго референта и изменением в ролевой структуре первого референта, совмещающего в производной диатезе одновременно роль субъекта (агенса) и объекта (пациенса), ср.:

(15) рус. а. *Татьяна* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *умыла и передела чумазых, но, к счастью, совершенно целых детей* [Pers₂ / Pt / Обвин]. → б. *Таня* [Pers₁ / AgOb_{пос.} / Sb_{ед.}] ...*умылась, застелила постель*.

(16) нем. а. *Die Mutter* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *kämmt das Kind* [Pers₂ / Pt / Обвин] ‘Мать причесывает ребенка’ → б. *Die Mutter* [Pers₁ / AgOb_{пос.} / Sb_{ед.}] *kämmt sich* ‘Мать причесывается (т. е. причесывает свои волосы)’.

Аналогичное диатезное преобразование наблюдается у посессивно-рефлексивного глагола с референтом-животным в позиции подлежащего: в РК происходит элиминация партитивного референта, выступающего в семантической роли пациенса, ср.:

(17) нем. а. *Die Hühner* [Pot / Ag / Sb_{мн.}] *plustern ihr Gefieder* [Part / Pt / Обвин] *auf* ‘Куры распушивают свои перья’ → б. *Die Hühner* [Pot / AgOb_{пос.} / Sb_{мн.}] *plustern sich auf* ‘Куры распушиваются’.

Аналогичный диатезный сдвиг происходит в НГ и РГ с семантикой ухода за внешностью, ср:

(18) нем. *etw., jmdn. pudern* ‘пудрить кого / что-л.’ → *sich pudern* ‘пудриться’, *etw. jmdn. ziehen* ‘одевать кого-л. / надевать что-л.’ → *sich anziehen* ‘одеваться’, *jmdn., etw., kleiden* ‘одевать кого / надевать что-л.’ → *sich kleiden* ‘одеваться’, *etw., jmdn. auskleiden* ‘раздевать кого / что-л.’ → *sich auskleiden* ‘раздеваться’ и др.;

(19) рус. *пудрить кого / что-л.* → *пудриться, расчесывать кого / что-л.* → *расчесываться, брить кого / что-л.* → *бриться, вытирать кого / что-л.* → *вытираться, одевать кого / что-л.* → *одеваться, оголять кого / что-л.* → *оголяться, обнажать кого / что-л.* → *обнажаться; переодевать кого-л. / что-л.* → *переодеваться, раздевать кого-л. / что-л.* → *раздеваться, отряхивать кого-л. / что-л.* → *отряхиваться, брить* → *бриться, расчесывать* → *расчёсываться* и др.

В анализируемом типе диатезного преобразования выделяются подтипы, характеризующиеся появлением в НК и/или РК дополнительных семантических элементов, уточняющих глагольное действие:

5.1.1. Конкретизатор времени действия (Temp), например:

(20) нем. а. *Du* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *hast das Heft* [NonP / Pt / Ob_{вин.}] *ingesudelt* ‘Ты испачкал тетрадь’ → б. *Du* [Pers / Ag_{qu}Ob_{пос.} / Sb_{ед.}] *hast dich bei der Arbeit* [Temp] *ingesudelt* ‘Ты испачкался во время работы’; аналогично:

(21) нем. а. *Er* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *hat sein frisches weißes Hemd* [NonP / Pt / Ob_{вин.}] *beschmutzt* ‘Он испачкал чистую белую рубашку’ → б. *Die Kinder* [Pers / Ag_{qu}Ob_{пос.} / Sb_{мн.}] *haben sich beim Spielen* [Temp] *beschmutzt* ‘Дети испачкались во время игры’;

(22) рус. *Она* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *поранила руку* [Part / Pt / Ob_{вин.}] → б. *Она* [Pers / Ag_{qu}Ob_{пос.} / Sb_{ед.}] *поранилась во время готовки* [Temp].

5.1.2. Конкретизаторы времени действия (Temp), инструмента (Inst) либо средства действия (Med), ср.:

(23) нем. а. *Du* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *hast das Heft* [NonP / Pt / Ob_{вин.}] *ingesudelt* ‘Ты испачкал тетрадь’. → б. *Du* [Pers / Ag_{qu}Ob_{пос.} / Sb_{ед.}] *hast dich bei der Arbeit* [Temp] *mit Tinte* [Med] *ingesudelt* ‘Ты испачкался чернилами во время работы’;

(24) рус. а. *Она* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *поранила руку* [Part / Pt / Об_{вин.}]. → б. *Она* [Pers / Ag_{qu}Ob_{пос.} / Sb_{ед.}] *поранилась ножом* [Inst] *во время готовки* [Temp].

5.1.3. Конкретизатор способа действия (Mod), ср.:

(25) нем. а. *Ich* [Pers / Ag_{qu.} / Sb_{ед.}] *habe ihn* [Pers₂ / Pt / Об_{вин.}] *nur leicht* [Mode] *geritzt* ‘Я лишь слегка его оцарапал’ (т. е. каким-то острым предметом нанес легкую травму) → б. *Ich* [Pers / Ag_{qu}Ob_{пос.} / Sb_{ед.}] *habe mich leicht* [Mode] *geritzt* ‘Я слегка оцарапался’.

5.1.4. Конкретизатор источника травмы/телесного повреждения (Sw / d):

(26) нем. а. *Er* [Pers / Ag_{qu} / Sb_{ед.}] *hat ihn* [Pers₂ / Pt / Об_{вин.}] *versehentlich verletzt* ‘Он случайно ранил его’ → б. *Er* [Pers / Ag_{qu}Ob_{пос.}] *hat sich am Stacheldraht* (Sw/d) *verletzt*. ‘Он поранился о колючую проволоку’.

5.2. **Второй диатезный тип РК** «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ» характеризуется элиминацией второго референта, изменением в ролевой структуре первого референта и сохранением референтной, семантической и синтаксической структуры третьего участника рефлексивной ситуации. Ср.:

(27) нем. а. *Er* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *besprengte einen Ohnmächtigen* [Pers₂ / Pt / Ob_{вин.}] *mit Wasser* [NonP / Med / Ob_{предл.}] ‘Он обрызгал упавшего в обморок водой’ → б. *Grenouille* *händigte ihm die beiden Flakons mit dem konventionellen Blütenduft aus, und der Marquis*

[Pers / AgOb_{пос.} / Sb_{ед.}] *besprengte sich damit* [NonP / Med / Ob_{предл.}] ‘Гренуй вручил ему два флакона с обычными цветочными духами, и маркиз обрызгался (надушился) ими’.

В примере (27б) второй референт – объект действия элиминируется, первый референт (*der Marquis*) приобретает комбинированную (двойную) роль «агенса + посессивный объект», а третий участник ситуации (*Flakons mit dem konventionellen Blütenduft*) заменяется на синтаксическом уровне указательным местоименным наречием (*damit*).

Аналогичный диатезный сдвиг наблюдается в русском языке, ср.:

(28) рус. а. *Она* [Pers1 / Ag / Sb_{ед.}] *обрызгала сомлевшего* [Pers2 / Pt / Ob_{вин.}] *водой* [NonP / Med / Ob_{предл.}], *чтобы тот пришел в себя.* → б. *Он* [Pers / Ag Ob_{пос.} / Sb_{ед.}] *обрызгался водой* [NonP / Med / Ob_{предл.}], *чтобы прояснить мысли.*

Рассматриваемый тип диатезного преобразования отмечен у РГ, обозначающих:

1) физические действия субъекта над своим телом, часто с использованием определенного инструмента или средства, ср.:

(29) нем. *sich mit etw. bespritzen / besprühen* ‘обрызгиваться / опрыскиваться чем-л.’ (← *etw., jmdn. mit etw. bespritzen/besprühen* ‘обрызгивать / опрыскивать что-л., кого-л. чем-л.’), *sich mit etw. parfümieren* ‘душиться, опрыскивать себя (духами)’ (← *etw., jmdn. mit etw. parfümieren* ‘опрыскивать, душить (духами) что-л., кого-л. чем-л.’) и др.;

(30) рус. (разг.) *спрыснуться чем-л.*, т. е. *спрыснуть себя чем-л.* (например духами) (← разг. *спрыснуть кого-л., что-л. чем-л.*), *побрызгаться / опрыскиваться чем-л.* (← *побрызгать / опрыскивать что-л., кого-л. чем-л.*), *облиться / обдаться чем-л.* (← *облить / обдать кого-л., что-л. чем-л.*) и др.;

2) поведение человека, межличностные отношения, ср.:

(31) нем. *sich j-m aufdringen / aufschließen / anvertrauen / erklären* (gehob.) ‘навязываться / открыться / довериться / объяснить кому-л.’ (← *j-m etw. aufdringen / aufschließen / anvertrauen / erklären* (gehob.) ‘навязывать кому-л. что-л. (дружбу, любовь) / открыться кому-л. что-л. (сердце) / доверять (тайну) / объяснять кому-л. что-л. (например, свое мнение)’ и др.; рус. *довериться / ввериться кому-л.* (← *доверить / вверить кому-л. что-л.* (например, тайну, свою жизнь)) и др.;

3) идеальную (ментальную) деятельность человека, часто связанную с внутренней энергией субъекта (вниманием, состоянием, чувствами), ср.:

(32) нем. *etw. auf etw. konzentrieren* ‘концентрировать что-л. (например, силы, энергию, внимание и т. п.) на что-л. (например, на цель) → *sich auf etw. konzentrieren* ‘сконцентрироваться на чем-л. (например, на игре)’;

(33) рус. *концентрировать / сконцентрировать / сосредоточить что-л.* (н-р., силы, внимание, мысли) *на чем-л.* → *концентрироваться / сконцентрироваться / сосредоточиться на чем-л.*

5.3. К **третьему типу** диатез относится «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ». При данном диатезном преобразовании исходный набор участников сохраняется в РК, но у второго участника происходит понижение синтаксического ранга. Семантические роли участников в НК и РК изменяются в зависимости от характера глагольного действия. Например:

(34). нем. а. *Ich* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *rächte ihn* [Pers₂ / Pt / Ob_{вин.}] ‘Я мстил ему’ → б. *Ich* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *habe mich an ihm* [Pers₂ / Pt / Ob_{предл.}] *gerächt* ‘Я отомстил ему’;

(35) нем. а. *Er* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *hat sein Englisch* [Part / Ob_{пос.} / Ob_{вин.}] *vervollkommnet* (perfektioniert) ‘Он усовершенствовал свой английский’ → б. *Er* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *hat sich in der englischen Sprache* [NonP / Ob_{пос.} / Ob_{предл.}] *vervollkommnet* ‘Он усовершенствовался в английском языке’.

В рассматриваемом типе диатезного преобразования выделяются следующие подтипы с такими конкретизаторами:

5.3.1 способ действия (Mod):

(36) нем. а. *Sie* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *hat ihn* [Pers₂ / Pt / Ob_{вин.}] *in aller Öffentlichkeit herabgewürdigt* ‘Она унизила его перед всей публикой (общественностью)’ → б. *Sie* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *muss sich herabwürdigen, wieder an die Tür ihres Geliebten zu klopfen* [Mod] ‘Она вынуждена была унизиться, снова постучав в дверь своего возлюбленного’.

5.3.2. Цель субъекта действия (Tar), ср. (35а) и (36с):

(37) нем. с. *Er* [Pers / Ag / Ob_{пос.} / Sb_{ед.}] *hat sich um einiger Vorteile* [Tar] *zum Spitzel herabgewürdigt* ‘Он унизился ради собственной выгоды до роли доносчика’.

5.4. **Четвертый тип** диатезного преобразования «трехвалентный НГ → трёхвалентный РГ» характеризуется сохранением в РК первого и второго референтов и изменением в синтаксической структуре третьего референта, ср.:

(38) нем. а. *Er* [Pers / Ag / Sb_{ед.}] *hat ihr* [Pers₂ / Ben / Ob_{дат.}] *seine Begleitung* [Part / Ob_{пос.} / Ob_{вин.}] *angetragen* ‘Он предложил ей провести её (букв. своё сопровождение)’ → б. *Er* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *hat sich ihr* [Pers₂ / Ben / Ob_{дат.}] *als Begleiter* [Part / Ag / Prädik/] *angetragen* ‘Он предложил ей себя в качестве провожатого’;

(39) рус. а. *Друг* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *всегда навязывал ей* [Pers₂ / Ben / Ob_{дат.}] *свои советы* [Part / Ob_{пос.} / Ob_{вин.}], *хотя она их не просила.* → б. *Он* [Pers₁ / Ag / Sb_{ед.}] *упорно навязывался ей* [Pers₂ / Ben / Ob_{дат.}] *со своим непрошеным вниманием* [Part / Ob_{пос.} / Ob_{предл.}].

6. Выводы

6.1. Под *собственно-рефлексивными глаголами* понимаются производные РГ, в референтной структуре которых происходит элиминация (сокращение) второго референта (лицо) и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия. РП в структуре таких РГ имеет значение *себя*, т. е. маркирует полное совпадение референтов субъекта и объекта действия.

6.2. Под *посессивно-рефлексивными глаголами* понимаются производные РГ, в референтной структуре которых элиминируется второй партитивный референт (= отчуждаемая / неотчуждаемая часть субъекта), а первый референт выступает одновременно в двух семантических функциях – субъекта действия и объекта действия. РП в структуре данных РГ метонимически ассоциируется либо с одной определенной частью объекта, либо с его несколькими частями, т. е. рефлексивный аффикс маркирует частичное совпадение референтов субъекта и объекта действия.

6.3. У собственно-рефлексивных и посессивно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках выявлено четыре типа диатезных преобразований: «двухвалентный НГ → одновалентный РГ», «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ», «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ», «трехвалентный НГ → трёхвалентный РГ».

6.4. Диатезы типов «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» и «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ» распадаются на подтипы с конкретизаторами глагольного действия: «время» (Temp), «инструмент» (Inst), «средство» (Med), «способ действия» (Mod), «источник травмы / телесного повреждения» (Sw / d), «цель субъекта действия» (Tar).

6.5. Диатезный тип «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» характеризуется элиминацией второго референта и изменением в ролевой структуре первого референта, совмещающего в производной диатезе одновременно роль субъекта (агенса) и посессивного объекта (см. (15)–(19)). В данном типе диатезного преобразования появляются дополнительные семантические элементы, уточняющие глагольное действие:

а) конкретизатор времени действия (см. (20)–(22));

б) конкретизаторы времени действия, инструмента либо средства действия (см. (23, (24)));

в) конкретизатор способа действия (см. (25));

г) конкретизатор источника травмы / телесного повреждения (см. (26)).

6.6. Диатезный тип «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ» характеризуется элиминацией второго референта, изменением в ролевой структуре первого референта и

сохранением референтной, семантической и синтаксической структуры третьего участника рефлексивной ситуации (см. (27), (28)). Данный тип диатезных преобразований отмечен у РГ, обозначающих:

- а) физические действия субъекта над своим телом, часто с использованием определенного инструмента или средства (см. (29), (30)),
- б) поведение человека и межличностные отношения (см. (31)),
- в) идеальную (ментальную) деятельность человека, часто связанную с внутренней энергией субъекта (вниманием, состоянием, чувствами) (см. (32), (33)).

6.7. Диатезный тип «двухвалентный НГ → двухвалентный РГ» характеризуется сохранением исходного набора участников в РК и понижением синтаксического ранга у второго участника ситуации (см. (34), (35)). Семантические роли участников в НК и РК изменяются в зависимости от характера глагольного действия. В рассматриваемом типе диатезного преобразования выделяются следующие подтипы с такими конкретизаторами:

- а) способ действия (см. (36));
- б) цель субъекта действия (см. (37)).

6.8. Диатезный тип «трехвалентный НГ → трёхвалентный РГ» характеризуется сохранением в РК первого и второго референтов и изменением в синтаксической структуре третьего референта (см. (38), (39)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. I. Лексическая семантика. 472 с.
2. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. 562 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. Генюшене Э. Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 160-184.
5. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. 168 с.
6. Неद्याлков В. П. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985. С. 3-19.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.
8. Писарева В. В. Типы необратимых рефлексивных глаголов в немецком и русском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2018. Т. 14. Вып. 2-3 (40-41). С. 154-163.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 654 с.
10. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. М.: Наука, 1979. 304 с.

11. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5-38.

12. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: Аст-пресс, 1999. 698 с.

2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.

3. Национальный корпус русского языка. RusCorpora. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 27.10.2019).

4. Чернышев В. И. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.

5. Duden Online Wörterbuch. Режим доступа: <https://www.duden.de/>. (дата обращения: 27.10.2019).

6. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Режим доступа: <https://www.dwds.de/>. (дата обращения: 27.10.2019). [DWDS].

7. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1980. 458 S.

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1995). *Izdranniye Trudy* [Selective Works]. Moskva: Schkola «Yazyki russkoy kultury», Vostochnaya literature, RAN. T. I. Leksicheskaya semantika. (In Russ.).

2. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskoy osveshchenii* [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Izd-vo «Noulidzh». (In Russ.).

3. Benvenist, Ye. (1974). *Obshhaya lingvistika* [General linguistics]. Moskva: Progress. (In Russ.).

4. Geniušienė, E. Sh. (1981). *K teorij opisanija reflektivnykh glagolov (na materiale litovskogo yazyka)* [On a theory of describing reflexive verbs in Lithuanian language]. In *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh yazykakh*. Leningrad: Nauka. Pp. 160–184. (In Russ.).

5. Geniušienė, E. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya reflektivov* [Reflexive verbs in Baltic languages and the typology of reflexive verbs]. Vilnyus. (In Russ.).

6. Nedyalkov, V. P. (1985). *Refleksivnye konstruksii v baltiyskikh yazykakh i tipologicheskaya anketa* [Reflexive constructions in Baltic languages and their typological profile]. In *Refleksivnye glagoly v indoevropeyskikh yazykakh*. Kalinin. Pp. 3-19. (In Russ.).

7. Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexis]. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.).

8. Pisareva, V. V. (2018). *Tipy neobratimyykh reflektivnykh glagolov v nemetskom i russkom yazykakh* [Types of non-reversible reflexive verbs in German and Russian]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 14. Vyp. 2-3 (40-41). Pp.154-163. (In Russ.).

9. Tesnière, L. (1988). *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Elements of structural syntax]. Moskva: Progress. (In Russ.).

10. Kholodovich, A. A. (1979). *Problemy grammaticheskoy teorii* [The problems of grammatical theory]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

11. Khrakovkiy, V. S. (1981). *Diateza i referentnost (K voprosu o sootnoshenii aktivnykh, passivnykh, reflektivnykh i retsiprokhnykh konstruktsiy)* [Diathesis and referentiality (On the question of active, passive, reflexive and reciprocal constructions)]. In *Zalogovye konstruksii v ranznostruktrnykh yazykakh*. Leningrad: Nauka. Pp. 5-38. (In Russ.).

12. Chafe, W. (1975). *Znachenie i struktura yazyka* [Meaning and the Structure of Language]. Moskva: Progress. (In Russ.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Babenko, L. G. (1999). *Tolkovyy slovar russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Dictionary of Russian verbs. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moskva: Ast-press. (In Russ.).

2. Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar russkogo yazyka* [New Russian dictionary]. Moskva: Russkii yazyk. (In Russ.).

3. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka. RusCorpora* [Russian National Corpus. RusCorpora]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/>. (accessed: 27.10.2019). (In Russ.).

4. Chernyshev, V. I. (1954). *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 tomakh* [The dictionary of modern Russian literary language in 17 volumes]. M.-L.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR. (In Russ.).

5. *Duden Online Wörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de/>. (accessed: 27.10.2019).

6. *Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*. Available at: <https://www.dwds.de/>. (accessed: 27.10.2019). [DWDS].

7. Helbig, G., Schenkel, W. (1980). *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben*. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut.

Писарева Виктория Вадимовна – аспирант
кафедры германской филологии
(e-mail: victorija.pisareva@yandex.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Pisareva Viktoriya V. – Postgraduate Student of
the Germanic Philology Department
(e-mail: victorija.pisareva@yandex.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 05 ноября 2019 г.

ИЗОМОРФИЗМ И АЛЛОМОРФИЗМ АНГЛИЙСКИХ, НЕМЕЦКИХ И ШВЕДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОСНОВАННЫХ НА МЕТАФОРЕ

В статье рассматривается проблема изоморфизма и алломорфизма в соматической фразеологии трех наиболее распространенных германских языков: английского, немецкого и шведского. В результате исследования был выявлен ряд изоморфных и алломорфных особенностей в механизмах семантического преобразования генетического прототипа в анализируемых фразеологических единицах.

Ключевые слова: английский, немецкий, шведский, фразеология, германистика, изоморфизм, алломорфизм, метафора.

© 2019 T. N. Fedulenkova

ISOMORPHISM AND ALLOMORPHISM OF ENGLISH, GERMAN AND SWEDISH PHRASEOLOGICAL UNITS BASED ON METAPHOR

The paper deals with the problem of isomorphism and allomorphy in somatic phraseology of the three most common Germanic languages: English, German and Swedish. The research results in finding out a set of isomorphic and allomorphic features in the mechanisms of semantic transformation of the genetic prototype in the phraseological units under study.

Key words: English, German, Swedish, phraseology, Germanics, isomorphism, allomorphy, metaphor.

1. Introduction

1.1. Contrastive approach to phraseology. Methods and Terms

The paper is dedicated to contrastive analysis of English, German and Swedish phraseological units (PUs) based on metaphor, which is considered, alongside metonymy and synecdoche, to be one of the most frequent types of semantic transformation of the genetic prototype of idioms [Naciscione, 2010: 175; Piirainen, 2016: 29] and other phraseological units [Fedulenkova, 2016: 6-14]. I shall keep to the term *a phraseological unit* as an umbrella one [Fedulenkova, 2003: 86], because of the ambiguity and lack of distinctiveness of the term *idiom* [Malmkjaer, 2004: 345]. Componential-semantic analysis is based on the method of phraseological identification and on the method of phraseological analysis suggested by Alexander V. Kunin [Кунин, 2005: 38-43] and on the method of phraseological application initiated by Vlas Pl. Zhukov [Жуков, 2006: 46-48]. The comparative-typological analysis is guided by the ideas of Vladimir D. Arakin and his conception of comparative typology of non-related languages [Аракин, 2005: 24-35]. A set of paradigmatic and non-paradigmatic methods of linguistic analysis introduced by Z. Komarova is also employed in the research [Комарова, 2018: 381].

Contrastive approach is a comparatively new one in the field of phraseology. It is not even mentioned in the set of other approaches ('semantic approaches', 'lexicalist approaches', 'syntactic approaches', 'functional approaches', 'lexicographical approaches') in the recent R. Moon's book on fixed expressions and idioms based on her doctoral thesis [Moon, 1998: 9-18].

The object of the research is represented by somatic phraseological units in the three most common modern Germanic languages, namely: English, German and Swedish. The substantive components in the phraseological units under study serve to denote the parts of the body, namely, the organs of the sense. The subject of the research consists in finding out some isomorphic and allomorphic features in the mechanisms of semantic transformation of the genetic prototype of the analyzed PUs. The genetic prototype is considered to be a prototypical combination of words that undergoes some semantic change and turns into a homonymic phraseological unit, i.e. that serves as a material substance of a new linguistic sign.

1.2. Ideas of isomorphism and allomorphism and their development

In the late forties of XX century the term *isomorphism* was introduced into linguistics by J. Kurilowicz, who borrowed it from mathematics, and in the past several decades its application has proved to be productive in contrastive studies of different language units, idioms as well as other phraseological units inclusive [Федуленкова, 2017: 96]. In respect to the comparative study of Russian and English, the idea of isomorphism was applied to by Vladimir D. Arakin in the late seventies and early eighties [Аракин, 1983: 3-35]. V. D. Arakin maintained that one of the aims of typological analysis is to find out systematic instances of isomorphism of different languages, i.e. to find out the likeness of not only their micro-systems but also of their subsystems and the whole systems. However, we maintain that absolute isomorphism in human languages is unreal as well as absolute regularity.

The idea of allomorphism was developed by Vladimir D. Arakin with the view of his program of methodical prediction taking into consideration the phenomena of discrepancy between grammatical categories in English and in Russian [Аракин, 1989: 5]), which is supposed to be helpful in avoiding mistakes in the foreign language acquisition.

2. Results of the research and their discussion

2.1. Frequent isomorphic types of metaphorical transference in phraseological units

During the process of nomination based on metaphor, the unknown referent is compared to the known one and is likened to it, the likeness, or *similarity* being conventional [Kövecses, 2002: 67]. By means of semantic analysis of the phraseological units of the three Germanic languages, I have found out some most frequent isomorphic types of metaphorical transference in the meaning of the components of the PUs under study, which are as follows:

1. Transference of meaning of the original word combination, which is based on the general likeness of two actions: *wag one's tongue* (Eng.), *seine Zunge wetzen* (Ger.), *låta tungan löpa* (Sved.) – having the common meaning ‘to be too talkative’. Compare the contexts:

Eng. *Don't tell anyone your secret – you know how **tongues wag** around here* (BNC. H. Warren).

Germ. *Während sie mit oder ohne Kieselstein **die Zunge wetzten** <...>, konnten sich ihre Sklaven <...> mit Olivenpflücken abrackern* (B. Kant. Die Aula).

Swed. *... och fördenskull **lät han tungan löpa** och berättade en hel mängd småhistorier ifrån bruken* (S. Lagerlöf. Charlotte Löwensköld).

The genetic prototypes of the phraseological units, generating the image, differ in the non-somatic components and semantic transference of the action character comes from different initial verbal denotation.

The phraseological units may originate from the identical image: *lift one's hand against smb, die Hand gegen jemanden erheben, lyfta sin hand mot någon* – with the common meaning ‘to threaten (to strike) someone’, as in the contexts:

Eng. *'You would lay your fingers on my woman! You would **lift your hand against me!** Against me!' he roared.* (A. J. Cronin. Hatter's Castle).

Germ. *...Haß auf die Welt, in der für Ferdi und Edith kein Platz war, kein Platz für meinen Vater und für Groll und für den Jungen, <...> nicht für den Polen, der **gegen** Vacano **die Hand erhob**.* (H. Böll. Billard um halb zehn).

Swed. *Det var folkets hela hämnd. Ingen **lyfte sin hand mot prästen** eller sade ett ord till honom själv* (S. Lagerlöf. Gösta Berlings saga).

2. Transference of meaning of the original word combination, which is based on the likeness of the sensation caused by the impact on the first signal system, and of the reaction of the second signal system to its adequate irritants which are expressed, in the case under study, by word combinations denoting reproach, censure, praise, flattery, servility, fawning, etc. Associations between concrete sensations and abstract notions cause the birth of the phraseological units that, I suppose, might be named syncretic: a) *burn one's fingers, sich die Finger verbrennen, bränna sig på fingrarna* – meaning ‘to receive harm or punishment for one's actions’, b) *rap smb over the fingers / knuckles, j-m etwas / eins auf die Finger geben, slå ngn på fingrarna* – meaning ‘to criticize somebody for doing something wrong, or to catch somebody red-handed’. Compare the contexts:

Eng. *He got rapped over the knuckles for spending too much money on his business lunches* (BNC. H. Warren).

Germ. *Er brachte die Schmähchrift der Königin. Maria Luisa las. «Man sollte dem Lorenzano eins auf die Finger geben», sagte sie, gefährlich ruhig* (L. Feuchtwanger. Goya).

Swed. *Men om du minns nåra råd som jag ska ge dig så ska man inte kunna slå dig på fingrarna* (L. Ahlin. Om).

3. Transference of meaning of the original word combination, which is based on the likeness of the intensiveness of the action: *live from hand to mouth, von der Hand in der Mund leben, leva ur hand i mun* – meaning ‘to live in poor circumstances’. Compare the contexts:

Eng. *There was nothing between rhetoric and imperative. He had no policies. He lived from hand to mouth making instant resolves every time he opened his mail* (BNC: Clerical errors).

Germ. *Er hat keinerlei Rücklagen, da er jahrelang nur von der Hand in den Mund gelebt hat* (BNC. MDtl).

Swed. *Han måste ändå skaffa sig husdjur! Och inte leva så ur hand i mun!* (S. Lidman. Din tjänare hör).

4. Transference of meaning of the original word combination, which is based on the likeness of the limit of reach, or accessibility, of the concrete and the abstract: *get smth in the palm of one's hand, auf der Hand liegen, ha någon på sina fem fingrar* – meaning ‘to have something completely in one's power, to have a perfect view of something’. See the contextual meaning:

Eng. *He had Mason County in the palm of his hand... The one day Willie woke up and found himself running for Governor* (R. P. Warren. All the King's Men).

Germ. *Die politische Wichtigkeit der Frage des Ursprungs der Klassen und des Staates liegt auf der Hand* (F. Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats).

Swed. *Inte en provinsialläkare i detta land som inte jag har på mina fem fingrar* (S. Arner. Tvärbalk).

5. Transference of meaning of the original word combination, which is based on the likeness of the physical awkwardness and mental inflexibility: *lead somebody by the nose, jemanden an der Nase herumführen, dra vid näsan* – meaning ‘to force somebody to obey one, to know how to impose one's will over someone, or to have a strong influence on someone’, compare:

Eng. *The secretary led her boss by the nose until she had spent all his money* (BNC. D. M. Gulland).

Germ. *Entweder ist man ... ein Aufriührer gegen den König, oder man führt nicht erst Heere nach Paris und läßt sich nicht an der Nase herumführen* (H. Man. Henri Quatre, Jugend).

Swed. *Publikanerna var vaksamma och inte så lätta att dra vid näsan ...* (L. Ahlin. Hatt i marknadstälten).

6. Transference of meaning of the original word combination, which is based on the likeness of the real and unreal action: *lose one's tongue* (meaning: 'to be reticent or silent when expected to speak'), *jemandem die Zunge lösen* (meaning: 'to force someone to become talkative'), *binda någons tunga* (meaning: 'to force someone to become silent'). Having no support in reality, those combinations of words acquire a new / transferred meaning at the moment of their occurrence and resulting phraseologisms, therefore, do not have homonymic combinations of words as their prototype. The new meaning is confirmed by the context, cf.:

Eng. 'Now,' she went on, 'you must call me Aunt Flo and we shall be great friends.' But the boys, faced with this flamboyant and somewhat terrifying figure, **had lost their tongues** (A. P. Cowie. ODIE).

Germ. *Steife, schweigsame Engländer wallfahren scharenweise nach Frankreich, um dort sprechen und sich bewegen zu lernen, und bei ihrer Rückkehr sieht man mit Erstaunen, daß ihnen die Zunge gelöst ist ...* (H. Heine. Englische Fragmente).

Swed. *De kan inte svara mig när jag blir kritisk mot dem; de hatar mig för att jag har bundit tungan på dem!* (S. Arner. Tvärbalk).

As a rule, phraseological units based on imaginary associations have no equivalents in other languages, because they reflect the specific perception of the world by the speakers of each particular language, which, in turn, is determined to a large extent by extralinguistic factors such as the peculiarities of geographical location, economic and cultural development, socio-political activity, etc., of people who speak the language.

2.2. 'Apparent anomalies' and motivations

In most cases metaphorical transformation of the global meaning in the phraseological units is connected with actualization of the somatic component's seme, correspondingly: *part of the body – Körperteil des Menschen – kroppsdel av mannen*. The expressive power of such metaphorical phraseological units is created by means of bumping lexically incompatible components together and depends upon the degree of unexpectedness of such incompatibility: *bite off one's nose*, *auf den Ohren sitzen* (lit. to sit on one's ears), *linda något om sitt finger* (lit. to wind somebody round one's finger), etc.

Notwithstanding the originality of image of somewhat contradictory or paradoxical combination of lexemes, the phraseological units based on metaphor are mainly characterized by motivation, as there is often a possibility to trace back metaphorical associations, which served

as basis of the given phraseological units. But motivation has been lost or become obscure at least synchronically in, as R. Moon [Moon, 1998: 104] puts it, *apparent anomalies*, as in the case with the following phraseological units:

Engl. *score a bull's eye* having the meaning of 'to make a spectacular success' [Gulland & Hinds-Howell, 2005: 58], *King Charles' head* being 'a synonym for any quaint or fanciful obsession' [Gulland & Hinds-Howell, 2005: 76], etc.,

Germ. *sich (D) etwas aus den Fingern saugen* (*lit.* to suck something out of the finger) with the meaning 'to tell lies' [Шекасюк, 2014: 179], *j-m auf der Nase herumtanzen* (*lit.* to dance on somebody's nose) – with the meaning 'to subdue somebody totally' [Шекасюк, 2014: 412], etc.,

Swed. *ta skeden i vacker hand* (*lit.* to take a spoon into a beautiful hand) with the meaning 'bli tvungen att rätta sig efter de rådande förhållandena' [Allen, 2006: 1088], i.e. 'to submit oneself to, to yield to, or to reconcile oneself to one's fate', *ha en räv bakom örat* (*lit.* to have a fox behind one's ear) with the meaning defined as 'vara slug och opålitlig' [Allen, 2006: 1018], i.e. to be very cunning, unreliable, etc.

The inner form of those phraseological units has evidently undergone process of semantic depletion or semantic shift. Non-motivated, from the synchronic point of view, phraseological units are as a rule structurally and semantically allomorphic.

2.3. Manifestations of allomorphy in phraseology

The structural-semantic analysis of the phraseological units under study testifies to the fact that allomorphy is inferior to isomorphism and mainly shows itself on the level of the inner form of the phraseological unit. Allomorphic features of the phraseological units under study manifest themselves vividly on the lexical and grammatical levels of analysis of phraseology and can be described in the terms of inter-lingual morphological, lexical, lexical-morphological, lexical-morphological-quantitative, etc. types of correspondences. For details see [Федуленкова, 2018: 89].

3. Conclusions

The comparative-typological analysis of the inter-linguistic relations of phraseological units, based on the metaphorical model of the re-analysis of the component composition, in three German languages – English, German and Swedish – makes it possible to draw the following conclusions:

Most metaphorical phraseological units in the languages under study were motivated because they retain a transparent internal shape clearly indicative of the original features of the denotates concerned.

The isomorphism of the nature of PU metaphorization in the comparable languages is that the metaphorical transfer of meaning in the component composition of PUs is carried out (in all the three languages) on the basis of the following types of associations:

- 1) associations by the similarity of general character of two different real actions;
- 2) associations by similarity of reaction to sensations and abstract concepts;
- 3) associations by similarity of intensity of two different actions;
- 4) associations by similarity of physical and intellectual reach limit;
- 5) associations by similarity of characteristics of physical and intellectual qualities of the action recipient;
- 6) associations by the imaginary similarity of real and unrealistic actions.

Partial divergence of the image due to non-static components is determined by characteristics of allomorphy of the image of matched phraseological units in the three languages.

The allomorphy of Germanic metaphorical phraseology is confirmed by the presence of a considerable number of different inter-linguistic variants.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.20. М.: МГПИ, 1983. 38 с.
2. Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. М.: Высш. шк., 1989. 158 с.
3. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
4. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. М.: Высш. шк., 2006. 408 с.
5. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.
7. Федулenkova Т. Н. Изоморфные и алломорфные отношения английской, немецкой и шведской фразеологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 9. С. 96-98.
8. Федулenkova Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: курс лекций. М.: Издательский Дом Академии Естествознания, 2018. 220 с.
9. Шекасюк Б. П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. М.: URSS, Либроком, 2014. 858 с.
10. Allen S. Norstedts stora svenska ordboken. Norstedts: Norstedts Förlagsgrupp AB, 2006. Available at: <https://ru.formidapps.com/ios/app.norstedts-stora-svenska-ordbok-jAwzjjAt.aspx>. (accessed: 09.10.2019).
11. Fedulenkova T. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics by Anita Naciscione, 2001. Riga: Latvian Academy of Culture, pp. Xi + 283 // Language and Literature. 2003. Vol. 12 (1). P. 86-89.
12. Fedulenkova T. N. Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 6-14.
13. Gulland D. M., Hinds-Howell D. G. The Penguin Dictionary of English Idioms. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 2005. 400 p.

14. Kövecses Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.
15. Malmkjaer K. (ed.). *The Linguistics Encyclopedia*. London, N.Y.: Routledge, 2004. 687 p.
16. Moon R. *Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 338 p.
17. Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, 2010. 292 p.
18. Piirainen E., Balázs J. A. Devil in wolf's clothing. Variations on the theme of *speak of the wolf / devil and he appears* // *Proverbium*. Yearbook of International Proverb Scholarship. 2016. № 33. P. 29-50.

REFERENCES

1. Arakin, V. D. (1983). *Strukturnaya tipologiya russkogo i nekotorykh germanskikh yazykov (yedinitsi sopostavitelno-tipologicheskogo analiza yazykov)* [Structural typology of Russian and some Germanic languages (units of comparative-typological analysis of languages): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk v forme dokl.: 10.02.20. Moskva: MGPI. (In Russ.).
2. Arakin, V. D. (1989). *Tipologiya yazykov i problema metodicheskogo prognozirovaniya* [Language typology and the problem of methodical forecasting]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
3. Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian]. Moskva: Izd-vo FIZMATLIT. (In Russ.).
4. Zhukov, V. P., Zhukov, A. M. (2006). *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Komarova, Z. I. (2019). *Metodologiya, metod, metodika i tehnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of scientific research in linguistics]. Moskva: FLINTA, Nauka. (In Russ.).
6. Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A course of phraseology of modern English]. Dubna: Feniks. (In Russ.).
7. Fedulenkova, T. N. (2017). *Izomorfnye i allomorfnye otnosheniya angliyskoy, nemetskoy i shvedskoy frazeologii* [Isomorphic and allomorphic relations of English, German and Swedish phraseology]. In *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*. No 9. Pp. 96-98. (In Russ.).
8. Fedulenkova, T. N. (2018). *Sopostavitel'naya frazeologiya angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov* [Comparative phraseology of English, German and Swedish]. Moskva: Izdatelskiy Dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.).
9. Schekassück, B. P. (2014). *Neues deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch*. Moskva: URSS, Librokom. (In Russ.).
10. Allen, S. (2006). *Norstedts stora svenska ordboken*. Norstedts: Norstedts Förlagsgrupp AB. Available at: <https://ru.formidapps.com/ios/app.norstedts-stora-svenska-ordbok-jAwzjjAt.aspx>. (accessed: 09.10.2019).
11. Fedulenkova, T. (2003). *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics* by Anita Naciscione, 2001. Riga: Latvian Academy of Culture, pp. Xi + 283. In *Language and Literature*. Vol. 12 (1). Pp. 86-89.
12. Fedulenkova, T. N. (2016). *Isomorphic models in somatic phraseology based on synecdoche in English, German and Swedish*. In *Yazyk i kultura* [Language and culture]. No 2(34). Pp. 6-14.
13. Gulland, D. M., Hinds-Howell, D. G. (2005). *The Penguin Dictionary of English Idioms*. Harmondsworth: Penguin Books Ltd.

14. Kövecses, Z. (2002). *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
15. Malmkjaer, K. (ed.). (2004). *The Linguistics Encyclopedia*. London, N.Y.: Routledge.
16. Moon, R. (1998). *Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach*. Oxford: Clarendon Press.
17. Naciscione, A. (2010). *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin Publishing Company.
18. Piirainen, E., Balázs, J. A. (2016). Devil in wolf's clothing. Variations on the theme of *speaking of the wolf / devil and he appears*. In *Proverbium. Yearbook of International Proverb Scholarship*. № 33. Pp. 29-50.

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корр. РАН, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: fedulenkova@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

Fedulenkova Tatiana N. – Doctor of Philology, RANS Corr. Member, Professor of foreign languages for professional communication Department (e-mail: fedulenkova@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87 Gorkogo, Vladimir, 600026

Поступила в редакцию 28 октября 2019 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitelno-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 15 Выпуск 3 (45) 2019

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринёва.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 05.12.2019 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,39.
Тираж 100 экз. Заказ № 19-Декабрь167/1.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.